

МАТЕРІА.

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКА

СЪБРАННЫЕ

ЭКСПЕДИЦІЯМИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА, СНАРЯЖЕННЫМИ НА ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАН

ВЫПУСКЪ II.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ

МОСКВА.

1889.

льсовъ.

ступовъ церкви со сводомъ надъ

упола съ его трибуной и основа-

рки, поддерживающія куполь.

ночь (замѣть) толщиной въ $5\frac{1}{2}$ кир-

онета).

----- VIII. Досчатая стропила (кружала) большой главы съ ихъ

деталями.

----- IX. *d'* Разрѣзъ колокольной или малой главы.

e' Фасадъ и планъ ея съ практическими подробностями.

f' Лицевая развернутая плоскость парусовъ *у* (черт.

тежь VI)

g' Рядъ перемычекъ (въ разрѣзѣ показанныхъ подъ ли-
терой *з*, черт. VI) по окружности кольца для основа-

нія трибуны.

1965 г.

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества,
снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ II

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулокъ, № 5

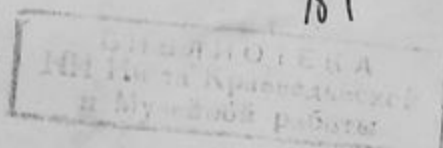
1889

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1889 г.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

81
1950 2.

В - 394

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНАГО МОРЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ.

Отчетъ д. ч. — В. Сизова.

I.

Отъ Новороссійска до Сухума.

Весной 1886 года, принявъ на себя порученіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества заняться въ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ археологическими изслѣдованіями восточнаго побережья Чернаго моря, примѣрно, отъ Новороссійска до Сухума, — я рѣшился прежде всего ознакомиться непосредственно съ предназначеннымъ раіономъ для нашихъ археологическихъ изысканій. Такое предварительное знакомство съ этой мѣстностью, опредѣляя хотя въ общихъ чертахъ количество и характеръ археологическаго матеріала, интереснаго для изслѣдованія, давало мнѣ возможность болѣе цѣлесообразно распорядиться своимъ временемъ и сосредоточить изслѣдованія на мѣстахъ, болѣе важныхъ въ археологическомъ отношеніи. При этомъ я долженъ былъ имѣть въ виду, что весь матеріаль архитектурный и преимущественно церковнаго характера отходилъ въ область изслѣдованій спеціалиста Н. В. Никитина.

Кавказскій берегъ Чернаго моря, съ глубокой древности заселенный сплошь варварскими народами въ то же время у устій рѣкъ и морскихъ заливовъ былъ оживленъ и Греческими колоніями. Какъ извѣстно, у авторовъ классической древности, описывавшихъ этотъ край, упоминается цѣлый рядъ названій городовъ, бухтъ и пристаней по этому побережью. Къ сожаленію, до сихъ поръ опредѣленія многихъ изъ этихъ мѣстъ, по большей части не основываясь на фактическихъ данныхъ, возбуждаютъ сомнѣнія. Неопредѣленность и неясность въ приурочиваніи указанныхъ древними авторами извѣстныхъ мѣстностей еще болѣе увеличивается отъ того обстоятельства, что многіе изъ древнихъ писателей, составляя свои компиляціи, большею частью совершенно не были

сами знакомы съ этимъ краемъ, а описывали мѣстность на основаніи слуховъ, какъ всегда часто невѣрныхъ и не ясныхъ. Изъ числа древнихъ писателей по личному знакомству съ этимъ краемъ и по богатству свѣдѣній о немъ въ особенности заслуживаютъ вниманія Арріанъ и Страбонъ, которыхъ указанія весьма важны для изученія древнихъ поселеній этого побережья. Въ средніе вѣка свѣдѣнія объ этомъ краѣ оживляются и увеличиваются, въ особенности благодаря портуланамъ или морскимъ картамъ Генуэзцевъ, Венеціанъ, Каталонцевъ. Затѣмъ, съ начала турецкаго господства на Черномъ морѣ, наступаетъ сравнительно глухое время въ культурной исторіи этого побережья. Только спустя долгое время послѣ утвержденія турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это побережье описанія любознательныхъ путешественниковъ, католическихъ миссіонеровъ и, наконецъ, людей торговыхъ. Скудость письменнаго матеріала тѣмъ болѣе заставляеть дорожить археологическими изслѣдованіями и раскопками, которыми можно было-бы подтвердить или исправить извѣстныя комментирования древнихъ писателей и вообще восполнить недостатокъ историко-топографическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

На основаніи этихъ соображеній я и поставилъ себѣ задачей на первый разъ въ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ своихъ придерживаться преимущественно тѣхъ мѣстностей, которыя, по всему вѣроятію, могли въ древности играть роль культурныхъ центровъ этого побережья. Такая задача при условіи успѣшныхъ изслѣдованій могла вообще имѣть важный научный интересъ въ смыслѣ разъясненій древней топографіи этого края. Опредѣленіе мѣстности древнихъ культурныхъ центровъ, ихъ характера и степени вліянія ихъ на туземныхъ жителей могли выяснитъ только раскопки и изслѣдованія, произведенныя въ сохранившихся могильникахъ этого побережья. Научный матеріалъ, собранный этими раскопками, какъ я надѣялся, могъ-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на этнографическія черты или отличія древнихъ обитателей этого края, извѣстныхъ подъ именемъ: Синдовъ, Зиховъ, Керкетовъ, Ахейанъ и Геніоховъ, тѣмъ болѣе, что съ этими именами до сихъ поръ не связано въ наукѣ никакихъ опредѣленныхъ представленій и племенныхъ отличій: древніе и средне-вѣковые писатели обыкновенно обобщаютъ нравы и обычаи всѣхъ этихъ племенъ; при томъ-же самыя описанія этихъ нравовъ и обычаевъ, какъ извѣстно, крайне скудны. Такимъ образомъ, мой планъ топографическихъ изслѣдованій древнихъ колоній по необходимости связывался съ задачами этнографическими, а вслѣдствіи этого и самая почва изслѣдованій значительно расширялась. При всемъ томъ я не имѣлъ надежды

окончательно выполнить планъ своихъ работъ, такъ какъ полноту и законченность изслѣдованій я по необходимости долженъ былъ ставить въ зависимость, какъ отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ приходилось производить работы, такъ въ особенности отъ времени, которымъ я могъ располагать для своего пребыванія на Кавказѣ.

Вотъ почему иногда изслѣдованія и раскопки получали по необходимости характеръ археологическихъ развѣдокъ, полезныхъ во всякомъ случаѣ для будущихъ изслѣдователей этого края, въ которомъ, какъ извѣстно, систематическихъ раскопокъ и развѣдокъ до сихъ поръ еще не было произведено.

Знакомство наше съ кавказскимъ берегомъ Чернаго моря мы начали съ Новороссійска, гдѣ и собрали свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ окрестностяхъ. Желая, согласно предположенному плану, ознакомиться прежде всего съ прибрежной мѣстностью до Сухума—мы торопились выѣхать изъ Новороссійска на югъ, по направленію къ Сухуму. Путешествіе наше мы предпочли совершить сухимъ путемъ, такъ какъ такой способъ передвиженія обѣщаль намъ болѣе близкое знакомство съ краемъ и его жителями, а стало быть и болѣе успѣшное собираніе свѣдѣній о древностяхъ. Къ сожалѣнію, мѣстность, принадлежавшая тогда къ Черноморскому округу, заселилась недавно, а потому жители еще мало ознакомились съ окрестностями, выходящими изъ черты ихъ хозяйственныхъ интересовъ. Такъ, напр., въ селеніи Джубѣ казакъ-поселенецъ сообщилъ мнѣ, что назадъ тому 9 лѣтъ, онъ какъ-то разъ, отправившись на охоту въ окрестныя горы, видѣлъ въ одномъ ущельѣ большое изъ камня высѣченное изваяніе человѣческой фигуры, но въ настоящее время этого ущелья онъ никакъ уже отыскать не можетъ. Подобные факты незнанія окрестностей встрѣчались не разъ на нашемъ пути. Мы проѣхали Геленжикъ, Пшадъ, Береговую, Вуланку и пріѣхали въ Джубу. Собирая по дорогѣ свѣдѣнія о курганахъ, могильникахъ и другихъ памятникахъ древности, я не увлекался пока изслѣдованіями и раскопками, а ограничивался только осмотромъ интересныхъ для меня мѣстностей; впрочемъ въ с. Береговой, гдѣ разлитіе рѣки Пшада удержало насъ по неволѣ лишнее время, я успѣлъ произвести раскопку небольшого кургана, принадлежащаго къ обширному могильнику, у самаго селенія: высота этого кургана была около $\frac{1}{2}$ метра, форма полушарообразная. Насыпь состояла изъ вязкой глины; на самой поверхности земли надъ серединой насыпи оказался скелетъ, лежавшій какъ бы на помостѣ изъ плосковатыхъ камней на самомъ скелетѣ лежали также камни.

Положеніе скелета было съ NW на SO (головой на NW): придавленные камнями кости находились не въ порядкѣ, но руки, повидимому, были вытянуты вдоль туловища; у костей правой ноги лежалъ сосудъ красной глины, очень грубой работы, въ формѣ кувшина съ отбитыми краями и ручкой. На лѣвомъ плечѣ лежали желѣзные ножницы. По сторонамъ черепа нашлись двѣ серебряныя серьги; имѣвшія сердце-видную форму. Типъ подобныхъ серегъ встрѣчался въ раскопкахъ Самоквасова на Кавказѣ, и — въ коллекціи вещей изъ Осетіи: (Историческій Музей).

Рис. 1.

Во время краткаго пребыванія въ селеніи Джубѣ мы осмотрѣли прекрасно сохранившійся долмень, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, очень интересный по размѣрамъ и по полуциркульной пристройкѣ. Какъ извѣстно, долмены мѣстные жители называютъ „богатырскими хатами“; пристройку же эту жители прозвали „богатырской конюшней“. Покойный Байернъ издалъ рисунокъ этого самаго долмена: (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. 7); но, къ сожалѣнію, весьма небрежно и невѣрно. Бывшій съ нами въ качествѣ фотографа художникъ г. Михайловъ: сдѣлалъ планъ и рисунокъ этого долмена, по указаніямъ г. Никитина (Таб. I *). Невдалекѣ отъ этого памятника въ лѣсу

*) Помѣщенный въ текстъ мой рисунокъ (№ 1) изображаетъ долмень со стороны, противоположной полуциркульной пристройки и со входомъ, сдѣланнымъ позднѣе.

лежали нѣсколько камней; на одномъ изъ нихъ можно было замѣтить орнаментъ, но къ сожалѣнію этотъ камень былъ совершенно прикрытъ корнями большого дерева, срубить которое мы не рѣшились, не имѣя на это разрѣшенія владѣльца лѣса, находившагося въ отсутствіи.

Желая выиграть время, мы рѣшили переѣздъ до Сочи совершить на парадѣ, тѣмъ болѣе, что лошадей здѣсь достать было затруднительно.

Въ Сочи мы остановились на нѣсколько дней въ надеждѣ ознакомиться съ окрестными памятниками древности, но проливные дожди отняли у насъ много времени, такъ что я съ своей стороны рѣшился ограничиться только осмотромъ развалинъ крѣпости — Мамай-Кале, находящихся въ 4-хъ верстахъ къ сѣверу отъ Сочи. Въ сопровожденіи казака и проводника-матроса я добрался верхомъ по приморской тропинкѣ до подошвы крѣпости; самыя развалины ея находятся на высокомъ и отвѣсномъ берегу, заросшемъ густымъ лѣсомъ; подъемъ къ нимъ крутой и трудный. Съ сѣвера и юга берегъ, занятый развалинами, ограничивается ущельями, составлявшими ложе горныхъ рѣкъ: по южному ущелью и теперь струится рѣчка Мамайка. Къ востоку мѣстность слегка поката, но далѣе переходитъ въ возвышенность, покрытую непроходимой зарослью. Развалины стѣнъ крѣпости съ тремя угловыми башнями въ планѣ образуютъ треугольникъ, обращенный своимъ основаніемъ къ морю, но стѣны обращенной въ эту сторону уже не сохранилось, — она свалилась въ воду и часть ее еще виднѣется изъ воды въ недалекомъ разстояніи отъ берега; болѣе-же мелкія глыбы и отдѣльные камни встрѣчаются по всей крутизнѣ подъема. На южномъ углу крѣпости сохранилась нижняя часть башни со слѣдами входа. Башня имѣетъ внутри многостороннюю форму и сильно выступаетъ впередъ, примыкая позади къ сходящимся въ острый уголъ крѣпостнымъ стѣнамъ. Стѣна, идущая на сѣверъ отъ этого угла, оканчивается круглой башней, также выступающей впередъ. Отъ этой стѣны подъ прямымъ угломъ идетъ другая стѣна, оканчиваясь уже у моря квадратной башней; стѣна эта посрединѣ имѣетъ нишу, обозначенную снаружи выступомъ, а внутри украшенной полуциркульной аркой. Кладка стѣнъ не равномерна: такъ въ первой пяти угольной башнѣ кладка стѣнъ состоитъ изъ камней-дикарей большихъ размѣровъ, подобранныхъ и подтесанныхъ очень ловко, попадаются изрѣдка въ кладкѣ куски кирпича квадратной формы; у входа сохранились, оставленные въ кладкѣ камней углубленія для укрѣпленія балокъ или воротъ. Большею частью однако стѣны крѣпости сложены изъ булыжника, хорошо пригнаннаго по формѣ въ кладку, но безъ

цемента. Между деревьями у крутого всхода съ самага берега моря попадались большія отесанныя плиты известняка. Зарисовавъ часть внутренней стѣны въ пятиугольной башнѣ съ цѣлью наглядно познать читателя съ характеромъ кладки, я торопился затѣмъ измѣрить стѣны и снять планъ.

Стѣны сохранились мѣстами болѣе сажени въ вышину, но верхняя часть стѣны осыпалась по сторонамъ и скатившіеся камни, наполняя внутренность крѣпости, давали возможность легко взойти на стѣны. Идя по гребню стѣнъ, я измѣрялъ ихъ длину, но страшная растительность часто дѣлала большія препятствія даже и для этой работы: чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ нужно было предварительно вырубить вѣтви вьющагося винограда и въ особенности колючей сарсапарели, которая, непрерывно цѣпляясь за платье, опутывала кругомъ и не пускала сдѣ-

Рис. 2.

Рис. 3.

лать ни шагу впередъ. Только послѣ трудной борьбы наконецъ удалось сдѣлать измѣреніе стѣнъ и нанести ихъ на планъ (Таб. II, ф. I. А). Къ сожалѣнію, я вынесъ впечатлѣніе, что здѣсь нельзя и думать о систематическихъ изслѣдованіяхъ безъ большихъ затратъ средствъ и времени. Между тѣмъ, у сѣверной стѣны, между грудями камней, попадались толстые фрагменты сосудовъ, въ которыхъ, вѣроятно, хранилось вино или масло: глина этихъ фрагментовъ краснаго цвѣта и прекрасно обожжена. Многіе изъ такихъ черепковъ украшены рядами рельефныхъ кружочковъ, произведенныхъ какъ-бы отъ давленія пальцемъ (рис. 2—3). Постройка изъ дикарей, тщательно подобранныхъ, правильныя архитектурныя линіи; ниши изъ подтесанныхъ камней (Таб. II, ф. I. ВВ), а также общій видъ крѣпости—все это заставляетъ предполагать, что строители крѣпости были Византійцы или Генуэзцы. Вѣроятно крѣпость эта могла служить защитой торговой факторіи: отъ ея южной башни была дорога къ устью рѣки Мамайки, а устья рѣкъ и даже рѣчекъ въ этихъ мѣстахъ служили, какъ извѣстно, надежнымъ убѣжищемъ для легкихъ судовъ даже и до послѣд-
няго времени: Дюбуа, напри-мѣръ, рассказываетъ, какъ Абхазцы и Турки

на своихъ легкихъ „камарахъ“ или кочермахъ спасались въ устья рѣкъ отъ русскихъ крейсеровъ. Существуютъ слѣды древняго поселенія къ востоку отъ развалинъ крѣпости, о чемъ я получилъ свѣдѣнія отъ мѣстнаго старожила г. Горбе: онъ сообщалъ мнѣ, что на востокъ отъ Мамай-Кале онъ самъ видѣлъ слѣды древняго поселенія, состоящія изъ стѣнокъ домовъ, хорошо сложенныхъ изъ камня и занимавшихъ большое пространство; давно и случайно онъ попалъ на это мѣсто, а теперь найти и указать не можетъ вслѣдствіе густой заросли, закрывшей совершенно эти постройки.

У него-же во дворѣ я зарисовалъ яйцеобразной формы сосудъ изъ красной глины, украшенный вверху клеймомъ въ видѣ рѣшетчатаго круга; сосудъ этотъ найденъ не далеко отъ Сочи (рис. 4). Подобные сосуды, по заявленію Горбе, находятъ не рѣдко въ окрестностяхъ этого мѣстечка.

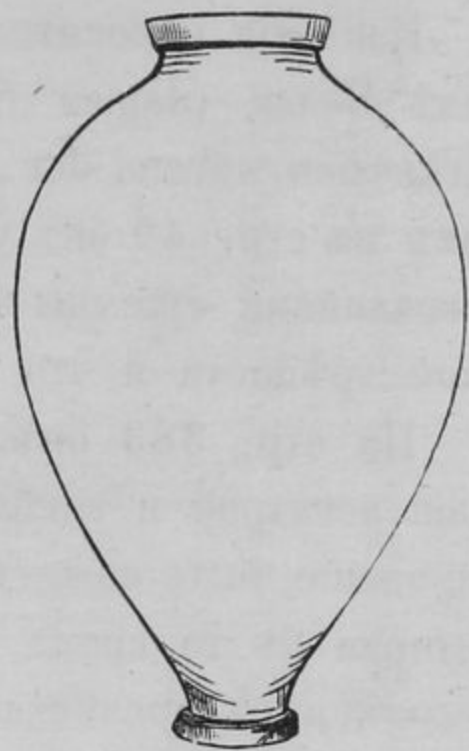

Рис. 4.

Развалины Мамай-Кале привлекали вниманіе нѣкоторыхъ путешественниковъ настоящаго столѣтія; такъ извѣстный путешественникъ „Chevalier de Gamba“, посѣтившій эти мѣста въ 1820—24 годахъ, послѣ описанія бухты Субаши, говоритъ: „On trouve ensuite la baie de Mamai, beaucoup plus ouverte et qui n'est véritablement qu'une anse“. Далѣе, по его словамъ, только лѣтомъ приѣзжаютъ сюда корабли за лѣсомъ, который получаютъ въ промѣнъ за соль, но и эта торговля постепенно упадаетъ. Такъ было въ 20-хъ годахъ.

Спустя около 15 лѣтъ послѣ Гамбы проѣзжалъ у этихъ береговъ Дюбуа, и на стр. 198, 7. I. (Voyage autour du Caucase) описываетъ эту мѣстность такъ: „Nous doublames, pendant la nuit du 18 au 19 le cap Mamai, le siège principale de la piraterie tcherkesse. Les chap-soughes de Mamai ont deux grandes galères qu'ils peuvent monter de 120 hommes“. Ниже, Дюбуа передаетъ въ слѣдующихъ словахъ очень интересное извѣстіе о находкѣ въ этой мѣстности камня съ изображеніями: „M. Tausch me raconta avoir vu à Thapsé (au Mamai), entre Aughuié et Sepsé, une grande pierre de sept à huit pieds de haut et assez épaisse, couverte de figures en relief, de cerfs, de chevreuils, de chèvres. Après l'avoir retournée, il trouva dans un cadre formé d'une chaînette sculptée, trois rangs de figures habillées à la romaine, mais

point d'inscription. C'était sans doute quelque tombeau grec" — добавляет отъ себя Дюбуа.

Трудно понять, къ какого рода греческимъ гробницамъ причисляетъ этотъ камень Дюбуа, но читая описаніе этого памятника, украшеннаго изображеніями звѣрей и рамкой изъ цѣпочки — нельзя не вспомнить тѣхъ камней, которыя описаны г. Помяловскимъ въ его изданіи. „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа“ и которые находятся въ настоящее время въ Историческомъ музеѣ.

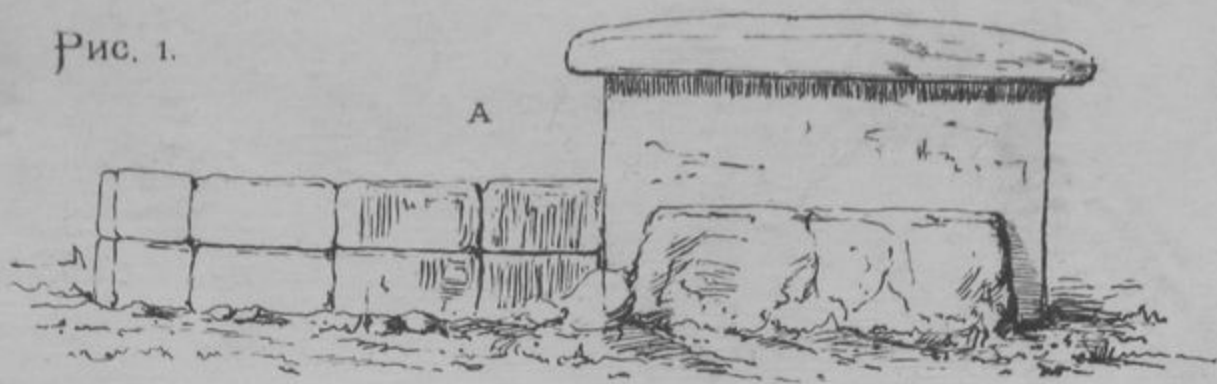
Такимъ образомъ памятникъ этотъ, хотя и предположительно, можно скорѣй отнести къ XIII—XIV столѣтію. Что-же касается костюмовъ „à la romaine“, то неизвѣстно умѣлъ-ли М. Tausch точно отличать римскую одежду.

Извѣстія относительно Мамай-Кале встрѣчаются не разъ и въ дневникѣ Белля (James Stanislaus Bell's Tagebuch seines Aufenthaltes in Circassien während der Jahre—1837, 1838 und 1839. Pforzheim 1841), такъ на стр. 42 онъ упоминаетъ, что при первомъ знакомствѣ съ этими развалинами туземцы-черкесы объяснили ему, что это развалины *генуэзской* крѣпости и что тамъ находятъ камни съ надписями.

На стр. 383 онъ описываетъ бомбардированіе этой мѣстности русской эскадрой и затѣмъ высадку сюда русскихъ войскъ. Это бомбардированіе, быть можетъ и помогло окончательному разрушенію крѣпости, которая въ то время, какъ видно, была укрѣпленнымъ пунктомъ Черкесовъ и съ древнихъ временъ служила для нихъ однимъ изъ центровъ торговли невольниками, а потому, вѣроятно, могла находиться въ живыхъ сношеніяхъ съ Кафой, Египтомъ и, позднѣе, съ Турціей.

Поѣздкой въ Учъ-Дере, имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, для осмотра развалинъ древняго храма закончились наши занятія въ Сочи, и мы на пароходѣ торопились перебраться въ Новый Аѳонъ, гдѣ Н. В. Никитинъ занялся изученіемъ христіанскихъ памятниковъ древней Никописи. Помогая ему раскопками въ этихъ изслѣдованіяхъ, я оставался только нѣсколько дней въ Новомъ Аѳонѣ, потому что поторопился переѣхать въ Сухумъ. Въ Сухумѣ я надѣялся найти матеріалъ для своихъ археологическихъ изслѣдованій и считалъ удобнымъ отсюда организовать экскурсію для раскопокъ въ окрестностяхъ.

Рис. 1.

В

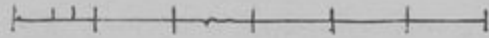
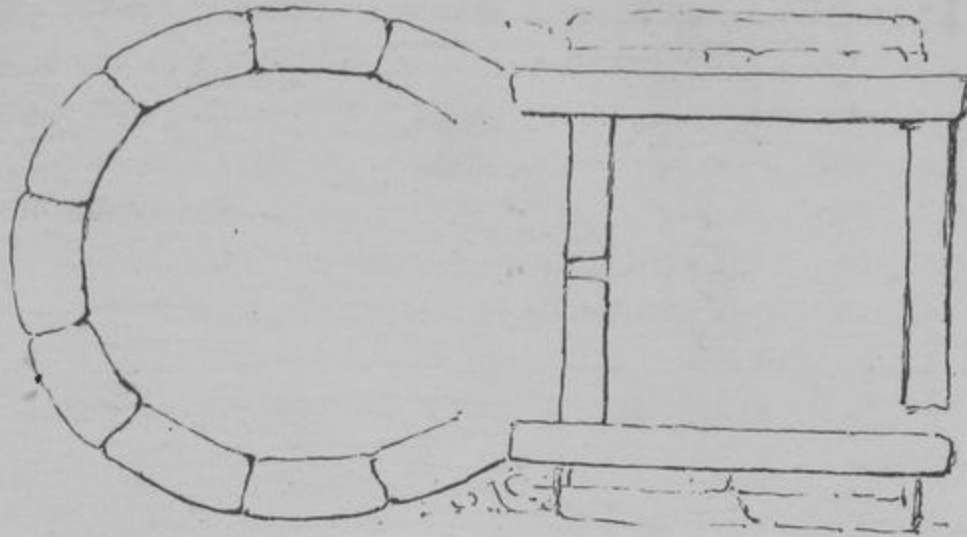

Рис. 2.

Рисунокъ 1. А. Долмень въ с. Джубѣ. в Планъ долмена. Рис. 2. Развалины стараго Сухума

БИБЛИОТЕКА
и та Краеведческой
Музейной работы

II.

Сухумъ.

Знакомство съ окрестностями. Сталактитовая пещера. Остатки древностей въ городѣ. Раскопки на Ольгинской улицѣ. Раскопки у казармъ. Результаты раскопокъ.

По пріѣздѣ въ Сухумъ (28 іюня) я спѣшилъ ознакомиться съ остатками древностей какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Въ этихъ поискахъ за памятниками старины я пользовался, главнымъ образомъ, содѣйствіемъ и указаніями В. И Чернявскаго, сухумскаго старожила, помѣщавшаго не разъ свои сообщенія о древностяхъ Абхазіи и въ особенности Сухума въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ.

Нельзя сказать, чтобы мое знакомство съ памятниками древности въ окрестностяхъ города увлекало меня къ изслѣдованіямъ и раскопкамъ: многія изъ указанныхъ урочищъ или развалинъ возбуждали во мнѣ скептическое отношеніе къ ихъ археологическому значенію; другія же относились къ церковной старинѣ, а слѣд. не входили въ область моихъ изслѣдованій. О нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ, напр., „о каменныхъ гробницахъ съ богатыми серебряными вещами“, доходили до меня лишь смутные слухи, невозможные для провѣрки за неимѣніемъ проводниковъ, которые могли бы указать эти неопредѣленные мѣста. Еще въ Новомъ-Аѳонѣ, напр., мнѣ говорили о большомъ курганѣ, находящемся недалеко отъ устья р. Беслаты, къ востоку отъ Сухума. По пріѣздѣ въ Сухумъ первая экскурсія моя была направлена къ этому кургану, возбуждавшему археологическій интересъ даже въ сухумскомъ обществѣ. Высота кургана доходитъ до 5 метровъ. Форма его не походитъ на насыпную форму погребальныхъ кургановъ; развѣдка, произведенная съ помощью кирки у подошвы и на верхней

площадкѣ не выяснила признаковъ насыпи, а потому я и не рѣшился приступить къ его раскопкѣ, и тѣмъ болѣе, что работа эта требовала значительнаго числа рабочихъ рукъ, которыхъ въ это время года достать въ Сухумѣ оказалось невозможнымъ.

У праваго берега той же рѣки, но ближе къ городу, въ крутыхъ откосахъ земли виднѣются деревянные гробы, положенные рядами, въ одномъ направленіи, на глубинѣ болѣе аршина отъ поверхности земли. Гробы сдѣланы изъ цѣльныхъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями такъ, что концы боковыхъ досокъ сильно выступаютъ впередъ предъ поперечной стѣнкой. Боковую стѣнку одного гроба, выступившую наружу можно было легко отдѣлить даже съ помощью щупа и такимъ образомъ познакомиться ближе съ характеромъ погребенія: положеніе скелета было съ востока на западъ (головой—на западъ); сколько можно было замѣтить, руки сложены на груди; вещей нѣтъ. Особенностью устройства этихъ гробовъ можно считать отсутствіе крышъ. Сопровождавшій меня чиновникъ мѣстной администраціи, родомъ мингрелецъ, сообщилъ мнѣ, что въ Мингрелии до сихъ поръ существуетъ обычай хоронить покойниковъ въ гробахъ безъ крышъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста рѣка отмыла громадную глыбу земли вмѣстѣ съ деревьями, и перевернула эту глыбу такъ, что деревянный гробъ изъ нижняго слоя земли очутился на верху.

Вообще характеръ погребенія въ этомъ могильникѣ не производилъ впечатлѣнія большой древности, а скорѣе можно было думать, что этотъ могильникъ принадлежалъ христіанскому и притомъ грузинскому населенію Сухума. Судя по степени сохранности дерева и костей врядъ ли можно дать болѣе двухъ, трехъ столѣтій.

Изъ числа другихъ моихъ экскурсій въ окрестностяхъ Сухума считаю умѣстнымъ остановиться нѣсколько на посѣщеніи мною сталактитовой пещеры, находящейся верстахъ въ восьми къ сѣверу отъ Сухума, въ мѣстности, называемой Гумо, не далеко отъ греческой деревни Михайловской *). Дорога отъ Сухума къ пещерѣ постепенно входитъ въ ущелье между двумя лѣсистыми горами; за этимъ ущельемъ дорога огибаетъ третью гору. По горамъ замѣтны карьеры, откуда добываютъ камень-известнякъ; глыбы известняка виднѣются мѣстами изъ за густой зелени. Влѣво отъ дороги на половинѣ крутизны третьей горы чернѣетъ входъ въ пещеру, по формѣ узкій и горизонтально

*) Свѣдѣніями объ этой пещерѣ я обязанъ какъ статьѣ Г. Чернявскаго, такъ и его личнымъ указаніямъ.

длинный, на подобіе щели. Подъемъ къ пещерѣ крутой и трудный, идущій по узкой тропинкѣ зигзагомъ; отверстіе пещеры отчасти занесено наносами, образовавшимися отъ горныхъ потоковъ: только согнувшись можно пройти въ пещеру и спуститься внизъ; при дальнѣйшемъ путешествіи въ пещерѣ по большей части приходится идти согнувшись. Главное затрудненіе при ходѣбѣ заключается въ неровности и узкости прохода, стѣсненнаго почти на всемъ протяженіи неровными массами сталагмитовъ; внутренность пещеры представляется рядомъ обширныхъ куполо-образныхъ пространствъ, соединенныхъ узкими переходами или корридорами, при чемъ однако эти пространства не представляютъ того фантастическаго величія и того простора какъ напримѣръ въ сталактитовыхъ пещерахъ, находящихся по склону Чатырь-дага въ Крыму.

Отверстіе пещеры находится на восточномъ склонѣ горы, такъ что направленіе самой пещеры идетъ сначала къ западу, но вскорѣ поворачиваетъ къ сѣверо-западу. Вода, просачиваясь сверху, во многихъ мѣстахъ образуетъ внизу грязную и скользкую поверхность на сталагмитахъ, по которымъ нужно пробираться съ большою осторожностью. Закрѣпивъ колъ у входа и привязавъ къ колу конецъ веревки, я прошелъ внутрь пещеры до пятидесяти метровъ, отсчитывая эти метры по моей веревкѣ. По словамъ проводника, пройденное мною пространство составляетъ только около половины всей длины пещеры. Для производства раскопокъ въ пещерѣ нужны были рабочія руки, а между тѣмъ изъ числа нанятыхъ рабочихъ въ Сухумѣ, явился къ пещерѣ только одинъ; нужно было добывать рабочихъ изъ ближайшей деревни, на что необходимо было затратить много времени, а все-таки работу пришлось начинать съ однимъ взрослымъ и двумя мальчиками. Желая выиграть время, котораго оставалось немного, я рѣшился скорѣе произвести раскопки въ пройденномъ мною пространствѣ, для этого я выбралъ два мѣста: одно въ 27 метрахъ отъ входа, другое въ 37 метрахъ. Каждая изъ площадокъ, выбранныхъ для раскопокъ, представляла не болѣе какъ $1\frac{1}{2}$ квадр. арш., большей площадки выбрать было нельзя вслѣдствіе высокихъ тѣснившихся сталагмитовъ.

При тѣхъ скромныхъ рабочихъ силахъ, которыми я располагалъ, работа вообще была затруднительна и потому производилась медленно.

Въ первой ямѣ, болѣе близкой ко входу, сталагмитовая кора была уже разломана, отчего куски ея попадались ниже, въ слой щебня, состоявшемъ изъ плоскихъ известковыхъ камней, иногда довольно большаго размѣра. Камни, составлявшіе этотъ слой, сильно слежавшійся, нужно

было разбирать по одиночкѣ; въ промежутокъ между камнями среди глины стали попадаться мелкіе осколки костей, въ перемежку съ мелкими камешками. Слой камней переходилъ постепенно въ слой мокрой желтой глины и болѣе крупныхъ костей. И такъ, послѣдній слой уже лежалъ на сплошной скалѣ. Чѣмъ глубже шла раскопка, тѣмъ болѣе площадь ея суживалась вслѣдствіе мощныхъ сталагмитовъ. Глубина слоя вынутаго была не болѣе 2-хъ четвертей. Во время раскопки вынимаемой глиной наполнялись корзины и выносились ко входу, на свѣтъ, гдѣ удобно было изслѣдовать эти кости и камешки. Оказалось, что среди костяныхъ осколковъ, камешковъ и глины попадались въ значительномъ числѣ и мелкіе кусочки угля. Къ сожалѣнію, расширить раскопку въ этомъ мѣстѣ оказалось невозможнымъ—не было достаточно силы у рабочихъ разбивать сталагмиты и очищать площадь для раскопки.

Во второмъ мѣстѣ камни были гораздо крупнѣе и лежали плотнѣе, кора сталагмитовъ оказалась цѣлой; слой мокрой глины углубился только на четверть и оканчивался слоемъ известковой грязи, составлявшей поверхность скалы. Здѣсь, между костями, попадались часто мелкіе угольки. Кости лежали въ нѣкоторомъ порядкѣ, но прослѣдить этотъ порядокъ безъ расширения площади раскопки было трудно. Одну изъ сохранившихся костей, вырытыхъ изъ этой второй ямы, опредѣлилъ профессоръ Д. Н. Анучинъ: онъ нашелъ, что кость эта принадлежитъ пещерному медвѣдю.

Что-же касается слѣдовъ человѣка, то, кромѣ угля, другихъ признаковъ человѣческой жизни здѣсь пока не было найдено; но и эти кусочки угля, вмѣстѣ съ костями пещернаго медвѣдя, найденныя при моей развѣдкѣ, даютъ право надѣяться при болѣе широкихъ изслѣдованіяхъ найти и болѣе интересные факты, какъ относительно слѣдовъ первобытной человѣческой культуры въ этомъ мѣстѣ, такъ и относительно древней уже исчезнувшей пещерной фауны.

Знакомство мое съ окрестностями Сухума заставило меня вообще предпочесть для изслѣдованій тотъ археологическій матеріалъ, который представлялся мнѣ въ самомъ городѣ. Тѣмъ болѣе, что изслѣдованія въ Сухумѣ давали мнѣ надежду выяснитъ хотя нѣсколько вопросовъ, для многихъ еще спорный, о мѣстѣположеніи древняго Діоскурія, а также вообще добыть какія либо новыя археологическія данныя для исторіи Сухума.

Нынѣшній Сухумъ расположенъ на сѣверномъ плоскомъ берегу Сухумской бухты (Таб. II, рис. 2). Съ запада городъ заканчивается старой

т. н. „турецкой крѣпостью“, имѣющей въ планѣ форму квадрата. Не доходя до крѣпости, на краю берега, встрѣчаются большіе обломки подмытыхъ водою стѣнъ. Нѣсколько дальше отъ воды, на поверхности возвышеннаго берега замѣтны очертанія въ формѣ квадратовъ каменныхъ стѣнъ, заплывшихъ землею. Наконецъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега выдаются изъ воды части обрушенной стѣнки. Всѣ эти развалины, включая сюда и нижнюю часть крѣпости, хотя и сложены изъ булыжниковъ, но по качеству цемента носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ античной древности.

Уже давно замѣчено, что вода въ этихъ мѣстахъ понемногу и постепенно завоевываетъ берегъ: только такимъ явленіемъ и можно объяснить нахожденіе частей стѣнъ подъ водою и притомъ значительномъ разстояніи отъ берега; еще недавно предъ уцѣлѣвшей крѣпостью существовала узкая полоса берега, удобная для прохода солдатъ изъ крѣпости на ученье, а теперь уже и этой полосы не существуетъ и стѣны крѣпости возвышаются надъ самой водой.

Въ настоящее время сухумская набережная на протяженіи всего приморскаго бульвара, т. е. по направленію отъ турецкой крѣпости на востокъ, защищена отъ морскихъ волнъ каменной кладкой, какъ броней. Эта кладка на восточной оконечности немного не доходитъ до Ольгинской улицы, перпендикулярной къ линіи берега. Еще при первомъ знакомствѣ моемъ съ Сухумомъ г. Чернявскій обратилъ мое вниманіе на канаву, окаймлявшую Ольгинскую улицу и устроенную городомъ для стока воды въ море. Канавы эта около 2-хъ аршинъ глубины, и по указанію г. Чернявскаго, я замѣтилъ въ разрѣзѣ ея, по всей длинѣ, торчащія внизу груды черепковъ. Собравши черепки и осмотрѣвъ ихъ, я убѣдился, что это обломки черепицъ и глиняной посуды греческаго издѣлія. Ближайшій къ Ольгинской улицѣ берегъ уже извѣстенъ былъ по находкамъ древностей.

Такъ здѣсь въ 1868 году, въ отмытомъ обрывѣ берега былъ найденъ массивный золотой обручъ съ костями человѣческаго скелета. Наконецъ, начиная отъ этого мѣста къ западу, до самой крѣпости включительно, волны давно выносили на берегъ, да и теперь выносятъ много древнихъ монетъ. Всѣ эти обстоятельства давали мнѣ право надѣяться посредствомъ раскопки выяснить, хотя нѣсколько, характеръ древняго города и его населенія. Къ сожалѣнію, я не могъ вести раскопокъ у самаго моря, такъ какъ мои раскопки могли уничтожить прибрежную дорогу и безъ того постоянно подмываемую водой. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что дома по западной сторонѣ Ольгин-

ской улицы послѣ послѣдней войны находятся еще въ развалинахъ— я рѣшилъ между пустырями домовъ вести траншею по направленію къ морю и параллельно существующей городской канавѣ. Своей предполагаемой раскопки я долженъ былъ поневолѣ придать скромный характеръ—такъ какъ въ это время въ Сухумѣ мнѣ приходилось постоянно работать только при 2-хъ, 4-хъ рабочихъ и единственно на одинъ день удалось число ихъ увеличить до 6-ти человѣкъ.

5-го іюля была начата канава къ сѣверу отъ берега моря и канава эта должна была подвигаться постепенно къ морю, т. е. по направленію къ югу. Въ этомъ направленіи канава достигала длины 25 аршинъ, ширина же ея равнялась $3\frac{1}{2}$ аршина. Глубина ея зависѣла отъ появленія воды, которая обыкновенно и заставляла прекращать въ глубь раскопку; впрочемъ, это появленіе воды почти на всемъ протяженіи канавы начиналось на глубинѣ около двухъ аршинъ съ небольшими измѣненіями (Таб. II, рис. 2, А).

Верхній слой канавы, толщиной менѣе $\frac{1}{4}$ аршина, принадлежалъ, какъ оказалось, къ наслоенію новаго времени: онъ состоялъ отчасти изъ отбросковъ сосѣдней городской канавы, а потому въ немъ и попадались греческіе черепки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раскопка подходила близко къ городской канавѣ; но, главнымъ образомъ, этотъ первый слой носилъ слѣды русскаго жилья, истребленнаго пожаромъ въ войну 1853—55 годовъ; въ доказательство можно указать, для примѣра, на найденную въ этомъ слою мѣдную арматуру съ офицерской пѣхотной каски, того образца, который относится къ 50-мъ годамъ. За этимъ культурнымъ слоемъ непосредственно слѣдовалъ плотный слой мелкихъ гладкихъ камешковъ или такъ называемаго гравія, толщиной въ $\frac{1}{2}$ аршина, при чемъ толщина этого слоя уменьшалась на половину въ южной оконечности канавы, по направленію къ морю и замѣнялась черноземомъ. Слой гравія лежалъ такъ плотно, что раскопка могла производиться только киркой и то съ большимъ трудомъ. Ниже слоя гравія начинали попадаться черепицы краснаго и розоватаго цвѣта съ возвышеннымъ краемъ на одной сторонѣ. Черепицы эти напоминали совершенно подобныя черепицы въ Херсонисѣ. Чѣмъ болѣе работа углублялась, тѣмъ болѣе попадалось фрагментовъ отъ изящной греческой посуды съ черной окраской. Горлышки и донышки лекифовъ, ручки вазъ и т. п. Между прочимъ въ этомъ слоѣ найдены были мѣдные гвозди, свинцовыя пластинки съ сверлинами для скрѣпки и загнутымъ краемъ, глиняный пирамидальной формы отвѣсъ съ сверлиной; наконецъ найдена была бронзовая монета Амизоса. Въ началѣ канавы, на сѣвер-

номъ концѣ ея, въ этомъ-же слоѣ встрѣчались жженныя кости съ небольшимъ количествомъ угля. Въ южномъ, противоположномъ концѣ попадались кости не жженныя и заваленныя плотнымъ слоемъ черепицъ; кости были въ безпорядкѣ, но все таки по ручнымъ и ножнымъ костямъ можно было замѣтить направленіе ихъ на югъ, къ морю. Идя по этой линіи до обрыва прибрежнаго шоссе надъ моремъ, въ разрѣзѣ этого обрыва замѣчались торчащія кости въ томъ-же направленіи.

Въ одномъ мѣстѣ канавы, на глубинѣ 1 арш. 6 верш., найдена кладка въ видѣ стѣнки, сложенной изъ подтесанныхъ булыжниковъ въ два ряда, высотой до 6—7 вершковъ; стѣнка эта шла діагонально въ одномъ мѣстѣ канавы и съ одной стороны, западной, была какъ-бы забучена битой черепицей. Ширина стѣнки также въ два камня или отъ 7—8 вершковъ.

На протяженіи всей канавы за густымъ слоемъ древнихъ греческихъ черепковъ непосредственно слѣдовалъ слой мокрой сѣрой глины, которую можно было-бы принять за грунтовую, если-бы мѣстами и въ этомъ слоѣ не попадались черепки. Во всякомъ случаѣ углубляться въ этотъ слой не позволяла просачившаяся сильно вода.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ фактовъ моей раскопки, можно сказать, что весь древній греческій культурный слой лежалъ на слоѣ сѣроватой мокрой глины. Вѣроятно, въ древности этотъ слой не былъ такъ изобилень водою, какъ теперь, а въ тѣ времена вода, безъ сомнѣнія имѣла правильно регулированныя искусственныя стоки. Быть можетъ открытая мною стѣнка была стѣнкой древней канавы для стока воды подобно той канавѣ, которая идетъ не далеко отъ крѣпости.

Во время раскопки канавы или траншеи замѣчено было, что количество черепковъ уменьшалось по направленію къ Ольгинской улицѣ т. е. къ востоку; въ противоположную-же сторону къ западу, черепки попадались въ большомъ изобиліи; въ этомъ послѣднемъ направленіи, казалось, можно было ожидать и большихъ слѣдовъ древней жизни; поэтому отступая 10 сажень отъ линіи канавы къ западу, я рѣшился въ этомъ направленіи сдѣлать другую раскопку, и для этой цѣли отыскалъ свободную площадку между руинами каменныхъ домовъ. Раскопка здѣсь была произведена въ формѣ квадратной ямы, каждая сторона, которой равнялась $4\frac{1}{2}$ арш., а глубина доходила только до $1\frac{1}{2}$ арш.

Эта новая раскопка дала въ общихъ чертахъ тѣ же результаты, что и раскопка первой канавы: верхній слой принадлежалъ русскому жилью: и по находкамъ въ этомъ слоѣ, и по заявленію старожиловъ на этомъ мѣстѣ находилась до разоренія въ послѣднюю войну кухня; этотъ верх-

ний слой занималъ не болѣе $\frac{1}{4}$ арш. глубины; ниже начался плотный слой мелкихъ камешковъ, сильно слежавшійся.

Слой этотъ продолжался въ глубину на 1 арш. и закончился также мокрой сѣрой глиной, въ которой и встрѣчалось наслоеніе греческихъ черепковъ; сначала попадались фрагменты грубыхъ толстыхъ черепицъ, куски окрашенной въ темно-розовый цвѣтъ толстой штукатурки, но глубже стали попадаться фрагменты тонкихъ греческихъ сосудовъ красной глины и характерные черепки съ черной поливой. Къ сожалѣнію, работу эту нужно было скоро прекратить, такъ какъ вода быстро наполняла нижнюю часть ямы, и черепки въ этомъ нижнемъ слоѣ нужно было уже собирать ощупью.

Къ особенностямъ этой раскопки, сравнительно съ первой, можно отнести тотъ фактъ, что вода здѣсь начинала уже очень сильно просачиваться черезъ глину на $1\frac{1}{2}$ аршина глубины—тогда какъ въ первой раскопкѣ слой сырой глины начинался только на глубинѣ двухъ аршинъ; съ другой стороны, въ послѣдней раскопкѣ оказалось, что массивный слой мелкихъ камешковъ прикрывалъ непосредственно греческій культурный слой, затянутый наносной глиной и водой. Такимъ образомъ въ этой мѣстности важнымъ факторомъ въ новыхъ наслоеніяхъ надъ классической почвой являлась вода, осаждавшая зеленоватосѣрую глину и камешки, а мощность этихъ наносныхъ слоевъ указываетъ на силу движенія воды, а главное на время, потребное для образованія этихъ наслоеній.

Какъ-бы то ни было, но раскопки показали, что слѣдовъ древней греческой жизни въ этой мѣстности слѣдуетъ искать на глубинѣ болѣе аршина.

Кромѣ того, можно утвердительно сказать, что послѣ классическаго населенія никакой другой народности здѣсь не жило вплоть до самаго владычества русскихъ. Длинный рядъ годовъ отъ классическаго времени до владычества русскихъ характеризуется ярко въ раскопкахъ тѣмъ мощнымъ слоемъ щебня, гравія и частью чернозема, который не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака человѣческой культуры, а образовался въ этотъ длинный промежутокъ времени благодаря особымъ физическимъ условіямъ этой мѣстности.

Быть можетъ болѣе ясные слѣды Римскаго господства, Византійскаго, а также Турецкаго могли сохраниться въ самой крѣпости, или въ ближайшихъ къ ней мѣстахъ, но изслѣдованіе этихъ мѣстъ требовало большихъ рабочихъ силъ, которыми я не могъ располагать въ Сухумѣ.

Во всякомъ случаѣ, слѣды эти, если-бы таковые и нашлись, могли

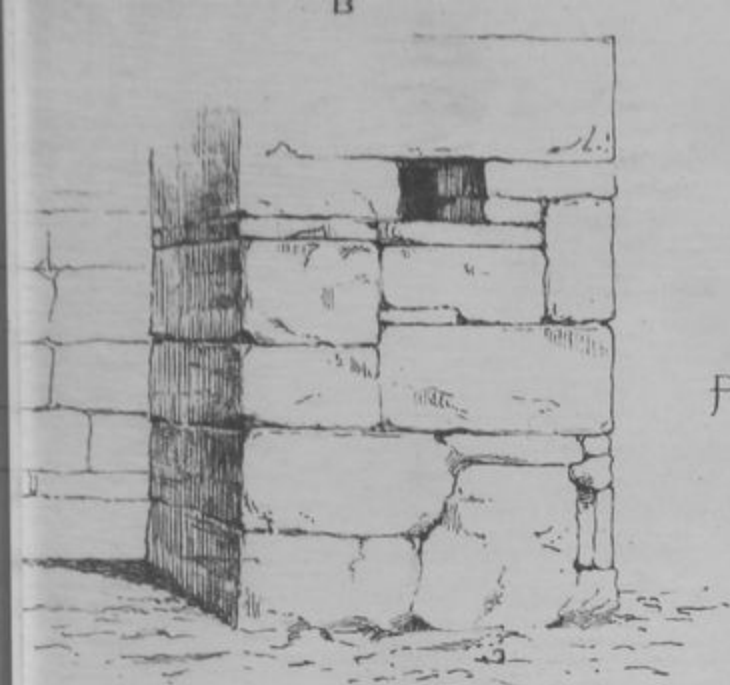

Рис. 1

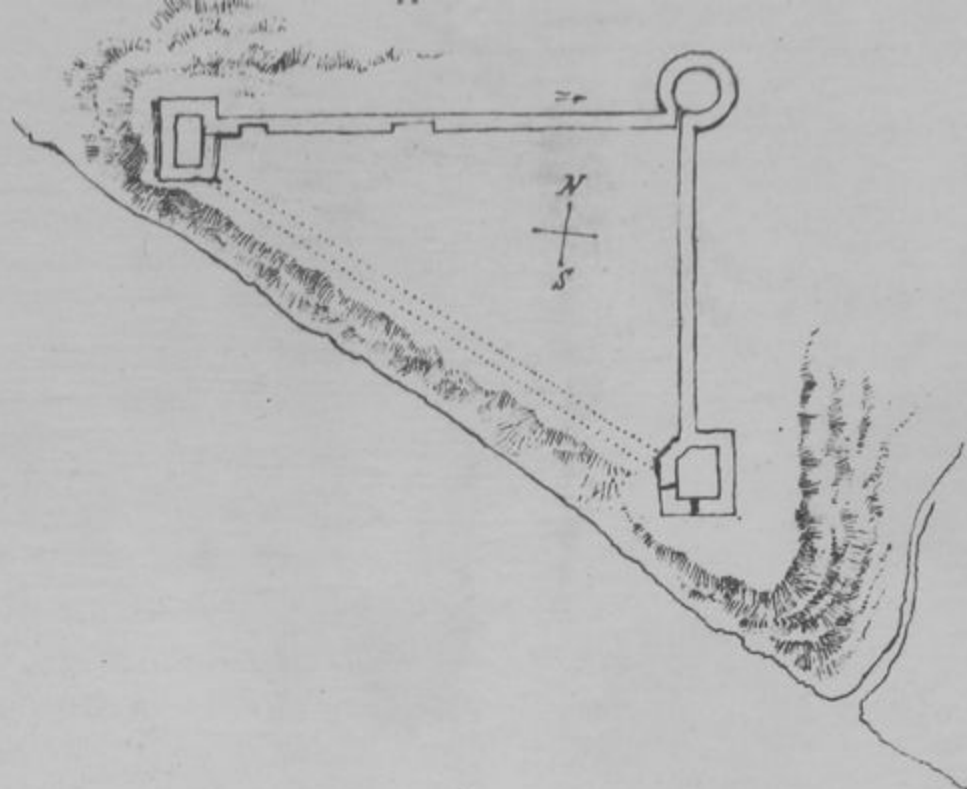
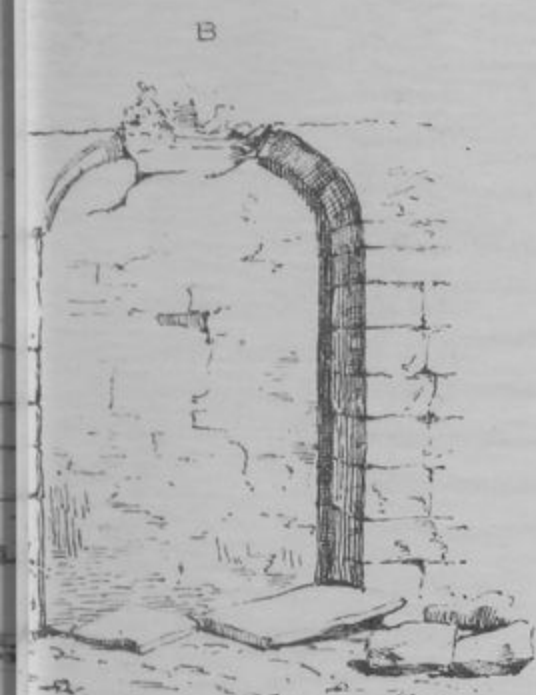

Рис. 2

В

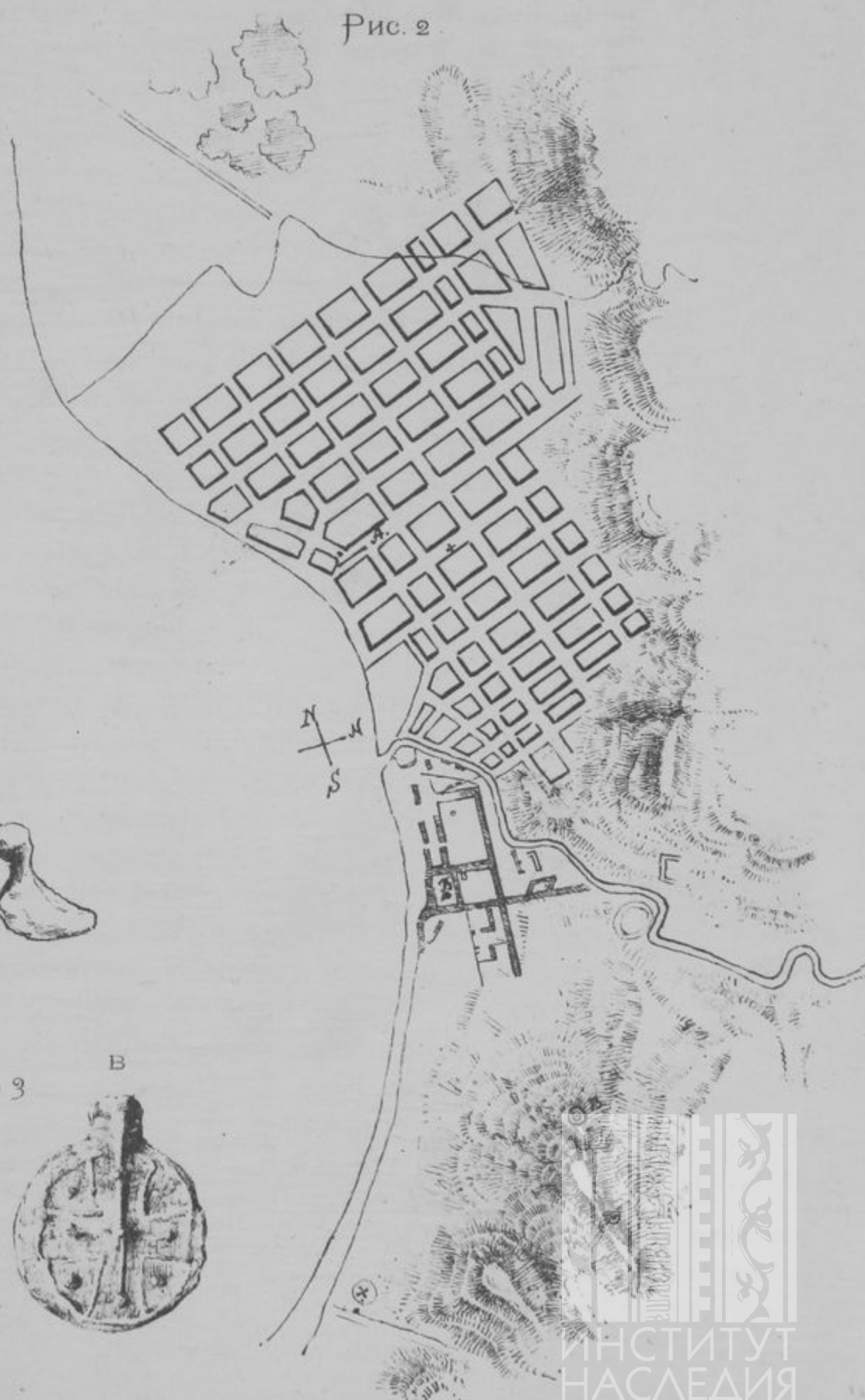

Рис. 3

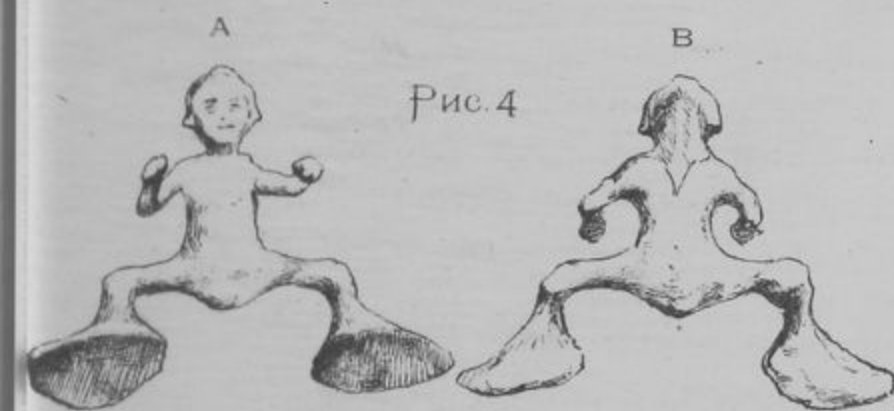

Рис. 4

Рис. 3

Рис. 1 а Планъ крѣпости Мамай-Кале в в Кладки стѣнъ въ кр. Мамай-Кале.
 2 Планъ Сухума. а Раскопки на Ольгинской улицѣ, в Раскопки у казармъ, с Замокъ Баграта
 Рис. 3 а в Медаліонъ изъ олова. Рис. 4 а в с Бронзовая ручка.

относиться только къ одной военно-административной части города, занимавшей лишь незначительное пространство относительно греческаго поселенія, тянувшася далеко на востокъ отъ крѣпости—какъ можно судить по моимъ раскопкамъ.

Вообще нижній слой канавы по обилію найденныхъ въ немъ фрагментовъ греческихъ сосудовъ можно сравнить только съ насыпными частями горы Митридата въ Керчи, но, къ сожалѣнію, здѣсь мокрая глина и вода содѣйствовали сильно къ порчѣ черной греческой поливы, а также и тонкихъ рельефныхъ изображеній: такъ мною была найдена большая черепица или глиняная плита съ клеймомъ—углубленіе клейма сохранилось, но рельефныя буквы оказались совершенно стертыми.

На прилагаемой таблицѣ (фототипія № I), представлены наиболѣе характерные фрагменты, напр.: подъ № 1 донышко чаши съ розеткой въ срединѣ и рубчатымъ бордюромъ вокругъ, совершенно сходно съ чашами, часто находимыми въ Керчи. Этотъ фрагментъ донышка сохранилъ черную гляцевитую окраску. Такую-же окраску сохранили отчасти и фрагменты подъ № 2 и 3, причемъ послѣдній, вѣроятно, отъ вазы. Фрагментъ подъ № 4 представляетъ донышко отъ вазочки. №№ 6 и 7 — фрагменты съ рельефными розетками отъ чашъ полушарообразной формы. Черная полива сохранилась мѣстами только въ углубленіяхъ между розетками. №№ 9, 10 и 11 представляютъ фрагменты отъ сосудовъ нѣжной красной глины, имѣвшихъ форму тарелки или плоски. Фрагментъ № 8 принадлежитъ сосуду, имѣвшему, вѣроятно, форму чаши, фрагментъ этотъ красной глины и сохранилъ кайму, украшенную рядомъ рельефныхъ фигурокъ, напоминающихъ формой—пчелъ, хотя рельефъ ихъ не ясенъ, потому что сильно сглаженъ дѣйствіемъ воды. №№ 5, 12 и 14 представляютъ ручки отъ сосудовъ, носящихъ названіе „скифось“. Фрагменты ручекъ изъ красной глины (№№ 13 и 15) принадлежатъ болѣе крупнымъ сосудамъ, напоминающимъ своей формой кувшины; ихъ можно отнести къ разряду тѣхъ сосудовъ, которые извѣстны подъ названіемъ „эйнохоэ“. Наконецъ глиняная пирамидка (№ 16) съ сверлиной и усѣченной вершиной попадаетъ часто не только въ Керчи, но и вообще въ мѣстахъ греческихъ поселеній, пирамидка эта могла служить либо грузиломъ для невода, либо отвѣсомъ для каменьщика; послѣднее значеніе намъ кажется вѣроятнѣй, потому что отверстіе слишкомъ мало для веревки невода.

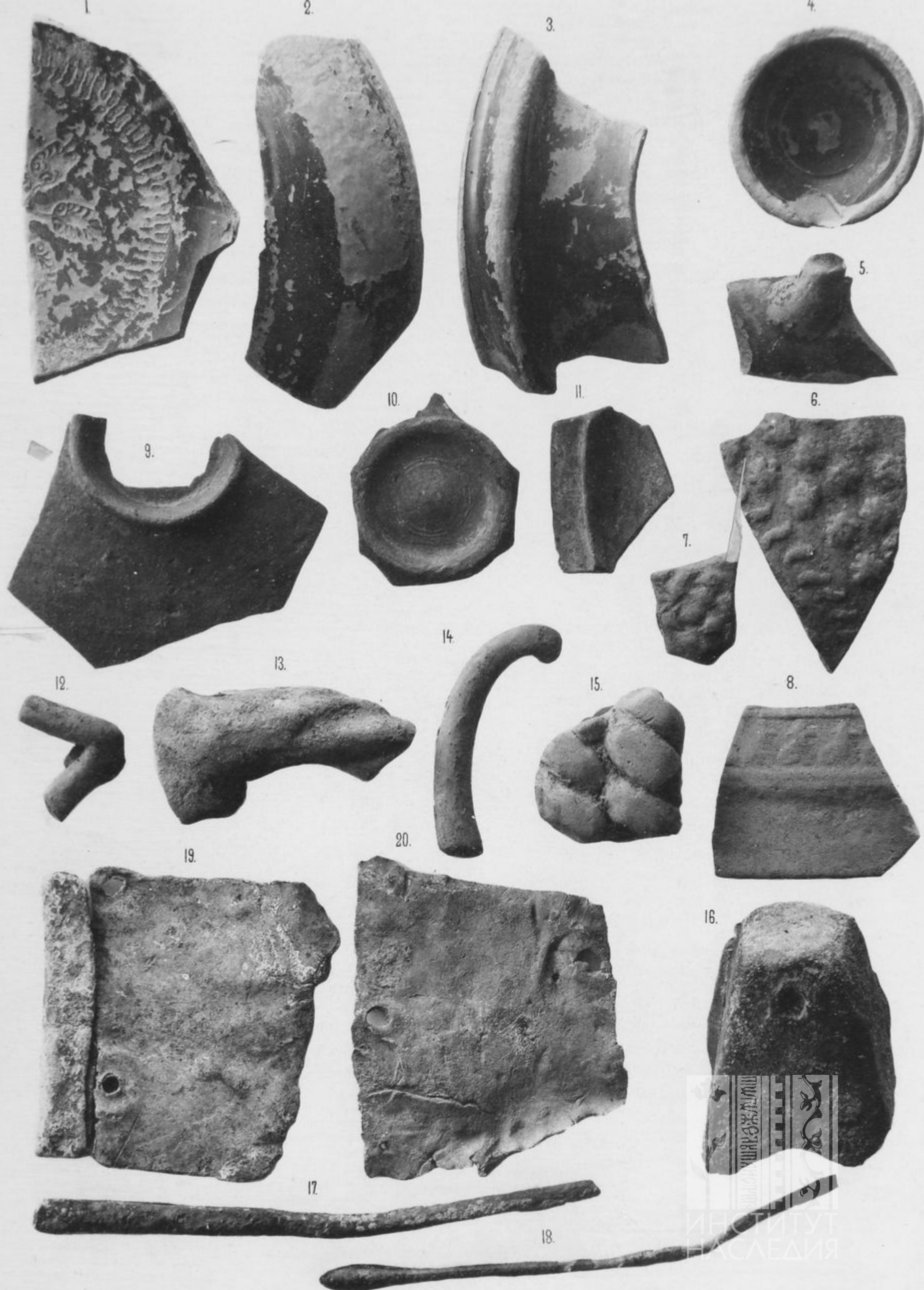
Два куска мѣдной проволоки или стержня (одинъ съ утолщеніемъ на концѣ) подъ № 17 и 18 кажутся мнѣ загадочными по ихъ назначенію.

Въ Сень-Жерменскомъ музеѣ между вещами Галло-Римской эпохи находится предметъ, подобный № 18, и тамъ онъ называется „Article de toilette“. Наконецъ двѣ свинцовыя пластинки съ кускомъ двойнаго ободочка, или края, сохранили сверлины и слѣды какъ-бы отъ шляпокъ гвоздей, служившихъ, вѣроятно, для скрѣпки. Быть можетъ, эти пластинки относятся къ эпохѣ римскаго владычества въ Сухумѣ и представляютъ части свинцоваго ящика-урны римскаго легионера. Нужно при этомъ замѣтить, что вблизи этихъ пластинокъ находились жженныя кости. Такимъ образомъ, всѣ найденныя фрагменты отличаются безусловно греческимъ характеромъ, и только небольшая часть предметовъ можетъ быть отнесена предположительно къ римской культурѣ. Никакихъ слѣдовъ византийскаго и вообще христіанства въ этихъ раскопкахъ мнѣ не встрѣтилось: все найденное носитъ цѣльный характеръ классической древности.

Если принять въ соображеніе находки монетъ, остатки древнихъ стѣнъ, находящихся на берегу, близъ крѣпости и въ самомъ морѣ, наконецъ и самую крѣпость, то можно предположить, что результаты моихъ раскопокъ характерны не только для изслѣдованной мной мѣстности, но и для всего прибрежнаго пространства, начиная отъ Ольгинской улицы до самой крѣпости включительно; другими словами, слѣды греческой культуры, по всему вѣроятію, должны встрѣчаться на всемъ вышеозначенномъ пространствѣ.

Постройку т. н. „турецкой“ крѣпости Дюбуа приписываетъ туркамъ, также какъ и крѣпость въ Поті, и объ постройки онъ относитъ къ XVI вѣку. Однако вглядываясь внимательно въ кладку нижнихъ частей стѣнъ крѣпости, можно придти къ твердому убѣжденію, что эти части принадлежатъ не туркамъ, а древнимъ грекамъ или римлянамъ, въ чемъ въ особенности убѣждаетъ характеръ цемента, смѣшаннаго съ кирпичемъ, а также и куски кирпича древняго типа, вложенные въ кладку.

Не доходя до воротъ крѣпости, на одной линіи съ ней, находятся на берегу древнія стѣны домовъ; части стѣнъ уже свалились въ воду, а другія еще сохраняютъ на поверхности земли квадратное очертаніе жилищъ, заплывшихъ совершенно землею. Земля, такъ сказать, выросла до высоты стѣнокъ, — въ высоту примѣрно около сажени. Точно также земля выросла, вѣроятно, и въ крѣпости, а такое настаніе земли указываетъ само по себѣ на древность постройки. Кромѣ того саженьхъ въ 10 отъ берега находятся въ морѣ части древнихъ стѣнъ, и кладка ихъ совершенно сходна съ кладкой нижней части крѣпостныхъ стѣнъ.

О находкахъ древнихъ монетъ по этому побережью и другихъ слѣдовъ греческой жизни говоритъ много г. Чернявскій въ статьѣ, помѣщенной въ „Трудахъ предварительныхъ комитетовъ Тифлискаго съѣзда“. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнія Дюбуа, можно скорѣй предположить, что турки могли только приспособить и надстроить для своихъ цѣлей древнюю греко-римскую крѣпость или вѣрнѣе—цитадель.

Арріанъ въ своемъ „Периплѣ“, описывая свое пребываніе и распоряженія въ Фазисѣ, говоритъ, между прочимъ, что эта крѣпость окружена двойнымъ рвомъ; прежде она была земляная съ деревянными башнями, а теперь выстроена изъ кирпича и снабжена машинами (вѣроятно-баллистами) такъ-что онъ считаетъ крѣпость вполне безопасной отъ нападенія варваровъ; но онъ считаетъ необходимымъ обезпечить отъ нападеній и самый портъ, для чего и находитъ нужнымъ построить еще стѣну, которая-бы шла отъ крѣпостнаго рва до берега рѣки. Въ этомъ рассказѣ выражается ясно система устройства и охраны римскихъ колоній (прежде греческихъ) на кавказскомъ побережьи: римляне вначалѣ, быть можетъ, на скорую руку, устраивали замокъ или цитадель для защиты горнизона, а когда укрѣпленія этого замка вполне обезпечивали безопасность горнизона—римляне укрѣпляли рынокъ, или портъ, отъ нападеній варваровъ посредствомъ стѣнъ и рововъ.—Нельзя не предположить, что тѣ же условія опасности варварскихъ нападеній существовали, безъ сомнѣнія, и въ Сухумѣ или древнемъ Севастополѣ, въ эпоху римскаго владычества.

Далѣе Арріанъ, доносяи мператору о своемъ пребываніи въ Севастополѣ, говоритъ, что онъ роздалъ жалованье гарнизону, осматривалъ оружіе и лошадей, а также осматривалъ больныхъ, запасы хлѣба, стѣны и рвы и, наконецъ, упражнялъ кавалеристовъ въ вскакиваніи на лошадей. Такимъ образомъ изъ этого рассказа видно, что крѣпость была окружена рвами, которыхъ теперь уже незамѣтно, хотя Дюбуа еще говоритъ... „les fosses qui entourent la forteresse sont en partie comblés“. Слѣды рововъ временемъ можетъ быть заравнялись, на вѣроятіе такого факта указываютъ упомянутыя мною стѣны у берега моря и мои раскопки на Ольгинской улицѣ, которыя даютъ право предположить значительное наростаніе почвы и въ сосѣдствѣ съ крѣпостью.

Принимая во вниманіе устройство рынка или порта въ Поти или Фазисѣ, по приведенному описанію Арріана—можно предполагать вѣроятнымъ, что и здѣсь, въ торговомъ Севастополѣ, рыночныя поселенія, устроенныя еще греками были обведены стѣной или рвомъ.

Остатки стѣнъ еще возвышаются изъ моря, а слѣды вала еще сохранились на сѣверной окраинѣ Сухума. Мнѣ кажется, что если бы Арріанъ обходилъ только ровъ, вокругъ крѣпости, то объ этомъ не стоило писать императору, такъ какъ этотъ ровъ можно было оглядѣть и съ крѣпостныхъ стѣнъ. Вообще упоминаніе объ обходѣ рововъ и стѣнъ, по моему мнѣнію, должно относиться не къ одной цитадели. Что бы убѣдиться вполне въ этихъ предположеніяхъ, слѣдуетъ произвести раскопки вокругъ крѣпости а также и изслѣдованіе сѣвернаго вала; эти раскопки могли бы окончательно установить планъ укрѣпленій временъ Арріана. Но для такихъ изслѣдованій нужно заранѣе запастись рабочими силами и выбирать удобное время года.

У юго-восточной части бухты въ море впадаетъ рѣка Беслата, чрезъ которую приходится переѣзжать по мосту. За этимъ мостомъ почти уже оканчивается городъ и начинается шоссе, идущее къ Келасури, т. е. на югъ. Не далеко отъ конца города, противъ перваго верстоваго столба, я замѣтилъ съ обѣихъ сторонъ дороги, среди густыхъ, но низенькихъ кустарниковъ, небольшіе слѣды фундаментовъ древнихъ зданій. Слѣды этихъ построекъ кое-гдѣ можно было наблюдать и на сосѣдней равнинѣ, примыкающей слѣва къ дорогѣ и огражденной съ востока и юга холмами, идущими отсюда вдоль всего берега. Ближайшіе къ дорогѣ холмы выступали впередъ уступами или террасами; верхнія площадки этихъ террасъ представлялись какъ-бы искусственными плато. Ближайшіе уступы этихъ холмовъ принадлежали сухумскому жителю г. Чапарову, такъ-же какъ и смежная часть долины, гдѣ у него и былъ построенъ домъ. Къ востоку отъ этихъ холмовъ выступаетъ впередъ высокая и особенно крутая возвышенность, увѣчанная развалинами замка; постройку этого замка молва приписываетъ Баграту—хотя не обозначаетъ, который изъ нѣсколькихъ Багратовъ былъ строителемъ его. Вся эта мѣстность съ перваго знакомства возбуждала живой интересъ потому, что, вглядываясь въ очертанія холмовъ, можно было догадаться объ искусственной правильности ихъ поверхности.

Кромѣ того до меня доходили слухи, что Чапаровъ, на землѣ своей дачи, копая могилу для своего сына, попалъ на слѣды древняго зданія, на стѣнахъ котораго сохранилась даже древняя окраска. Все это заставляло меня ознакомиться ближе съ этой мѣстностью. Самъ владѣлецъ этой дачи находился въ то время въ Трапезундѣ, но его братъ, оставшійся въ Сухумѣ, предложилъ мнѣ осмотрѣть ихъ владѣнія. Хотя слухи объ открытіи древняго зданія оказались и неточными, но Чапаровъ при самомъ началѣ осмотра показалъ мнѣ въ разрѣзѣ канавы

возлѣ дома большой сосудъ красной глины, который держался еще въ землѣ, хотя уже не сохранился цѣлымъ. По словамъ Чапарова, сосудъ этотъ они берегли уже 18 лѣтъ, оставляя его на томъ-же мѣстѣ и въ томъ-же видѣ, какъ нашли при рытьѣ канавы. Грузины называютъ подобные сосуды „чури“ и берегутъ въ нихъ вино, закапывая ихъ въ землю, а крышку замазывая глиной. Въ глубинѣ канавы и въ ея разрывѣ встрѣчались мнѣ во многихъ мѣстахъ много большихъ черепковъ отъ подобныхъ-же сосудовъ.

Пройдя ровнымъ и широкимъ дворомъ, мы взобрались на ближайшій холмъ, и здѣсь на ровной поверхности холма или плато попадались намъ также черепки и мѣстами были замѣтны слѣды древней кладки или остатки фундаментовъ. Чапаровъ при этомъ сообщилъ мнѣ, что ихъ домъ выстроенъ изъ камней отъ подобныхъ древнихъ построекъ, которыхъ прежде здѣсь было много; эти камни имъ приходилось скачивать отсюда внизъ по крутому склону холма.

Съ холма, на который мы взошли, легко было добраться до замка Баграта,—только узенькая долина отдѣляла насъ отъ подошвы холма, на которомъ находился замокъ; взобраться же въ самый замокъ оказалась возможнымъ только съ нашей юго-западной стороны, по крутой каменной лѣстницѣ.

Стѣны замка представляютъ въ планѣ овалъ небольшого размѣра, примыкающій съ двухъ сторонъ къ башнѣ, находящейся противъ входа въ замокъ; башня эта обращена фасомъ въ долину Беслаты, т. е. къ Сухуму. Въ башнѣ сохранилась дверь, вѣроятно, выходившая на балконъ, какъ это случается встрѣчать въ замкахъ Гуріи. Внизу двери съ внѣшней стороны башни, замѣчаются слѣды задѣланнаго отверстія. Наличники двери изъ бѣлаго камня обтесаны, правильны и тверды. Кладка стѣнъ изъ булыжника связана цементомъ—известью съ пескомъ; булыжники подтесаны. По словамъ Чапарова прежде здѣсь много валялось бѣлыхъ тесаныхъ камней, но теперь всѣ они растасканы. Восточная часть стѣны обвалилась внизъ почти съ отвѣсной крутизны холма. Самой неприступной стороною замокъ обращенъ къ сѣверо-востоку, т. е. къ Сухуму, къ рѣкѣ Беслатѣ и къ горамъ, образующимъ ущелье этой рѣки: казалось, какъ будто съ этихъ сторонъ замокъ и ждалъ нападенія. Съ другой стороны замѣченная связь этого замка съ описанной мѣстностью, на юго-западъ указывала именно на то обстоятельство, что замокъ этотъ выдвинутъ впередъ какъ сторожъ, охранявшій всю эту мѣстность и зорко слѣдившій за долиной р. Беслаты.

Чтобы покончить съ характеристикой этой мѣстности, замѣтимъ, что

сообщеніе черезъ р. Беслату возможно только посредствомъ моста, такъ что рѣка эта представляетъ сама собою стратегическую черту для поселеній въ окрестности замка. Не смотря на недостатокъ рабочихъ рукъ, я все-таки надѣялся раскопками выяснитъ хоть сколько нибудь историческое значеніе описанной мною мѣстности. Случай помогъ мнѣ выбрать мѣсто для раскопокъ.

На томъ-же юго-восточномъ берегу Сухумской бухты, недалеко отъ устья р. Беслаты и ея лѣваго берега, недавно выстроены новыя казармы. Подрядчикъ, окончившій постройку этихъ зданій,—г. Сафаровъ, сообщилъ мнѣ, что во время нивелировки мѣста для постройки одного изъ казарменныхъ корпусовъ онъ встрѣтилъ, снимая землю, небольшую древнюю стѣнку, вокругъ которой попадалось много цвѣтныхъ черепковъ; въ этомъ-же мѣстѣ онъ, между прочимъ, нашелъ какую-то бронзовую вещь и серебряную монету. Вещи эти, къ сожалѣнію, находились у него въ Тифлисѣ, откуда онъ мнѣ обѣщался доставить ихъ для осмотра. Впослѣдствіи, хотя г. Сафаровъ и привезъ ихъ въ Сухумъ изъ Тифлиса, но меня въ Сухумѣ уже не было, а Н. В. Никитинъ, видѣвшій эти вещи, снялъ фотографію съ бронзовой фигуры (Таб. I, рис. 4, А, В, С,), а съ монеты свинцовый оттискъ. Судя по фотографіи, бронзовая фигура представляется мнѣ ручкой какого-нибудь бронзоваго сосуда; на это указываютъ, между прочимъ, плоскія расширенныя оконечности, удобныя для припайки къ ровной и широкой поверхности; фигура эта представляетъ, повидимому, фигуру человѣка.

Серебряная византійская монета, не особенно хорошо сохранившаяся, относится къ періоду Комненовъ *).

Такъ какъ мѣстность эта, находящаяся въ связи съ мѣстностью дачи Чапарова, съ замкомъ Баграта, съ остатками фундаментовъ у шоссе, меня очень заинтересовала, то я, не дожидаясь пріѣзда найденныхъ вещей изъ Тифлиса, рѣшился въ указанномъ мѣстѣ немедленно приступить къ раскопкѣ, испросивъ на это разрѣшенія у обязательнаго начальника того мѣстнаго батальона, для котораго и были построены казармы.

21 іюля съ четырьмя рабочими я началъ раскопки у казармъ. Отыскавши древнюю стѣнку, близкую къ поверхности земли—я повелъ раскопку въ видѣ траншеи вдоль фаса этой стѣнки (Таб. I, рис. 2, В).

Кладка самой стѣнки не представляла ничего особенно характернаго: сложенная изъ круглыхъ подтесанныхъ булыжниковъ, она напоминала,

*) По опредѣленіи А. В. Орѣшникова.

всѣ болѣе или менѣе древнія постройки въ этихъ мѣстахъ, притомъ она скоро окончилась, имѣя длины не болѣе $2\frac{1}{2}$ метровъ, при чемъ конецъ ея представлялъ кладку въ одинъ рядъ камней. Слѣдуя въ своихъ работахъ за поворотомъ стѣнки, я обошелъ стѣнку канавой въ видѣ неправильнаго треугольника, обозначавшаго такимъ образомъ фигуру самой уцѣлѣвшей древней кладки; внѣшній периметръ этой канавы имѣлъ до 12 метровъ; ширина доходила до одного метра, а мѣстами и болѣе, смотря по характеру слоя. Стѣнка эта кончалась на глубинѣ болѣе одного метра; такой-же глубины достигала и канава, такъ какъ ниже метра скоро начинался грунтовый слой.

Съ самаго начала работы на вершокъ отъ поверхности уже попадались въ большомъ количествѣ черепки отъ сосудовъ съ поливой разнообразныхъ цвѣтовъ и съ очень оригинальными рисунками; попадались ручки массивныя отъ большихъ глиняныхъ сосудовъ, оригинально украшенныя глубокими нарѣзами, и черепки красной глины отъ такихъ-же сосудовъ, украшенные полосками изъ красивыхъ жгутиковъ; попадалось также много стеклянныхъ браслетъ въ фрагментахъ синяго и темнаго цвѣта; наконецъ найденъ былъ оловянный образокъ въ видѣ круглаго медальона съ ушкомъ, на одной сторонѣ медальона былъ изображенъ святой на конѣ, а на другой—крестъ; медальонъ этотъ отличался древней патиной. (Таб. I, рис. 3, А, В.). Съ перваго взгляда нѣкоторые изъ этихъ фрагментовъ заставляли вспоминать меня сосуды грузинскіе въ Кутаисѣ,—по характеру и комбинаціи цвѣтовъ поливы; нѣкоторые орнаменты точно также живо напоминали плетенія на грузинскихъ храмахъ. Я продолжалъ работу по разнымъ направленіямъ въ видѣ пробныхъ канавокъ, въ надеждѣ найти въ сосѣдствѣ такіе-же богатые черепками слои, но, къ сожалѣнію, эти слои видимо истощались, удаляясь отъ стѣнки и только на югъ къ фундаменту новаго корпуса они подходили почти до самаго крыльца. Къ сѣверу-же отъ стѣны, въ противоположную сторону, найденъ былъ сосудъ изъ красной глины большихъ размѣровъ, сохранившій въ землѣ свое первоначальное вертикальное положеніе, сосудъ былъ овальной формы съ простымъ закругленіемъ дна, діаметръ его равнялся 81-му сантиметру; въ этотъ большой сосудъ былъ вставленъ другой—меньшаго размѣра, діаметръ его равнялся только 48 сантиметрамъ; яйцеобразная форма этого послѣдняго сосуда сводилась въ удлиненный конецъ, напоминающій концы греческихъ амфоръ. Пространство между стѣнками обоихъ сосудовъ было заполнено известью.

Не смотря на стараніе вынуть, по возможности, сосуды эти цѣ-

лыми—оба они распались на части, а верхних частей или бережковъ у нихъ совсѣмъ не доставало. Вѣроятно, этотъ двойной сосудъ могъ служить для храненія вина.

Такимъ образомъ въ два дня почти весь археологическій матеріалъ этой мѣстности былъ уже исчерпанъ; правда, можно было бы перенести раскопки на другую сторону казармы, но я, предполагая заняться археологическими изслѣдованіями въ окрестностяхъ Новороссійска, долженъ былъ беречь время, а потому и рѣшился ограничиться въ Сухумѣ уже добытымъ мною матеріаломъ. Впрочемъ, слѣдующимъ лѣтомъ, по моему порученію, студентомъ московскаго университета Г. Альбовымъ были произведены дополнительные раскопки преимущественно по другую сторону казарменнаго корпуса: доставленный имъ матеріалъ, сходный съ добытымъ моими раскопками, вошелъ въ составъ настоящаго отчета.

Вглядываясь въ общій характеръ раскопки, въ беспорядочное и густое наслоеніе черепковъ, между которыми нашлись монета и образокъ, находились также отдѣльныя кости и уголья—нельзя было не вынести впечатлѣнія о какомъ-то разгромѣ и насильственномъ уничтоженіи когда-то цвѣтущей здѣсь жизни. Для опредѣленія культурнаго характера этой жизни необходимо изслѣдованіе и изученіе слѣдовъ ея, т. е. того матеріала, который представляютъ произведенныя въ этомъ мѣстѣ раскопки. Наиболее изъ характерныхъ фрагментовъ посуды представлены на прилагаемыхъ фототипіяхъ. Относя описаніе ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ къ концу настоящей главы, я пока ограничусь обзорѣніемъ нѣкоторыхъ изъ фрагментовъ, выражающихъ, какъ мнѣ кажется, наиболее типичныя черты изслѣдуемой культуры.

Фототипія № II представляетъ составленную изъ найденныхъ фрагментовъ тарелку, почти цѣлую—не достаетъ лишь нѣсколькихъ кусковъ. На черепкѣ изображенъ рельефно барсъ, передними лапами повергнувшій на землю человѣка, который отъ пасти барса закрывается небольшимъ круглымъ щитомъ, а въ другой рукѣ держитъ копье.

Тарелка сдѣлана изъ плотной, красной глины. Относительно техники этого издѣлія можно замѣтить, что первоначально остриемъ по сырой глинѣ былъ сдѣланъ контуръ, а затѣмъ выемкой фона или поля изображенію былъ приданъ рельефный характеръ; углубленное поле было заполнено поливой темно-желтаго цвѣта, а самое изображеніе или рельефъ покрыто свѣтло-желтой поливой; эта послѣдняя во многихъ мѣстахъ не сохранилась.

Въ рисункѣ фигуры звѣря и фигуры человѣка существуетъ боль-

шое различіе: контуръ барса отличается характерностью и хорошо выражаетъ энергію движенія; что же касается до человѣческой фигуры, то она поражаетъ неправильностью своего контура и полнымъ непониманіемъ пропорцій человѣческаго тѣла: въ особенности контуры ногъ могли быть приставлены къ тому же барсу—ничего человѣческаго въ нихъ нѣтъ.

Очевидно, рука художника была опытна въ изображеніи звѣрей и, напротивъ, не могла совладать съ человѣческой фигурой.

Между тѣмъ мотивъ изображенія—борьба звѣря съ человѣкомъ—можетъ относиться къ области персидскаго искусства, но исполненіе фигуры человѣка рѣшительно удаляетъ Персію отъ этого произведенія. Скорѣе, мнѣ кажется, подъ вліяніемъ Персіи подобнаго рода произведенія могли выходить изъ мастерскихъ Тифлиса.

Къ этой мысли приводятъ насъ слѣдующія соображенія: въ „Трудахъ“ предварительныхъ комитетовъ Тифлискаго Археологическаго Съѣзда и въ „Трудахъ“ самаго Съѣзда помѣщены снимки съ миньятюръ изъ книгъ церковнаго характера, армянскихъ и грузинскихъ; въ этихъ рисункахъ бросается въ глаза та же неумѣлость въ изображеніи человѣческихъ фигуръ, то же отсутствіе пропорціональности, а главное, неуклюжее изображеніе рукъ и ногъ, въ особенности во время движенія съ извѣстнымъ напряженіемъ. Въ то же время животныя въ тѣхъ же снимкахъ изображены хотя и небрежно, но чрезвычайно характерно, и фигуры ихъ отличаются хорошими пропорціями. Во всякомъ случаѣ вещь эта въ Сухумѣ была привозной или вообще довольно цѣнной, такъ какъ на это обстоятельство намекають сверлины, замѣтныя и на фототипіи, по краямъ нѣкоторыхъ фрагментовъ: эти сверлины доказываютъ, что давно разбитую тарелку употребляли уже въ реставрированномъ видѣ. На фототипіи № VI представленъ фрагментъ отъ подобной тарелки (№ 3), края которой украшены рельефными ромбиками; небрежный и грубый рисунокъ этихъ ромбиковъ также не можнть принадлежать техникѣ персидскаго мастера.

Фототипія № III, рис. 1, представляетъ фрагменты отъ сосуда въ формѣ чаши, сдѣланнаго изъ бѣлой глины. На внутренней, лицевой, сторонѣ сосуда по свѣтлому зеленовато-бѣлому поливному фону кистью нарисовано изображеніе звѣря, вѣроятно, также барса; контуры этого изображенія сдѣланы краской темно-вишневаго цвѣта, а чешуи на туловищѣ обозначены ярко-зеленой краской. Такого же зеленого цвѣта поливой покрыта исподняя часть сосуда. Примитивный характеръ этого рисунка указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на смѣлость и твердость руки ху-

дожника, на привычность его къ извѣстнымъ условнымъ формамъ. Сдавленная голова, быть можетъ, служить выраженіемъ кошачьей породы изображеннаго звѣря, хотя условное изображеніе носа и глазъ могутъ относиться и къ лицу человѣка, если въ этомъ лицѣ возможно усмотрѣть традиціи примитивнаго искусства западной Азіи, какъ онѣ выражаются, напримѣръ, въ изображеніяхъ идоловъ, найденныхъ Шлиманомъ въ древней Троѣ. Во всякомъ случаѣ завитки ногъ, хвоста, комбинація самыхъ цвѣтовъ—заставляютъ причислить этотъ сосудъ къ числу мѣстныхъ грузинскихъ издѣлій. До сихъ поръ еще можно встрѣтить въ духанахъ Имеретіи кувшинчики изъ подобной глины и съ подобной окраской, но только безъ изображеній звѣрей или человѣка. Наивно грубый, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный стиль этого изображенія является признакомъ чисто-народнаго художественнаго творчества Грузіи.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ фрагменты отъ двухъ сосудовъ, изображенные на той же III-й фототипіи — фигура 2—3. Сосуды имѣли форму плосковатыхъ чашъ на высокомъ поддонкѣ; на лицевой сторонѣ перваго изъ нихъ (ф. 2) на свѣтломъ фонѣ сохранилось изображеніе двухъ головъ, одѣтыхъ въ колпаки, и одинъ изъ колпаковъ имѣетъ характерную остроконечную форму. На другомъ фрагментѣ сохранилась часть туловища какого-то звѣря, вѣроятно, льва. Исподняя часть этой плосковатой чаши покрыта густой темно-оливковаго цвѣта поливой, по которой разсѣяны сплошные бѣлаго цвѣта кружочки, производящіе очень пріятный эффектъ.

Изображенія на обоихъ фрагментахъ сдѣланы тонкими штрихами съ помощію остраго орудія. Тонкость и стильность рисунка указывалъ на привычную руку рисовальщика и на извѣстную выработавшуюся манеру. Манера эта напоминаетъ рисунки грузинскихъ и армянскихъ рукописей: въ рисункѣ звѣря особенно характерно изображены ноги, представляющія рѣзкій переходъ отъ широкихъ верхнихъ частей къ тонкимъ нижнимъ частямъ; оконечности ногъ или лапы звѣря расширены, закруглены и, такъ сказать, сбиты въ комки, такъ что кажутся не стоящими, а поднятыми на воздухѣ.

Подобную манеру въ изображеніи ногъ у животныхъ мы находимъ, напр., въ грузинскихъ рукописяхъ, которыхъ рисунки изданы Стасовымъ подъ заглавіемъ „Славянскій и восточный орнаментъ“; изъ этого изданія мы и прилагаемъ для сравненія настоящій рисунокъ (рис. 5) *).

*) Рисунокъ взятъ изъ сирійскаго орнамента—изданія Стасова.

Такіе же приемы можно встрѣтить и въ изображеніяхъ, взятыхъ изъ сирійскихъ рукописей въ томъ же изданіи. Нашъ рисунокъ на фрагментѣ чаши представляетъ, очевидно, произведеніе болѣе умѣлаго художника.

Голова человѣка въ остроконечномъ колпакѣ, сохранившаяся на другомъ фрагментѣ (№ 2) представляетъ полную возможность сближенія съ фигурой, изображенной въ томъ же изданіи Стасова на таб. CXLVII, и относящейся къ искусству Арменіи (рис. 6).

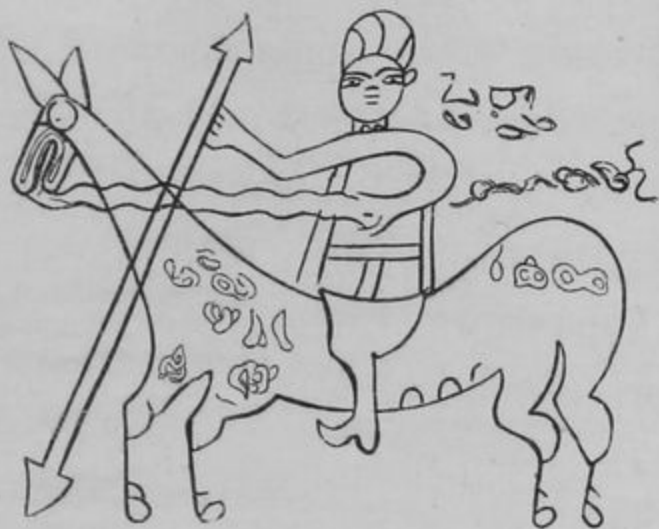

Рис. 5.

Рис. 6.

Кромѣ того, сходство съ этимъ головнымъ уборомъ представляютъ также головы фигуръ, вплетенныя въ орнаментъ заставки армянской Библии 1295 г., находящейся въ Эчміадзинѣ и описанной гр. Уваровымъ въ Трудахъ предварительныхъ комитетовъ V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ (стр. 363, таблица XIII, № 28).

На фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора въ сценѣ акробатовъ и музыкантовъ находятся фигуры въ подобныхъ же колпакахъ, но съ околышами. Н. П. Кондаковъ въ статьѣ объ этихъ фрескахъ относитъ головные уборы этихъ фигуръ къ восточному наряду *).

Такимъ образомъ на основаніи предложенныхъ мною сравненій и соображеній мнѣ кажется возможнымъ отнести описанные фрагменты къ армяно-грузинскимъ издѣліямъ. Въ данномъ случаѣ я считаю прежде всего наиболѣе важнымъ выяснить принадлежность этихъ сосудовъ къ издѣліямъ мѣстнаго характера, при чемъ слову „мѣстный“ придаю на первый разъ болѣе широкое, родовое, значеніе.

*) Записки Императорскаго Русскаго Археологич. Общества. Томъ III, стр. 287—306.

На фототипии IV-й, под № 3, изображенъ фрагментъ отъ чаши, покрытый темно-зеленой поливой; по этой поверхности тонкимъ чернаго цвѣта контуромъ отъ центральнаго круга сдѣланъ прихотливо кудравый орнаментъ, идущій въ видѣ двухъ лучей къ краю сосуда. Этотъ характерный орнаментъ легко поддается сближенію съ росчерками въ грузинскихъ рукописяхъ, такъ наз. „гуджарахъ“: для примѣра можно указать на снимки съ грузинскихъ гуджаровъ, приложенныхъ къ статьѣ г. Пурцеладзе въ Трудахъ предв. комитетовъ V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ, а именно на таблицу XXI (XV вѣкъ). Другіе подобные снимки приложены къ статьѣ г. Бакрадзе—„Грузинская палеографія“, напечатанная въ Трудахъ V-го Археологическаго Съѣзда, таблица XXVI, рис. 2—3 (XIV—XV ст.).

Фигура № 1 на той же фототипии (IV) представляетъ фрагментъ отъ тарелки, покрытый поливой желтовато-бѣлаго цвѣта; середина фрагмента съ лицевой стороны украшена красивымъ узоромъ, представляющимъ трилистный цвѣтокъ, замкнутый въ грушевидной рамкѣ съ двумя усиками по плечамъ. Восточный характеръ этого рисунка чувствуется съ перваго взгляда, но особенный интересъ этого узора заключается въ томъ, что онъ вырѣзанъ послѣ покрытія поливой: поле вокругъ цвѣтка, усики и самые контуры врѣзаны вглубь или вынуты изъ поверхности; при чемъ они остались непокрытыми поливой, а потому и сохранили натуральный цвѣтъ обожженной красноватой глины, совершенно сходной съ изломомъ фрагмента. Такъ какъ бѣловатая полива нигдѣ не заходитъ за контуръ, то слѣдуетъ предположить, что вырѣзной узоръ произведенъ послѣ наложенія поливы какимъ-нибудь острымъ орудіемъ. Отсутствие поливы на вынутомъ пространствѣ указываетъ, по моему мнѣнію, на неоконченность самого сосуда: вынутыя мѣста, по аналогіи съ другими фрагментами, должны бы были быть заполнены поливой другого цвѣта. На основаніи высказанныхъ соображеній можно предположить, что означенный сосудъ былъ изготовленъ вблизи мѣста нахожденія фрагмента. На возможность изготовленія вблизи изслѣдованной мною мѣстности извѣстнаго рода сосудовъ, быть можетъ, указываетъ огромная масса разнообразныхъ фрагментовъ, найденныхъ на весьма незначительномъ пространствѣ.

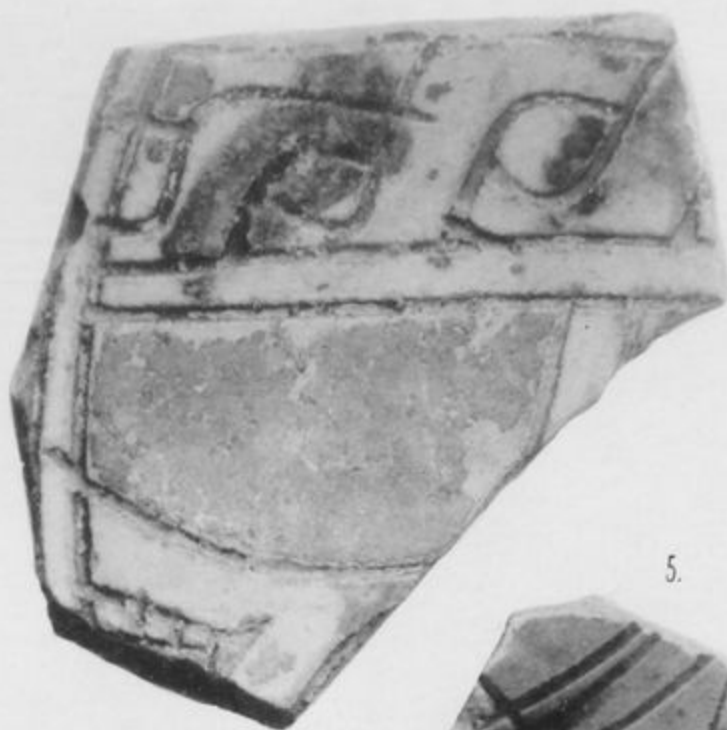
Два фрагмента, изображенные на фототипии V-й, рис. 6—7, украшены узлами съ острыми лепестками въ углахъ перекрестій; фрагменты эти покрыты поливой золотисто-коричневаго и зеленого тоновъ, а узлы очерчены рѣзкимъ и глубокимъ контуромъ.

Этого рода узлы встрѣчаются въ коптскомъ, сирійскомъ, арабскомъ

1.

2.

5.

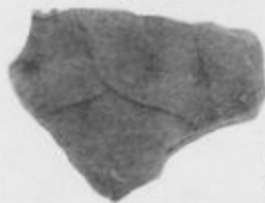
4.

3.

6.

8.

9.

7.

10.

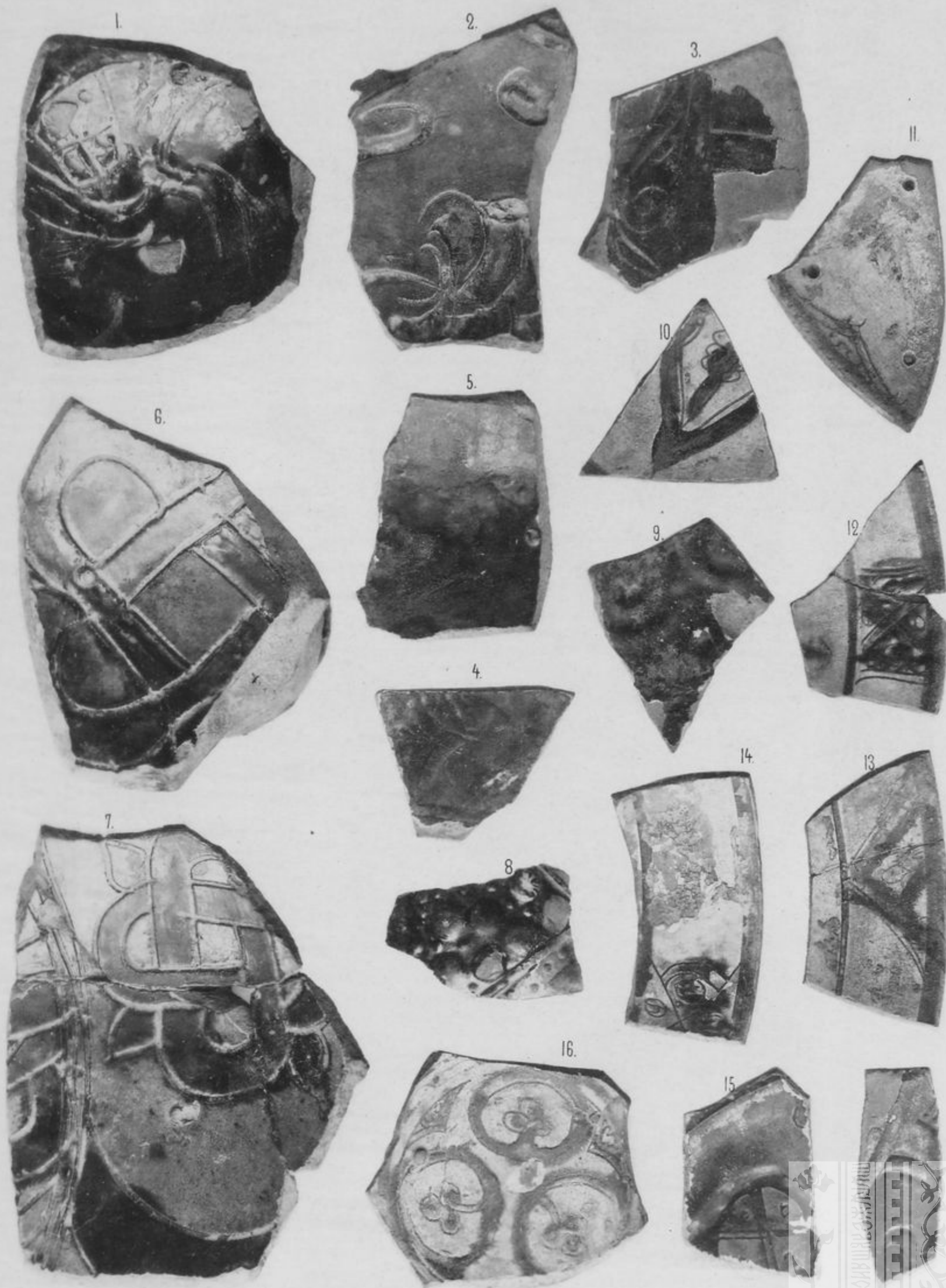

11.

 ІНСТИТУТ
 НАСЛЕДІЯ

Музей этнографии
и рукописной работы

БИБЛИОТЕКА
Института Космической
и Лучевой работы

Ботаника, Шерш, Наблюдения в Казань, Москва

БИБЛИОТЕКА
Л.И. Пята Криводанской
и Музейной работы

орнаментахъ (изданіе Стасова); этотъ же мотивъ встрѣчается на мелкихъ издѣліяхъ такъ называемой галло-римской эпохи и на курганныхъ браслетахъ, наприм., въ С.-Петербургской губерніи (раскопки Ивановскаго), и, наконецъ, на половой мозаикѣ въ катакомбѣ Св. Елены, въ Римѣ. По комбинаціи тоновъ къ узлу нашихъ фрагментовъ ближе всего подходитъ коптскій узелъ, но по характеру рисунка съ нимъ больше роднятся арабскій и сирійскій узелки *).

Рис. 7.

Во всякомъ случаѣ, приходъ этого узла изъ Сиріи также возможенъ, какъ и изъ Египта: Сирія съ древне-христіанскихъ временъ имѣла большое вліяніе на развитіе орнамента въ Закавказьѣ, а съ Египтомъ въ средніе вѣка кавказское побережье находилось въ живыхъ сношеніяхъ, чему, между прочимъ, доказательствомъ служатъ и найденные здѣсь же фрагменты отъ стеклянныхъ сосудовъ, представленные на фототипіи VI-й, фигуры 9—13.

Фигуры 14, 15, 16 той же фототипіи изображаютъ фрагменты стеклянныхъ браслетъ, темно-фіолетоваго и синяго цвѣтовъ, но такъ какъ подобныя браслеты попадаются и въ Херсонисѣ, и въ Цимлянскомъ городищѣ, на Дону, и во многихъ городищахъ разныхъ губерній Россіи, то я эти фрагменты и не считаю въ данномъ случаѣ характерными, а прежде всего считаю болѣе интереснымъ обратить вниманіе на фигуры отъ 9—13.

№ 9 и 10 представляютъ два горлышка отъ стеклянныхъ сосудовъ, напоминающихъ формой своей обыкновенные грузинскіе сосуды изъ серебра, такъ наз.—„сури“. Цвѣтъ стекла въ этихъ фрагментахъ аквамаринový, а выдѣлка не особенно чистая; слѣдовъ прикрѣпленія ручекъ горлышки эти не имѣютъ.

Совершенно другимъ цвѣтомъ стекла и болѣе высокой техникой отличаются ручки отъ сосудовъ (№№ 11 — 12): цвѣтъ стекла здѣсь золотисто-янтарный, а по внѣшнему краю ручка украшена узоромъ въ видѣ извилисто наложеннаго гладкаго жгутика. Вообще отдѣлка этой ручки указываетъ на извѣстный навыкъ и даже своего рода виртуозность въ technikѣ стекляннаго дѣла. Тонкостью отдѣлки отличается также и фрагментъ тонкаго стекла, свѣтло-золотистаго тона, представляющій донышко сосуда съ тремя выпуклыми ножками. Эти двѣ ручки и донышко можно смѣло отнести къ произведеніямъ арабской индустріи,

*) Рисунокъ 7 представляетъ узелъ арабскаго орнамента.

на что, между прочимъ, косвенныя указанія можно найти въ сравненіи этихъ ручекъ съ ручками сосуда, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ. Изображенный сосудъ взятъ нами изъ описательнаго каталога стеклянныхъ сосудовъ Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ. Каталогъ относитъ этотъ сосудъ къ издѣліямъ Испаніи и къ XVI ст. *). Не желая забѣгать впередъ, я пока и ограничусь этимъ указаніемъ, такъ какъ мнѣ придется еще встрѣчаться не разъ съ фактами нахожденія арабскихъ стеклянныхъ издѣлій по кавказскому побережью Чернаго моря.

Рис. 8.

На той же фототипіи, номера 6, 7, 8 изображаютъ фрагменты фаянсовыхъ сосудовъ, покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ поливою нѣжнаго бирюзоваго цвѣта. Фрагменты эти, по Technikѣ и цвѣту отличаясь отъ массы найденныхъ фрагментовъ, — могутъ быть отнесены къ издѣліямъ Персіи. Кромѣ того, въ дополнительныхъ раскопкахъ г. Альбова найденъ небольшой фрагментъ отъ фаянсовой посуды, покрытый съ одной стороны такой же бирюзовой поливой, а съ другой поливой блестящаго густаго синяго цвѣта.

Вмѣстѣ съ поливными или глазированными фрагментами отъ раз-

*) A descriptive catalogue of the glass vessels in the South Kensington Museum, — by A. Nesbitt. London, 1878. Plate XVIII.

наго рода сосудовъ здѣсь же найдено большое количество фрагментовъ отъ большихъ сосудовъ, изъ хорошо обожженной темно-краснаго цвѣта глины. Наиболѣе характерные изъ нихъ изображены фототипіями VII и VIII-й.

Эти фрагменты интересны какъ по оригинальности своей орнаментациі, такъ и потому, что всѣ они отличаются однимъ вкусомъ и одной техникой, а потому и не могутъ относиться къ вещамъ привознымъ, тѣмъ болѣе, что и количество найденныхъ фрагментовъ весьма значительно.

Нѣкоторыя изъ ручекъ отъ большихъ сосудовъ (фот. VII, №№ 3, 6, 7, 8 и фот. VIII, №№ 1, 2) отличаются особенно глубокими нарѣзками, не представляющими опредѣленнаго орнамента: нарѣзки идутъ вдоль поверхности ручки и обыкновенно располагаются вѣромъ у мѣста прикрѣпленія ручки къ сосуду. Употребленіе этихъ нарѣзокъ можно объяснить, какъ мнѣ кажется, не эстетическими цѣлями, а скорѣе практическими: вѣроятно, посредствомъ этихъ углубленій старались ввести въ самую толщу глины дѣйствіе огня и тѣмъ придать ручкѣ большую прочность.

На другихъ ручкахъ той же VII фототипіи (№№ 2, 4, 5, 9) замѣчается уже орнаментъ, состоящій изъ точекъ или пересѣкающихся линій въ клѣтку; орнаментъ сдѣланъ свободно и глубоко. Вообще рѣзкость и глубина контуровъ являются характерными признаками техники на фрагментахъ изъ красной глины, также какъ и на глазированныхъ фрагментахъ.

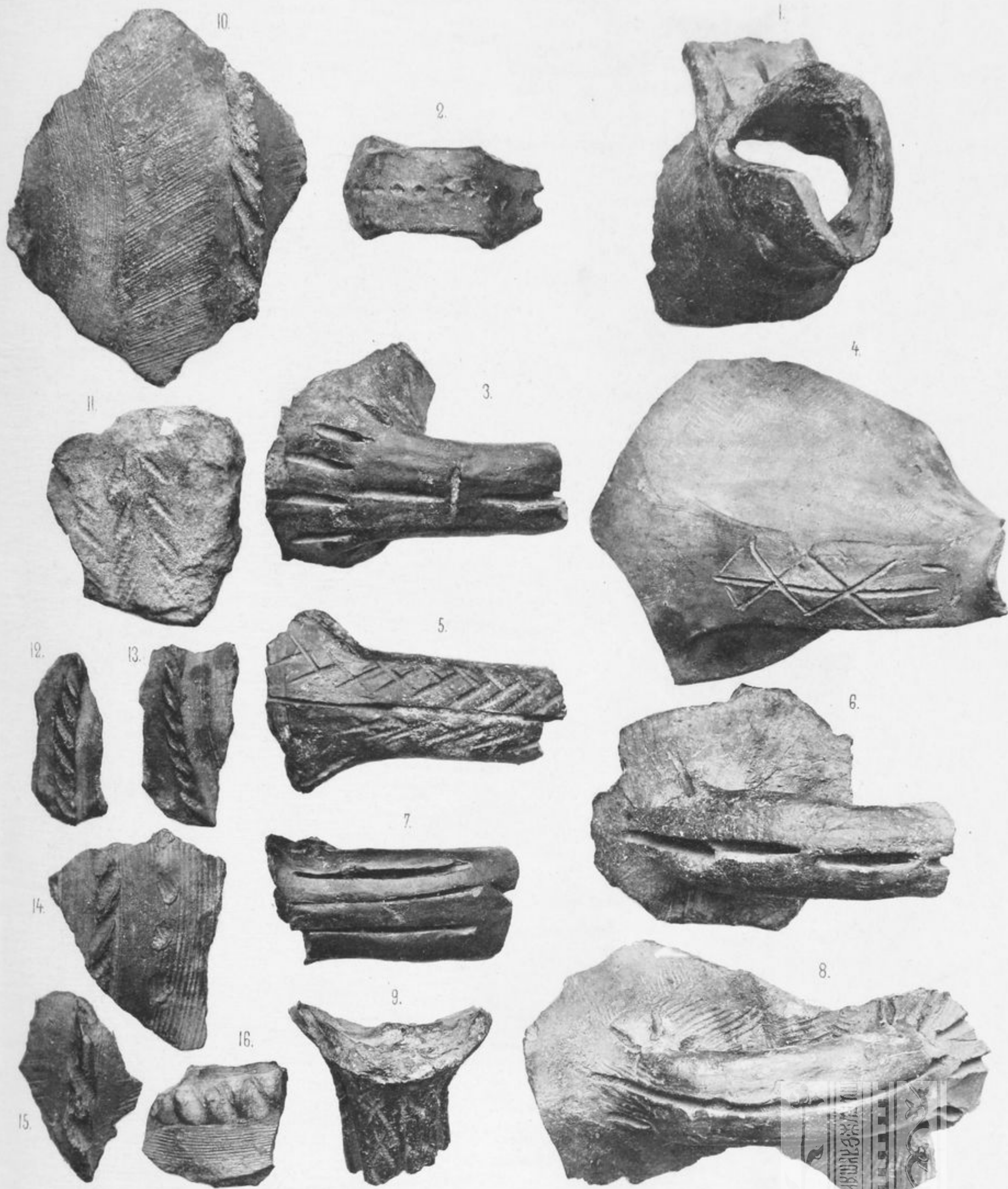
Фрагментъ № 1 (фототип. VII) представляетъ горлышко съ частью ручки отъ сосуда, вѣроятно, кувшинообразной формы; горлышко нѣсколько сдвлено у отверстія, такъ что образуетъ такъ наз. носикъ, а по сторонамъ украшено двумя выпуклыми пуговками или полушариками; внизу шейки идетъ поясокъ изъ жгутика. Въ общемъ сосудъ представляетъ какъ бы намѣкъ на лицевое изображеніе, но въ весьма примитивной степени развитія.

Какъ видно изъ многихъ фрагментовъ (фот. VII, фиг. 10, 12, 13, 14), поверхности сосудовъ были украшены поясками изъ жгутиковъ, весьма характерныхъ. Самый мотивъ жгутика или крученой веревочки встрѣчается у разныхъ народностей, какъ одинъ изъ видовъ примитивнаго орнамента, переходящаго часто и въ болѣе новыя эпохи, но жгутики найденныхъ фрагментовъ отличаются особенной отчетливостью отдѣлки, ромбической формой своихъ частей, такъ что въ общемъ производятъ впечатлѣніе чисто мѣстнаго, грузинскаго вкуса.

Сравнивая описываемые фрагменты съ глазированными, мнѣ кажется, нельзя не замѣтить между тѣми и другими нѣкотораго родства по отношенію къ мотивамъ орнамента: такъ, на фототипіи VIII, фиг. 6, изображенъ фрагментъ большаго сосуда, украшенный рядомъ вдавленныхъ кружковъ, причемъ два кружка соединены довольно длинной перемычкой. Такой же орнаментъ въ формѣ очковъ можно замѣтить на фототипіи VI, фиг. 6—7. Фрагментъ, изображенный на фототипіи VIII, фиг. 8, представляетъ почти четверть круга или донышка отъ свѣтильника, трубочка котораго находилась въ центрѣ круга и основаніе ея сохранилось на нашемъ фрагментѣ. Предположеніе мое о назначеніи той вещи, отъ которой сохранилась только часть, основывается главнымъ образомъ на сравненіи этого фрагмента съ подобной же формы глинянымъ сосудомъ, но только безъ орнамента, найденнаго въ Крыму и переданнаго Археологической Коммиссіей въ Историческій Музей. Нашъ фрагментъ украшенъ ложчатыми концентрическими поясами, а по краю рельефными полукруглыми городками, по техникѣ напоминающихъ традиціонную работу нажиманія пальцемъ. Слѣдующій за краемъ широкій углубленный поясъ по гладкой поверхности своей украшенъ волнистой линіей, нарѣзанной легко и свободно двойнымъ контуромъ.

Такого же характера орнаментъ, въ видѣ волнистой двойной линіи, мы встрѣчаемъ на фототипіи VI, фиг. 4. Наконецъ, на той же фототипіи (фиг. 1) изображенъ край тарелки, украшенной орнаментами изъ завитковъ въ перемежку съ пучками параллельныхъ линій. Подобный мотивъ пучковъ изъ прямыхъ линій замѣчается и на фрагментѣ фототипіи VII, фиг. 10.

Къ чисто грузинскому издѣлію, мнѣ кажется, можно отнести найденный мною здѣсь же круглый оловянный медальонъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ рельефными линіями равноконечнаго креста, украшеннаго въ углахъ перекрестія выпуклыми точками; на другой сторонѣ медальона изображенъ всадникъ, ѣдущій вправо и съ копьемъ въ правой рукѣ. Изображеніе обѣихъ сторонъ медальона въ натуральную величину представлено на таблицѣ № II (рис. 3, А, В). Всадникъ, по всему вѣроятію, изображаетъ Св. Георгія, хотя внизу подъ ногами лошади нѣтъ ни традиціоннаго дракона или змѣя, ни повергнутой человѣческой фигуры, а между тѣмъ правая рука, держащая копье, оттянута далеко отъ туловища и потому представляетъ извѣстную степень напряженія, происходящаго отъ наносимаго удара. Намъ кажется по этому, что медальеръ, рѣзавшій форму для отливки, имѣлъ предъ глазами изображеніе Св. Георгія, поражающаго змѣя либо чело-

1.

2.

6.

9.

4.

5.

7.

8.

(Діоклетіана), но не изобразилъ этого за недостаткомъ мѣста на медальонѣ или не желалъ осложнять композиціи. Какъ бы то ни было, но грузинскій стиль чувствуется въ этомъ изображеніи: сравнивая это изображение съ изображеніемъ Св. Георгія на обронной серебряной иконѣ, находящейся въ монастырѣ Шамокмеди, въ Гуріи, и имѣющей грузинскую надпись (Историческій Музей, фотографіи Ермакова, зала В), можно найти весьма ясное стильное сходство, и въ особенности характерной является здѣсь длинная шея лошади, выражающей вообще своей фигурой народное стремленіе къ реализму, чуждое какихъ-либо иноземныхъ традицій. Слева, у края медальона, находится вертикальная надпись изъ нѣсколькихъ буквъ, напоминающихъ начертанія нѣкоторыхъ буквъ грузинскаго алфавита „хуцури“ *).

Что же касается обратной стороны медальона, то изображенный на ней крестъ, съ украшеніями въ видѣ выпуклыхъ точекъ, выражаетъ

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

собою также чисто мѣстный армяно-грузинскій вкусъ: для сравненія можно указать на представляемые здѣсь изображенія, изъ которыхъ одно взято мною изъ рукописей Эчміадзинскаго монастыря (Труды предварительныхъ комитетовъ V Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ, статья гр. Уварова, таблица XII, рис. 1), относимой гр. Уваровымъ къ 989 г. Другое изображеніе взято изъ изданія Стасова (рисунки 9—10).

Вообще можно замѣтить, что точки въ кругу, точки въ углахъ перекрестія встрѣчаются часто въ орнаментации фрагментовъ отъ посуды, а потому представляются мнѣ какъ бы излюбленнымъ мотивомъ мѣстнаго орнамента. Такъ, наприм., изображенный въ текстѣ фрагментъ отъ сосуда (рис. 11) орнаментированъ на густомъ темно-оливковомъ фонѣ свѣтло-зеленаго цвѣта кружками и точками внутри.

*) Хохановъ, профессоръ грузинскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ, относитъ также эти буквы къ грузинскому алфавиту — «хуцури».

На фототипіи V-й (фигуры 1, 12, 14, 15) можно замѣтить на фрагментахъ тѣ же мотивы въ орнаментациі. Кромѣ того, украшенія въ видѣ полушариковъ или рельефныхъ точекъ замѣчаются на фрагментахъ крупной посуды безъ поливы; такъ, фрагментъ большого сосуда (фототип. VIII, фиг. 3) украшенъ внизу толстаго бережка или края рядомъ такихъ полушариковъ, а также и горлышко сосуда, упомянутое уже раньше (фот. VII, фиг. I).

Переходя къ вопросу о времени, къ которому можно отнести открытые мною слѣды древней жизни, я прежде всего обращаю вниманіе на найденную подрядчикомъ Сафаровымъ серебряную византійскую монету, съ которой, къ сожалѣнію, мнѣ удалось получить только плохой оттискъ. Впрочемъ, и по этому оттиску можно было опредѣлить, что монета принадлежитъ династіи Комненовъ. Относительно же византійскихъ монетъ этой эпохи нужно замѣтить, что онѣ были въ большомъ обращеніи въ Грузіи, въ особенности серебряныя, носившія общее названіе серебра— „тетри“ (по-русски— *боль*).

Кромѣ того, въ эту же эпоху монеты византійскія, обращавшіяся въ Грузіи, назывались также по именамъ императоровъ, чеканившихъ ихъ: Броссе говоритъ, что грузинскія монеты чеканились до XIV вѣка (или до конца XIII вѣка), а затѣмъ монеты употреблялись въ Грузіи чужія, иностранныя. Въ XII столѣтіи въ особенности были въ ходу такъ называемыя — „кильмонауры“ или „кирмансули“ — по имени Мануила Комнена (отъ 1143—1180).

Опираясь на приведенныя сообщенія Броссе, можно, мнѣ кажется, установить границу наибольшей древности какъ для найденной монеты, такъ и для другихъ вещей и фрагментовъ, добытыхъ изъ раскопокъ въ этомъ же мѣстѣ. Но, съ другой стороны, опредѣленіе предѣла наименьшей древности найденнаго матеріала будетъ зависѣть отъ сравнительнаго изученія найденныхъ вещей и соображеній по отношенію къ исторіи самаго края.

Представленные мною факты и соображенія хотя и не исчерпываютъ всего найденнаго археологическаго матеріала, но даютъ уже нѣкоторую почву для общей характеристики его. Такъ, центральное положеніе въ этомъ матеріалѣ занимаютъ предметы армяно-грузинскаго и чисто-грузинскаго издѣлія; къ нимъ относится наибольшая масса черепковъ и въ особенности фрагменты изъ красной глины, безъ поливы, отъ большихъ сосудовъ; послѣдніе, отличаясь одной техникой и однимъ рѣзко-выраженнымъ стилемъ и найденные въ большомъ количествѣ, не могутъ относиться къ вещамъ привознымъ издалека. Что фабрикація

глиняныхъ сосудовъ производилась на этомъ юго-восточномъ побережьи Чернаго моря—указываетъ, между прочимъ, названіе одной рѣчки въ Лазикѣ, приводимое Броссе, а именно — Kwéwroula (Chytropolis ou Ollaria), что означаетъ по объясненію покойнаго академика— „La rivière des vases de terre“ (Addition IV, стр. 89).

На возможность мѣстнаго производства нѣкоторыхъ сосудовъ даже съ поливой, какъ мнѣ кажется, указываетъ и слѣдующій фактъ: выше мною было обращено вниманіе на фрагменты 1 и 2, фототипіи IV, на которыхъ только фонъ закрытъ поливой, а орнаментъ, вынутый остриемъ, только подготовленъ для принятія поливы другаго цвѣта и на нашемъ фрагментѣ остается обнаженнымъ, т. е. представляетъ собою натуральный цвѣтъ обожженной глины. Между тѣмъ въ Историческомъ музеѣ находится коллекція фрагментовъ отъ подобной посуды, присланная Археологической Коммиссіей и привезенная изъ Стараго Крыма; въ числѣ фрагментовъ этой коллекціи находится одинъ совершенно подходящій по цвѣту поливы, по стилю орнамента къ нашему, но на первомъ углубленный орнаментъ уже покрытъ поливой свѣтло-коричневаго цвѣта. Такимъ образомъ фрагментъ изъ Стараго Крыма, являясь законченнымъ, указываетъ на тотъ цвѣтъ поливы, которымъ былъ бы покрытъ орнаментъ нашего фрагмента, если бы сосудъ былъ оконченъ.

Признавая, что слѣды открытой мною древней жизни носятъ, главнымъ образомъ, печать грузинской культуры, я долженъ также обратить вниманіе и на то обстоятельство, что здѣсь же встрѣчаются не только слѣды иноземныхъ вліяній, но и предметы иноземные, привозные. Послѣдніе среди массы дугихъ фрагментовъ выдѣляются какъ предметы, болѣе рѣдкіе и относившіеся къ быту высшаго класса.

Уже одно знакомство съ исторіей Грузіи и памятниками ея искусства даетъ право предполагать въ ея керамическомъ производствѣ вліяніе вкусовъ и техники тѣхъ иноземныхъ странъ, съ которыми Грузія находилась въ болѣе или менѣе частыхъ сношеніяхъ. Не вдаваясь въ подробности этого обширнаго вопроса, я ограничусь только въ данномъ случаѣ указаніемъ на нѣкоторые факты, взятые, такъ сказать, на выдержку.

Въ Кенсингтонскомъ музеѣ находится коллекція фрагментовъ отъ посуды, добытая изъ развалинъ города Реджа, въ Персіи. Городъ этотъ былъ разрушенъ въ XIII столѣтіи. Многіе изъ этихъ фрагментовъ представляютъ поразительное сходство съ нашими какъ по рисунку, такъ и по технике, — и въ особенности съ фрагментами отъ тарелокъ. Въ

виду этого сходства определенность *даты* имѣетъ важное значеніе и для нашихъ находокъ.

Нельзя также не отнести къ издѣліямъ Персіи найденные мною фрагменты фаянса, покрытые съ обѣихъ сторонъ поливой бирюзоваго цвѣта и одинъ фрагментъ съ чрезвычайно нѣжной глазурью такого же бирюзоваго цвѣта съ одной стороны, а съ другой — превосходнаго темно-синяго цвѣта, какой встрѣчается на персидскихъ эмаляхъ.

По стилю и по мотиву изображеннаго сюжета тарелка, представленная на фототипіи II-й, можетъ быть также отнесена къ Персіи, хотя техника ея не отличается особенными качествами; впрочемъ, мотивы чисто персидскихъ сюжетовъ далеко заходили въ Закавказьи: для примѣра можно указать на Сванетію, гдѣ въ селеніи Лаштхвери (Ленжерскаго общества) въ церкви Св. Архангеловъ (по Бакрадзе) широкій поясъ наружнаго карниза украшенъ фресками, изображающими сюжетъ изъ персидской легенды Амираана въ борьбѣ съ чудовищемъ *).

Кромѣ того, въ томъ же Кенсингтонскомъ музеѣ я нашелъ нѣсколько сосудовъ изъ Пешавера и Синда, сходныхъ не по формѣ, а по цвѣту золотисто-коричневой поливы и по стилю орнаментаціи съ нѣкоторыми фрагментами изъ моихъ раскопокъ

Сношенія же Грузіи съ Индіей также не могутъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ подтверждаются прежде всего грузинскими лѣтописями — такъ, когда эмиръ Мурванъ-Кру приближался къ Анакопѣ, то находившійся тамъ Арчилъ говорилъ между прочимъ Миру „*les deux couronnes d'émeraude et de rubis pourpré rapportées de l'Inde et du Sind par notre père, le grand roi Wakhtang*“... (Brosset, Histoire de la Géorgie, p. 240).

Слѣдуетъ припомнить также рефератъ гр. Уварова о лицевыхъ урнахъ, читанный на Тифлисскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, и дополненія къ нему гг. Тизенгаузена и Комарова.

Къ арабскимъ издѣліямъ можно смѣло отнести найденные мною фигурныя ручки отъ стеклянныхъ сосудовъ, а также, по всему вѣроятію, и фрагменты стеклянныхъ браслетъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ мотивахъ въ орнаментаціи найденныхъ фрагментовъ. Въ средніе вѣка кромѣ войнъ, Аравія и въ особенности Египетъ находились въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Грузіей и всѣмъ кавказскимъ побережьемъ. О сношеніяхъ же съ Византіей, мнѣ кажется, излишнимъ и упоминать;

*) Сванетія въ археологическомъ отношеніи, изслѣдованія Г. Филимонова (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства, 1876 г., кн. 11—12).

замѣчу только, что Вильгельмъ Гейдъ въ своемъ сочиненіи *Geschichte des Levantehandels in Mittelalter*, на стр. 243, цитируя описаніе константинопольскаго рынка во время Мануила Комнена, составленное Бенжаменомъ Тудельскимъ, дополняетъ эту картину, рассказывая, на основаніи другихъ источниковъ, о торговыхъ сношеніяхъ Кавказа съ Царьградомъ. Именно къ этой эпохѣ и относится найденная здѣсь серебряная византійская монета, которая, какъ и уже упоминалъ, имѣла обращеніе въ Грузіи. Другихъ предметовъ, относящихся къ Византіи, въ этой раскопкѣ не найдено, такъ что въ общемъ всѣ предметы, добытые здѣсь, производятъ впечатлѣніе Востока и преимущественно Грузіи.

Тѣмъ интереснѣй прослѣдить находки подобныхъ фрагментовъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ уже было упомянуто раньше.

Прежде всего въ коллекціи вещей, переданныхъ Имп. Археологической комиссіей въ Историческій Музей—изъ раскопокъ г. Пурцеладзе, въ Кахетіи—нужно обратить вниманіе на фрагменты отъ двухъ сосудовъ, сходные по стилю и технике съ фрагментами изъ моихъ раскопокъ. Въ отношеніи сходства въ особенности интересенъ фрагментъ, найденный около Телава (близъ села Кола): по густому темно-зеленому фону онъ покрытъ фигурами въ видѣ сердцевидныхъ лепестковъ яркаго свѣтло-зеленаго цвѣта. Какъ комбинація цвѣтовъ, такъ и способъ наложенія поливы совершенно сходенъ съ фрагментомъ изъ моихъ раскопокъ, изображеннымъ въ текстѣ (рис. 11). Такимъ же сходствомъ отличаются и фрагменты стеклянныхъ браслетъ, найденные г. Пурцеладзе.

Въ другой коллекціи вещей, добытой г. Смирновымъ изъ раскопокъ въ Крыму въ 1886 г. и переданной Археологической Коммиссіей въ Историческій Музей, находятся также фрагменты отъ поливной посуды, сходные съ найденными въ моихъ раскопкахъ; такъ, фрагменты изъ стараго Крыма представляютъ орнаменты изъ плетеній, совершенно сходные по стилю и цвѣту поливъ съ фрагментами, изображенными на фототипіи IV—фигура 1-я и въ особенности 2-я, о которыхъ уже было говорено выше. Глиняный подсвѣчникъ изъ той же коллекціи намъ кажется предметомъ мѣстнаго издѣлія какъ по грубости техники, такъ и по цвѣту глины.

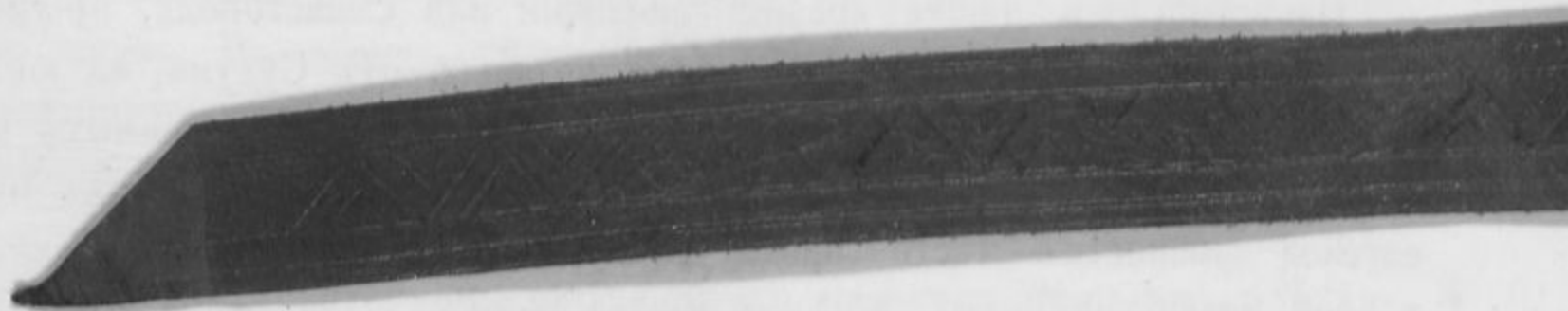
Въ той же коллекціи по сходству интересны фрагменты изъ развалинъ крѣпости въ Судакѣ, съ поливой желтаго, зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ.

Наконецъ, лѣтомъ 1888 года, посѣтивъ раскопки въ Херсонисѣ, я замѣтилъ тамъ подобнаго же типа фрагменты, найденные въ верхнихъ слояхъ раскопки, такъ что по времени ихъ можно отнести не позднѣе, какъ къ XV вѣку—ко времени вѣроятнаго разрушенія Херсониса.

Упомянутыя мною находки указываютъ, по моему мнѣнію, на тотъ фактъ, что эта характерная индустрія поливныхъ сосудовъ въ средніе вѣка изъ побережья Кавказа, быть можетъ изъ Сухума, распространяла свои издѣлія путемъ торговыхъ морскихъ сношеній по торговымъ пунктамъ Крыма и даже до самаго Херсониса. Обратнаго движенія, т. е. вліянія Крыма въ смыслѣ привоза этихъ издѣлій на Кавказъ—предположить нельзя уже и потому, что количество найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Крыма поливныхъ фрагментовъ крайне ничтожно въ сравненіи съ тою массой, которая открыта мною у казармъ, въ Сухумѣ и притомъ совмѣстно съ фрагментами большихъ глиняныхъ сосудовъ. Притомъ же преобладающій восточный стиль орнаментаціи, преимущественно персидскій и армяно-грузинскій, указываетъ скорѣй всего на Закавказье.

Открытые мною остатки древней жизни безъ сомнѣнія не могутъ относиться къ одному времени; другими словами, моментъ гибели этой жизни не можетъ служить опредѣленіемъ для цѣлей массы вещей или фрагментовъ, извлеченныхъ изъ культурнаго слоя населенной вѣками мѣстности. Вотъ почему для хронологическаго опредѣленія этихъ находокъ я беру болѣе широкія рамки, принимая во вниманіе при этомъ наибольшую древность однѣхъ вещей и сравнительную новизну другихъ. На основаніи описаній нѣкоторыхъ вещей и сравненій, высказанныхъ мною ранѣе, мнѣ кажется возможнымъ отнести сдѣланные мною находки, по ихъ преобладающему значенію, къ XIV—XV вѣкамъ и даже нѣсколько ранѣе, т. е., по всему вѣроятію, и къ XIII вѣку. XIV и XV вѣкъ для самой Грузіи были эпохой большаго оживленія въ области художественнаго творчества. Къ этой же эпохѣ, приблизительно, можно отнести и рѣшительное культурное вліяніе Грузіи на Абхазію, хотя начало этого вліянія относится къ болѣе ранней эпохѣ. Слѣды этого вліянія до сихъ поръ сохранились въ грузинскихъ надписяхъ на стѣнахъ храмовъ этой мѣстности, а также въ устройствѣ и утвари этихъ храмовъ. Напомню пока только слѣдующіе факты: въ раіонѣ изслѣдованной мною мѣстности на югъ отъ казармъ находится старинная, теперь кладбищенская церковь, по всему вѣроятію, грузинской постройки; немного далѣе, въ ущельи, открыты недавно развалины древняго грузинскаго монастыря; вблизи монастыря „Дранды“, въ ма-

ленькой заброшенной церкви, на стѣнахъ ея, находятся грузинскія надписи надъ изображеніями святыхъ. Наконецъ, въ упомянутомъ уже изслѣдованіи Г. Д. Филимонова „Сванетія въ археологическомъ отношеніи“, на стр. 90, упоминая о церкви въ селеніи Лаштхвери, говорится, что Бакрадзе въ своемъ описаніи останавливается на образѣ превосходной серебряной чеканки, съ грузинской надписью. Этотъ образъ происходитъ изъ Дранды, знаменитой нѣкогда церкви въ Абхазіи, близъ Сухума, и изображаетъ евангелиста Іоанна Богослова съ ученикомъ Прохоромъ.

III.

Бухта Скурча и мысъ Искурій. Развалины Старого Сухума. Абхазскія названія Сухума. Значеніе моихъ раскопокъ по отношенію къ исторіи этой мѣстности. Описаніе фототипическихъ таблицъ.

Извѣстно, что Дюбуа древній Діоскурій или Севастополь, приурочиваетъ къ бухтѣ Скурчѣ, находящейся недалеко отъ Сухума, на югъ, за устьемъ р. Кодора; потому-то онъ на картахъ, приложенныхъ къ его атласу и иллюстрирующихъ описанія этого берега у разныхъ писателей древности — мѣсто города Діоскурія и мыса всегда назначаетъ у этой маленькой бухты. Мнѣнію Дюбуа слѣдовали въ этомъ отношеніи и нѣкоторые другіе писатели, занимавшіеся вопросомъ о мѣстоположеніи Діоскурія. Прежде, чѣмъ покинуть Сухумъ, я считалъ необходимымъ ознакомиться лично съ этой мѣстностью, и 25 іюля въ сопровожденіи абхазца, учителя сухумской школы, отправился верхомъ въ Скурчу. Мы выѣхали послѣ полудня и ночью, переправившись чрезъ р. Кодоръ, прибыли для ночлега въ казарму пограничной стражи, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, у самого устья. Посланные впередъ изъ Сухума трое рабочихъ уже ожидали насъ здѣсь. Утромъ рано мы отправились пѣшкомъ по песчаному берегу, по направленію къ тому мысу, отъ котораго начинается бухта Скурча и который на многихъ картахъ называется „Искурій“. До самой середины бухты пришлось пройти нѣсколько верстъ. Поворотъ отъ мыса къ бухтѣ весьма слабый и самая бухта очень мало вдается въ берегъ, что и можно замѣтить на всѣхъ картахъ этого побережья. На противоположномъ краю бухты виднѣтся прибрежный замокъ или просто башня — „Сатамаша“ *)

*) Грузинское названіе «Сатамаша» — означаетъ мѣсто гульбища или празнества, а въ переносномъ значеніи можетъ означать рынокъ или ярмарку.

Берега вокруг бухты повсюду плоскіе, покрытые густым непроходимымъ лѣсомъ. Недалеко отъ мыса Искурія впадаетъ въ море рѣчка Скурча или Мармора, образующая въ лѣсу болота. Мы всѣ производили розыски по всему берегу въ продолженіе цѣлаго дня, но эти розысканія слѣдовъ древней жизни не были удачными: только въ срединѣ бухты на берегу былъ замѣченъ земляной валъ въ нѣсколько сажень длиною. Валъ этотъ очевидно могъ служить только защитой для легкихъ судовъ во время бури: вѣроятно, суда стаскивали за этотъ валъ, который и принималъ на себя удары волнъ. Еще далѣе, къ югу, въ густомъ лѣсу, мы нашли развалины маленькой церкви, которая повторяла собою обычный типъ подобныхъ церквей, по большей части, грузинскихъ, встрѣчаемыхъ нерѣдко на этомъ побережьи. Самый берегъ повсюду представлялся песчаной отмелью, такъ что и маленькой лодкѣ трудно было подойти къ нему. На берегу, у самой воды, среди песку и мелкаго гравія не встрѣчалось нигдѣ никакого намека на древнюю жизнь. Въ этомъ отношеніи этотъ берегъ представлялъ прямую противоположность съ берегомъ, напр., Херсониса. Въ глубину лѣса можно было пробраться только на нѣсколько сажень, а далѣе густота заросли и болота, въ особенности у рѣчки Скурчи, не позволяли двигаться, но на пройденномъ пространствѣ никакихъ развалинъ или какихъ либо слѣдовъ древней жизни не было найдено.

50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти берега посѣтилъ Дюбуа, и, вѣроятно, въ его время весь этотъ берегъ имѣлъ тотъ-же характеръ, а между тѣмъ, Дюбуа говоритъ: „C'est la' qu' on voit des ruines considerables, cachés sous la magnifique forêt...“. Невольно приходится думать, что врядъ-ли уважаемый путешественникъ сходилъ самъ на этотъ берегъ—иначе, какъ археологъ, онъ сказалъ-бы что нибудь болѣе определенное о тѣхъ развалинахъ, которыя онъ называетъ—„considerables“.

Недовольствуясь однако моими первыми поисками, я рѣшился на слѣдующій день пробраться въ этотъ лѣсъ съ другой стороны, противоположной морю. Для этого нужно было отправиться обратно къ берегу Кодора и розыскать тамъ помѣщика Кучма-Хана, абхазца, которому принадлежала вся эта земля и который могъ бы снабдить меня знающимъ проводникомъ. Хозяинъ земли, бывшій нѣсколько дней въ отсутствіи, только что возвратился изъ поѣздки и отдыхалъ на своемъ дворикѣ, подъ деревомъ. Однако онъ вызвался любезно проѣхать со мной по своимъ владѣніямъ, но находилъ нужнымъ захватить съ собою своего лѣсника, безъ указаній котораго трудно было, по его словамъ, чрезъ лѣсъ добраться до р. Скурчи. Мы проѣхали нѣсколько верстъ

до лѣсу, гдѣ находилась сакля лѣсника, который къ счастью нашелся дома. Отсюда мы стали углубляться въ самую глушь лѣса и скоро должны были слѣзть съ лошадей и вести ихъ въ поводу. Здѣсь на каждомъ шагу попадались болота, заваленныя гигантскими стволами упавшихъ и гніющихъ деревьевъ. Лучи солнца повидимому, никогда не заглядывали сюда, — въ лѣсу было почти темно, такъ - что всѣ предметы представлялись въ неясныхъ полутонахъ. Въ одномъ мѣстѣ пришлось спуститься въ оврагъ или котловину и потомъ подняться на холмистую возвышенность.

Эта мѣстность, по словамъ хозяина, находилась не далеко отъ того берега моря, гдѣ впадаетъ въ него р. Скурча. Никакихъ „руинъ“ я не могъ замѣтить — только видѣлъ валъ насыпной, подобный тому, который я встрѣтилъ наканунѣ на берегу бухты и около котораго провелъ ночь. Мнѣ показали квадратную яму, наполненную водой, по рассказамъ, здѣсь существуютъ рыбки, по мнѣнію г. Чернявскаго, разведенныя генуэзцами.

Если даже принять холмы за остатки древнихъ построекъ, то все это пространство слишкомъ мало для такого большого города, какимъ былъ Діоскурій. Возможно предположить здѣсь только какую-нибудь генуэзскую факторію или портовое мѣстечко для вывоза отсюда лѣса. Замѣчу также, что описаніе Арріана, которому нельзя не довѣрять, совершенно не подходитъ къ этому мѣсту. Торговля же лѣсомъ до сихъ поръ производится въ этихъ мѣстахъ весьма оживленно: по крайней мѣрѣ, въ Сатамашѣ французская компанія занимается и теперь эксплуатаціей лѣса.

Очевидно многихъ вводитъ въ соблазнъ искать здѣсь Діоскурій еще и то обстоятельство, что названіе мыса „Искурій“, сохранившееся до сихъ поръ, представляется какъ-бы фрагментомъ, уцѣлѣвшимъ отъ слова „Діоскурій“.

Но плывущему съ юга къ Сухуму, этотъ мысъ представляется ближайшей выдающейся точкой, маячнымъ пунктомъ, — относительно Сухума.

Очень возможно, что въ древности этотъ мысъ и былъ занятъ маякомъ, называвшимся либо по имени города, либо самостоятельно имѣвшій святилище въ честь Діоскуровъ. Мысъ, какъ мѣсто не имѣвшее населенія, и сохранилъ, быть можетъ, часть древняго названія *).

Сравнивая по картѣ великолѣпную бухту Сухума съ ничтожной Скурчей нельзя не согласиться съ мнѣніемъ другаго путешественника

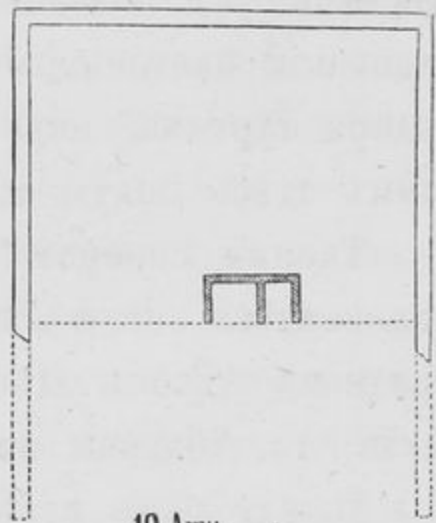
*) Самъ Дюбуа, описывая пространство Сухумской бухты, для ширины конечной точкой беретъ — мысъ „Искурій“.

кавалера Гамбы, который въ описаніи своего путешествія на стр. 75, томъ I, говоритъ: „La simple inspection de la côte, depuis Anapa jusqu'a Batoum, suffit pour indiquer Soukoum-Kalé comme la veritable position de la fameuse Dioscurias, qui portait aussi le nom de Sébastopol“ *).

Ознакомившись съ бухтой Скурчей, я желалъ осмотрѣть и развалины такъ называемаго „Стараго Сухума“, тѣмъ болѣе, что В. И. Чернявскій въ статьѣ своей, упоминая объ этихъ развалинахъ, говоритъ, „что онѣ носятъ слѣды легкой византійской постройки“.

Старый Сухумъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости за Сухумскимъ маякомъ, по дорогѣ къ Новому Аѳону, и представляетъ въ настоящее время три стѣны отъ бывшей квадратной крѣпости; четвертая - же стѣна, западная, вслѣдствіе подмытія обрывистаго берега, давно упала въ море. Благодаря обрыву этого берега, очень удобно было осматривать и изучать разрѣзъ наслоенія почвы въ предѣлахъ стѣнъ. (Табл. I, рис. 2).

Самыя стѣны у основанія имѣютъ ширину въ $1\frac{1}{2}$ аршина и постепенно дѣлаются тоньше кверху, Кладка стѣнъ плохая—изъ булыжника-кругляка, связаннаго плохой известью, которая легко отламывается отъ давленія обыкновенной тростью. Внутри крѣпости у самаго обрыва берега находился домъ, легко сложенный изъ такого-же булыжника, и раздѣленный стѣной поперекъ, по направленію къ морю, на двѣ части. (Рис. 12).

10 Арш.

Рис. 12.

Наслоеніе почвы на этомъ пространствѣ носить ясные слѣды пожара; въ этомъ пожарищѣ много черепковъ, торчащихъ въ разрѣзѣ земли на глубинѣ даже около аршина. Черепки не имѣютъ ни малѣйшаго характера древности точно также, какъ и найденные тамъ гвозди и куски расплавленныхъ огнемъ оконныхъ стеколъ, а также и турецкая глиняная трубка.

Ширина этой крѣпости доходитъ до 100 метровъ, а длина до 130; лежитъ она вообще въ плоской мѣстности съ востока болотистой и покрытой густымъ лѣсомъ. Съ запада она примыкаетъ къ крутому, но не высокому берегу моря. Построеніе этой крѣпости, несомнѣнно, можетъ принадлежать только туркамъ, которые этой постройкой, вѣроятно,

*) Voyage dans la Russie meridionale par le chevalier Gamba. Paris. 1826.

и начали свое владычество въ этихъ мѣстахъ и только позднѣе переселились въ новый Сухумъ, т. е. въ древнюю Сухумскую крѣпость, находившуюся въ развалинахъ, быть можетъ, отъ временъ Римлянъ. Такой порядокъ турецкаго перемѣщенія, считаю возможнымъ предположить, не только на основаніи моихъ личныхъ изслѣдованій, но и на основаніи тѣхъ сообщеній, которые дѣлаетъ самъ — же г. Чернявскій: онъ говоритъ, что Абхазцы до сихъ поръ называютъ Старый Сухумъ „Ашашля“ — „старшій братъ, кровный“. Это названіе абхазцевъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и мои соображенія. Самъ г. Чернявскій не можетъ отрицать, что въ смыслѣ древности вообще первенство надо признать за настоящей Сухумской крѣпостью и ближайшей городской набережной, такъ какъ онъ самъ-же не разъ сообщалъ о многочисленныхъ находкахъ въ этихъ мѣстахъ древнѣйшихъ монетъ и, наконецъ, золотой короны въ видѣ обруча; кромѣ того, древность населенія греческаго и римскаго въ этой мѣстности подтверждается и моими раскопками. Слѣдовательно, обозначеніе абхазцами относительной древности и родства одной крѣпости по отношенію къ другой безъ всякаго сомнѣнія относится только къ исторіи турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ. До появленія турокъ, абхазцы какъ будто забыли о существованіи настоящаго Сухума, какъ будто бы онъ возникъ только благодаря туркамъ, переселившимся сюда изъ Стараго Сухума и создавшимъ здѣсь новую жизнь.

Такими соображеніями при рѣшеніи этого вопроса можно было-бы успокоиться, если бы возможно было предположить, что въ теченіе среднихъ вѣковъ здѣсь не было никакой городской жизни или если и была, то Абхазцы почему то ее не замѣчали.

Между тѣмъ извѣстно, что въ средніе вѣка, начиная съ тѣхъ поръ, когда абхазскіе цари сдѣлались въ то же время грузинскими и проживали въ Кутаисѣ и Тифлисѣ, Абхазія въ это время управлялась ихъ эриставами, или намѣстниками, имѣвшими свою резиденцію именно въ Сухумѣ („Цхумъ“ — грузинскихъ лѣтописей), и такого значенія Сухумъ не терялъ почти до самаго появленія Турокъ въ этихъ мѣстахъ. Какимъ-же образомъ Абхазцы могли совершенно проглядѣть эти факты и называть настоящій Сухумъ младшимъ братомъ Стараго-Сухума? Очевидно эта філіація, какъ я уже замѣтилъ, имѣетъ для Абхазцевъ смыслъ только по отношенію къ турецкому владычеству и, слѣдовательно, относится къ новому времени; при томъ она становится понятной въ томъ только случаѣ, когда мѣста турецкаго владычества не совпадаютъ съ средне-вѣковымъ Цхумомъ грузинскихъ лѣтописей.

Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ свѣдѣніямъ г. Чернявскаго въ туземныхъ названіяхъ урочищъ и мѣстъ Абхазіи, я напому еще его сообщеніе о томъ, что Абхазцы называютъ Сухумъ другимъ именемъ „Акуа“; названіе это, повидимому, уже не имѣетъ никакого родственнаго значенія по отношенію къ Старому-Сухуму.

Мнѣ кажется названіе Абхазскому—„Акуа“ можно дать совершенно опредѣленное объясненіе относительно мѣстности, къ которой это слово можетъ относиться.

Рейнеггсъ въ своемъ „Всеобщемъ историко-топографическомъ описаніи Кавказа, рассказывая (на стр. 7—8, томъ II) о возмущеніи Абхазцевъ 1771 г. противъ владычествовавшихъ тамъ Турокъ, а послѣ изгнанія турокъ изъ Сухума объ измѣнѣ Левана Шервашидзе, предавшаго Сухумъ янычарамъ—такими словами окончиваетъ свой рассказъ: „übergab er (т. е., Леванъ Шервашидзе) den Janitscharen die Festung Saghumi, die, wenn sie besser unterhalten würde, als der Schlüssel zum westlichen Kaukasus angesehen werden könnte, *besonders da sie auch noch von Agua oder Aku, einem festen Orte, der auf einem treppenförmigen braunen Trapp-Felsen liegt, vertheidiget und gesichert wird*“.

Изъ приведеннаго отрывка, относящагося къ концу XVIII ст. (издано сочиненіе Рейнеггса въ 1797 г.) ясно, что названіе „Аку“ относится къ замку Баграта — такъ характерно и вѣрно описано Рейнеггсомъ мѣстоположеніе самаго замка.

Къ этому же замку, по моему мнѣнію, необходимо приурочить и грузинское названіе Сухума—„Цхумъ“. Для доказательства можно сопоставить описаніе Акуа у Рейнеггса съ описаніемъ Цхума у грузинскаго географа царевича Вахушты; на ст. 403 послѣдній говоритъ: *A l' O de la Codor coule la Tzkhom, sortant du Caucase et se jetant dans la mer par le rivage séptentrional. Sur ses bords, dans la montagne, est Tzkoum qui donne son nom à la rivière,— ville autrefois et residence d'un éristaw, maintenant simple bourg*“.

Это описаніе Вахушты какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ приведенному выше описанію Рейнеггса и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ настоящую топографію замка Баграта и прилегающей мѣстности.

Нужно замѣтить при этомъ, что выраженіе „dans la montagne“ никакъ не можетъ относиться къ нынѣшнему Сухуму или вообще къ мѣсту, гдѣ расположена крѣпость, такъ какъ вся эта мѣстность представляется ровною плоскостью, значительно удаленной отъ горъ и отъ рѣки Беслаты. Точно также выраженіе „bourg“, мнѣ кажется, скорѣе подходит къ замку Баграта, а не къ турецкой крѣпости, если не пред-

положить, что ученый переводчикъ Вахушты, французъ Броссе, случайно ввелъ это выраженіе.

Во всякомъ случаѣ, приходя къ твердому убѣжденію въ тождественности замка Баграта съ Акуа Рейнеггса и Цхумомъ Вахушты, я долженъ принять и р. Беслату за р. Цхумъ грузинскаго географа. Такимъ образомъ, историческое значеніе мѣстности, гдѣ расположенъ замокъ Баграта, выясняется для меня въ томъ смыслѣ, что эта мѣстность была до самаго появленія Турокъ въ Абхазіи — центромъ грузинскаго владычества и резиденціей грузинскихъ эриставовъ или намѣстниковъ.

Кромѣ приведеннаго разсказа Рейнггса о событіяхъ въ 1771 году въ Сухумѣ, — разсказа, повтореннаго извѣстнымъ Дюбуа, я считаю умѣстнымъ для освѣщенія историческаго значенія мѣстности Цхума — привести еще нѣсколько историческихъ данныхъ въ ретроспективномъ порядкѣ, относящихся къ тому - же вопросу, причемъ, не желая уклоняться въ сторону отъ главной цѣли своего отчета, — я не буду касаться послѣдовательной исторической связи этихъ фактовъ.

Монахъ Доминиканскаго ордена Жанъ - Де - Люкъ въ 1625 году, описывая Абхазію, говоритъ: „въ ней (въ Абхазіи) нѣтъ городовъ, но много селеній на горахъ самыхъ высокихъ, какія я когда-либо видѣлъ. Абхазы разсѣяны до морскаго берега. Лѣса служатъ имъ убѣжищемъ и замѣняютъ города. Они обладаютъ очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходятъ суда изъ страны Лазовъ, Трапезунта, Константинополя и Кафы и иногда зимуютъ здѣсь. Эта гавань называется Эски-Сумуни. Приплывающіе сюда купцы не живутъ въ ихъ селеніяхъ. Вся торговля совершается въ гавани или на суднѣ“. Въ этомъ описаніи ясно чувствуется отсутствіе Сухума - города, все равно, совершается-ли торгъ въ старомъ, или новомъ Сухумѣ. Точно также нужно предположить, что въ это время грузинскій Цхумъ находился уже въ запустѣніи: одно сосѣдство Турокъ даетъ достаточную основу для вѣроятія этого предположенія.

Вѣроятно, такую картину торговли представлялъ Сухумъ со времени 1578 года, такъ какъ Дюбуа этимъ годомъ опредѣляетъ постройку Турками Сухумской крѣпости, хотя это указаніе Дюбуа можетъ относиться и къ старому Сухуму; впрочемъ можетъ быть, господство Турокъ на этомъ берегу началось и ранѣе — вскорѣ послѣ 1475 года, т. е. послѣ завоёванія Кафы.

Въ XIV ст. грузинскій царь Георгій V (отъ 1318 — 1346 года) поручаетъ Бедіэлю эриставство Цхумское. Такой фактъ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи, переведенной Броссе.

Въ энциклопедіи арабскаго писателя въ Египтѣ Шихабеддина Эль-какаманди († 1418) упоминается, что въ XIV ст. въ Грузіи было два царя—одинъ въ Тифлисѣ, другой, Дадіанъ, владѣлъ двумя городами—Сухумомъ и Абхазомъ, лежащими на берегу Крымскаго моря. (Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, томъ I, вып. III, 1886 г. Переводъ Тизенгаузена). Что касается города Абхаза, то по историческому значенію, мнѣ кажется, скорѣе всего можно приурочить этотъ городъ къ Никопсіи.

Быть можетъ, съ этого времени Дадіаны начали считать себя владѣльцами Абхазіи, сохраняя эти притязанія до послѣдняго времени; по крайней мѣрѣ, изъ всеподданнѣйшаго письма владѣтельницы Мингреліи Нины Георгіевны къ Императору Александру I (въ 1808 г.), видны ея притязанія на Абхазію и въ особенности на Никопсію, игравшую важную роль какъ убѣжище въ эпоху бѣдственныхъ нашествій враговъ. Владѣтельница пишетъ, между прочимъ—„она (Абхазія) есть часть Мингрельскаго владѣнія, почему удобно можетъ быть принята подъ Ваше единоедержавіе“ *).

Въ исторіи Грузіи, переведенной Броссе, говорится также о сынѣ знаменитой царицы Тамары—Георгіи-Лашѣ, царствовавшемъ отъ 1212—1223 г.: „Il chassait á Adjameth, à Tzkoum et dans l'Aphkhazeth“.

Въ XI ст. Багратъ III, какъ извѣстно, соединилъ въ своихъ рукахъ престолы Грузіи и Абхазіи.

Переходя теперь прямо къ VIII ст., нужно обратить вниманіе на извѣстія грузинскія, переведенныя Броссе, о нашествіи арабскаго эмира Мурванъ-Кру. Броссе такими словами передаетъ грузинскія извѣстія объ эмирѣ преслѣдующемъ грузинскаго царя Мира и его брата Арчила, бѣжавшихъ въ Абхазію: „Il se lança sur leurs traces, ruina et depopula toutes les villes, citadelles et fortresses de l'Egris, des mingreliens et des aphkas, demantela même la citadelle à trois remparts de Tzikhè-godj et franchit la muraille servant de borne ou *clisoura*, qui était dans ce temps-là la limite de la Grèce et de la Géorgie. Il ruina Tzkoum, ville de l'Aphchwilet et assiegea celle d'Anacophi“.

Приведенный отрывокъ вводитъ насъ въ ту эпоху, когда побережьемъ этого края владѣли византійцы. Очень важно упоминаніе здѣсь о стѣнѣ, пограничной между владѣніями Греціи и Грузіи; стѣна эта безъ сомнѣнія сохранилась до сихъ поръ у р. Келасури. Самое названіе рѣки въ настоящей своей формѣ напоминаетъ только что приведенное

*) Акты, собранные Кавказской Археографическою Коммиссіей. Изд. Берже.

слово Clisoura, а характеръ этой мѣстности заставляетъ невольно вспоминать о „клизурахъ“ въ Болгаріи.

Пользуясь упоминаніемъ о знаменитой стѣнѣ, я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Дюбуа, упоминая объ этой стѣнѣ, указываетъ, что первыя извѣстія о ней встрѣчаются у Птолемея (216 по Р. Х.) Птоломей же опредѣляетъ ее въ небольшомъ разстояніи отъ р. Согах или Кодора, а Стефанъ Византійскій, упоминая о ней, называетъ ее — „le mur Kogaxien“. (Voyage du Caucase).

Г. Чернявскій, считая эту стѣну за Трахею Прокопія, вмѣстѣ съ тѣмъ къ ней-же приурочиваетъ стѣну, изображенную на картѣ Ламберти, а между тѣмъ, замѣчу кстати, что стѣна, изображенная на картѣ Ламберти, не доходитъ до мѣста впаденія р. Келасури, а идетъ далеко отъ моря и при томъ въ совершенно другомъ направленіи; Ламберти говоритъ о стѣнѣ, изображенной на своей картѣ, какъ о защитѣ Мингреліи отъ нападеній Абхазцевъ и при томъ снабженной деревянными башнями. Въ такомъ случаѣ построеніе келасурской стѣны нужно было бы отнести къ довольно позднему времени, а между тѣмъ приведенныя свидѣтельства грузинскихъ лѣтописей и писателей, цитируемыхъ Дюбуа, указываютъ на весьма почтенную древность этой стѣны. Самый массивный характеръ ея постройки, правильность и солидность башни у моря свидѣлствуютъ, по моему мнѣнію, никакъ не о строительной техники Мингрельцевъ. При томъ-же, судя по башнѣ близъ моря, стѣна эта обращена фасомъ своимъ къ Мингреліи или Грузіи, что именно и указываетъ на пограничный, оборонительный характеръ этой стѣны для византійскихъ владѣній.

Припомнимъ кстати, что въ Тифлисѣ, во время засѣданія предварительнаго Комитета Тифлискаго съѣзда—покойный археологъ Байернъ заявилъ, что въ 1849 году не далеко отъ Келасуръ, около казачьяго поста, былъ найденъ мраморный камень съ греческой надписью, но изображенной латинскими буквами.

Такимъ образомъ опираясь на произведенныя мною въ Сухумѣ раскопки и сопоставляя добытый ими археологическій матеріалъ съ извѣстіями историческими, мнѣ кажется возможнымъ въ заключеніе высказать слѣдующія предположенія:

1. Греко-римскій Діоскурій (позднѣ Севастополь) находился на сѣверномъ побережьи сухумской бухты, на разстояніи, приблизительно, отъ сохранившейся древней крѣпости (т. н. „Турецкой“), до Ольгинской улицы включительно, и, вѣроятно, еще далѣе къ Востоку. Судя по большому количеству найденныхъ фрагментовъ отъ греческихъ сосудовъ на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ, можно думать, что населеніе этого мѣста было значительное и давно поселившееся, при томъ чисто греческое, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ варварскаго стиля въ этихъ фрагментахъ мною не замѣчено.

2. Въ средніе вѣка эта мѣстность находилась въ полномъ запустѣніи до самаго появленія здѣсь турокъ или абхазскихъ владѣтелей. Этимъ только запустѣніемъ и можно объяснить образованіе наноснаго толстаго слоя земли надъ слоемъ, хранящимъ слѣды античной жизни.

3. По всему вѣроятію, турки, прежде занятія древней сухумской крѣпости, утвердились гдѣ-нибудь сѣвернѣй Сухума и ближе къ устью рѣки Гумисты; быть можетъ, и въ Старомъ Сухумѣ.

4. Мѣстность „Гумо“ у слиянія рѣки Гумо съ Гумистой, связана съ исторіей христіанства въ этихъ мѣстахъ; по крайней мѣрѣ, къ этой мѣстности ученый авторъ сочиненія „Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь“, приурочиваетъ городъ Команы (стр. 60).

5. Весьма вѣроятно, что отъ этой мѣстности „Гумо“, происходитъ и самое названіе города Сухума въ той формѣ, въ которой это названіе встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей, т. е. въ формѣ „Сагума“. Принимая эту форму за грузинскую, нужно только вспомнить, что частица „Са“ употребляется какъ притяжательная въ грузинскомъ языкѣ, какъ, напр., въ словахъ: „Са-атабаго“, „Са-тамаша“, т. е. владѣнія или область атабега, мѣстность гульбища или рынка. Такимъ образомъ Сагумо или Сагуми будетъ означать землю, принадлежащую къ Гумо — область Гумо. Если моя догадка справедлива, то тогда и самое образованіе слова „Сагуми“ можно отнести къ эпохѣ вліянія и владѣнія Грузіи въ этихъ мѣстахъ.

6. Что же касается до мѣстности, лежащей на Югъ отъ Сухума, по другую, лѣвую, сторону Беслаты и близко ея устья, гдѣ произведены были мои раскопки у казармъ, то мѣстность эта, включая сюда и замокъ Баграта и ближнія, искусственно выравненные террасы горъ, принадлежитъ средневѣковому христіанскому Сухуму, бывшему культурнымъ и административнымъ центромъ грузинскаго, а позднѣе мингрельскаго владычества въ этомъ краѣ; оно соотвѣтствуетъ Цхуму грузинскихъ лѣтописей и Акуа—Абхазцевъ.

Замѣчу кстати, что на картѣ Фердуче Анконскаго, изданной Дюбуа и относящейся къ 1497 году, мѣстность эта обозначена названіемъ „porto menogrello“; названіе это не можетъ относиться ни къ Искури (Скурча), ни къ Очемчирамъ, потому что назначено по правую сторону отъ рѣки Кодора, у лѣваго берега впадающей въ сухумскую бухту р. Беслаты; въ самомъ же устьѣ этой рѣки стоитъ—Sauastopoli.

Высказывая всѣ эти предположенія я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, будущихъ изслѣдователей этой мѣстности, которые дальнѣйшими раскопками добудутъ новый археологическій матеріалъ и, быть можетъ, подтвердятъ высказанныя мною теперь соображенія.

ОБЪЯСНЕНИЕ ФОТОТИПИИ.

Фототипія, № I.

Раскопки на Ольгинской улицѣ.

1. Часть донышка сосуда (отъ чаши или патеры) покрыта черной греческой поливой; украшена вдавленнымъ рубчатымъ бордюромъ и розеткой.
2. Фрагментъ отъ сосуда съ черной гладкой поливой; мѣстами полива уничтожена сырой глиной.
3. Фрагментъ края сосуда, также съ черной поливой.
4. Донышко отъ сосуда, вѣроятно, отъ лекифа, съ черной поливой.
5. Фрагментъ отъ сосуда съ частью ручки; мѣстами сохранилъ черную поливу.
- 6—7. Фрагменты тонкаго сосуда; украшены рельефными розетками, по краю—завитками; мѣстами сохранилась черная полива.
8. Фрагментъ тонкаго сосуда красной глины; поясокъ украшенъ бордюромъ изъ фигуръ, напоминающихъ фигуры пчель. Сильно потерпѣлъ отъ сырости.
9. Фрагментъ сосуда съ частью донышка красной глины.
10. Донышко изъ тонкой красной глины.
11. Фрагментъ сосуда тонкой красной глины.
12. Фрагментъ ручки красной глины была покрыта черной поливой (ручка отъ „патеры“).
13. Фрагментъ витой ручки отъ крупнаго сосуда, красной глины.
14. Фрагментъ тонкой и длинной ручки, вѣроятно, отъ сосуда — „контавросъ“.
15. Фрагментъ ручки, въ видѣ двойнаго жгута.
16. Отвѣсъ изъ обожженной глины, въ видѣ усѣченной пирамидки съ сверлиной вверху.
- 17—18. Два мѣдныхъ прута; у одного утолщеніе на концѣ.
- 19—20. Двѣ свинцовыхъ пластинки и двойной свинцовый ободокъ, составлявшій, вѣроятно, края свинцоваго ящика.

Фототипія, № II.

Раскопки у казармъ.

1. Тарелка составлена изъ фрагментовъ (нѣкоторыхъ частей недостаетъ). Съ лицевой стороны рельефное изображеніе борьбы звѣря (барса или льва) съ поверженнымъ человѣкомъ, прикрывающимъ себя отъ пасти круглымъ щитомъ, а въ другой рукѣ держащимъ копье.

Всѣ возвышенныя части рельефа покрыты были свѣтло-желтой поливой, а углубленный фонъ темно-желтой поливой, близкой къ коричневому цвѣту.

Тарелка была прежде нахожденія частей разбита и связана, на это указываютъ сверлины на шеѣ звѣря и на щитѣ.

Донышко образовано выдающимся толстымъ бережкомъ,—а внутри вдавленъ кругъ.

Изломъ краснаго цвѣта и толстый.

Фототипія, № III.

1. Фрагментъ чаши, глина (фаянсъ) бѣловатая. На свѣтло-желтоватомъ фонѣ рисунокъ звѣря выполненъ темно-вишневымъ цвѣтомъ; чешуйки на груди и на задней части туловища сдѣланы зеленой краской. Той-же краской покрыта обратная сторона сосуда, но къ низу, къ донышку, краска не наложена.

2. Фрагментъ сосуда. На свѣтломъ фонѣ съ нѣжно-фіалетовымъ оттенкомъ сохранилось изображеніе головки въ колпакѣ, сдѣланной остриемъ довольно тонко и смѣло: отъ лица сохранилась только верхняя часть. Кромѣ того влѣво можно замѣтить, вѣроятно, тоже верхнюю часть головы другой фигуры.

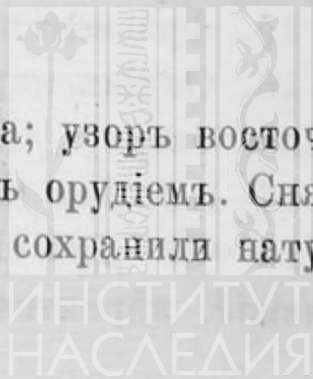
3. Два фрагмента отъ сосуда, въ видѣ плоски; на такомъ-же свѣтломъ фонѣ, какъ у предшествовавшихъ сосудовъ сдѣлано остриемъ изображеніе туловища звѣря—вѣроятно, льва; къ сожалѣнію, передней части фигуры недостаетъ. У переднихъ ногъ льва какой-то сердцевидный предметъ. Исподняя поверхность сосуда покрыта оливковаго цвѣта поливой; по этому фону разбѣяны сдѣланные густой поливой бѣлаго цвѣта кружки. Доньшко тонкое.

4. Доньшко отъ сосуда. Нижняя часть покрыта блестящей ярко-желтой поливой, украшенной черными чертами, въ видѣ круга и черныхъ полосокъ. Въ верхней части доньшка полива не сохранилась.

Фототипія, № IV.

Раскопки г. Альбова.

1. Фрагменты сосуда покрыты поливой бѣловатаго цвѣта; узоръ восточнаго стиля произведенъ посредствомъ снятія поливы острымъ орудіемъ. Снятыя и углубленныя части остались непокрытыми поливой и сохранили нату-
ральный цвѣтъ обожженной глины.

2. Подобный техники фрагментъ, но фонъ между бѣловатой поливой заполненъ поливой зеленоватаго цвѣта.

3. Часть сосуда съ донышкомъ; покрыта поливой зеленого цвѣта. Узоръ чернаго цвѣта (сдѣланъ остриемъ) въ видѣ росчерковъ.

4. Фрагментъ коричнево-золотистаго цвѣта.

5. Фрагментъ съ поливой золотисто-коричневаго и зеленого цвѣтовъ.

6. Фрагментъ отъ сосуда изъ нѣжной бѣлой глины (фаянсъ) съ поливой на одной сторонѣ—ярко-бирюзоваго цвѣта, а на другой ярко-синяго. Техника чрезвычайно тонкая.

7. Край сосуда желтоватаго цвѣта съ темно-коричневыми чертами.

8. Фрагментъ съ поливой темно-желтаго цвѣта; украшенъ выпуклыми шариками и чертами.

9. Подобнаго типа фрагментъ, но коричнево-золотистаго цвѣта; выпуклый узоръ желтаго цвѣта.

10. Ручка отъ сосуда желтаго цвѣта съ коричневымъ узоромъ.

11. Фрагментъ съ поливой желто-золотистаго цвѣта; углубленный рисунокъ наполненъ поливой красновато-коричневаго цвѣта.

Фототипія, № V.

1. Средина сосуда съ донышкомъ; орнаментъ обозначенъ чертами широкими, наполненными темно-коричневою краской. Вся поверхность покрыта блестящей темно-желтой поливой; характеръ орнамента трудно объяснить; черты проведены бойко и грубо; нѣкоторые промежутки заполнены штрихами; въ одномъ мѣстѣ находится фигура въ видѣ квадрата, раздѣленнаго крестомъ на 4 части и въ каждой части по точкѣ.

2. Фрагментъ отъ сосуда съ частью донышка; внутренняя или лицевая сторона покрыта густой свѣтло-зеленой поливой, теплаго травянаго тона, орнаментъ цвѣточный, сдѣланный посредствомъ углубленія въ сырой глинѣ, наполненъ потомъ поливой густаго-чернаго цвѣта.

3. Фрагментъ покрытъ золотисто-коричневою поливой, контуры орнамента сдѣланы остриемъ по сырой глинѣ, а послѣ покрытія поливой обведены черной краской весьма искусно; часть полнвы облупилась.

4. Черепокъ подобной поливы и техники.

5. Фрагментъ сосуда. На густомъ темномъ фонѣ два круга яркой зеленой краски, а въ кругахъ по пяти точекъ (въ фототипіи переданъ неясно). На другой сторонѣ также полива темная и зеленый кругъ, но безъ точекъ. (Изображеніе этого фрагмента помѣщено въ текстѣ).

6. Фрагментъ сосуда, вѣроятно, имѣвшаго форму плосковатой чаши, склеенъ изъ частей; фрагментъ составляетъ часть внутренности сосуда съ половиной донышка. Сосудъ сдѣланъ былъ изъ плотной красной глины и внутри покрытъ поливой разныхъ цвѣтовъ: сохранился рисунокъ части узла или плетенья, напоминающаго грузинскій орнаментъ; узелъ обозначенъ прежде всего, глубоко врѣзанными чертами, заполненными темно коричневаго цвѣта поливой. Узелъ составленъ изъ двухъ широкихъ и продолговатыхъ колецъ, сле-

тенныхъ вмѣстѣ, причемъ одно кольцо зеленого цвѣта, а другое желто-коричневого; во внѣшнихъ углахъ, образуемыхъ пересѣченіемъ колецъ, находятся лепестки тѣхъ же двухъ цвѣтовъ. Слѣва сохранилась кайма широкая такого же свѣтло-коричневого цвѣта и начало новаго узла. Фонъ этой лицевой стороны свѣтлый, желтоватый. По отношенію къ донышку сохранившійся узелъ не приходится на серединѣ.

7. Фрагментъ отъ совершенно подобнаго сосуда, узелъ большаго размѣра, а донышко, сохранившееся вполне, гораздо меньше, чѣмъ у перваго. Узелъ приходится какъ разъ надъ донышкомъ. Цвѣта поливы тѣ же, что и въ предшествовавшемъ орнаментѣ.

8. Фрагментъ яркой свѣтло-красной глины; съ одной стороны покрытъ рельефно узорами изъ выпуклыхъ кружковъ и точекъ. Покрытъ поливой яркаго зеленого цвѣта.

9. Черепокъ на темно-красномъ фонѣ, орнаментъ оранжеваго цвѣта.

10—16. Фрагменты, отъ тарелокъ. Орнаменты на свѣтломъ фонѣ сдѣланы темными контурами. Между контурами наложена желтая и мѣстами коричневая полива.

17. Черепокъ подобенъ № 3-му.

Фототипія, № VI.

1. Фрагментъ тарелки (склеенъ изъ частей) съ частью бордюра, на которомъ по свѣтло-желтому фону сдѣланы узоры красно-кирпичнаго цвѣта. Надъ завитками полива отличается темно-желтымъ цвѣтомъ.

2. Донышко отъ сосуда свѣтло-красной глины; внутренность покрыта поливой свѣтлаго тѣлеснаго цвѣта и украшена вдавленными concentрическими кругами, наполненными поливой свѣтло-кирпичнаго цвѣта.

3. Фрагментъ тарелки красной глины. Тарелка съ внутренней стороны покрыта густой поливой желтоватаго свѣтлаго тона; уцѣлѣвшая часть бордюра составлена изъ ромбиковъ, фонъ которыхъ углубленъ на сырой глинѣ и наполненныхъ поливой густаго оранжеваго цвѣта. Такимъ-же способомъ исполненъ сохранившійся отчасти край внутренняго рисунка. У края сверлина.

4. Фрагментъ тарелки съ высокимъ краемъ; красной глины. Внутри покрытъ блестящей поливой нѣжнаго зеленовато-желтаго цвѣта. Сохранилась кайма (бордюръ), украшенная двойной извилистой линіей коричневаго цвѣта.

5. Фрагментъ отъ сосуда красной глины. Съ обѣихъ сторонъ покрытъ бѣлой матовой поливой; съ лицевой стороны сверхъ бѣлой поливы наложена блестящая полива нѣжнаго свѣтло-фисташковаго тона. Узоръ каймы наполненъ поливой темно-оливковаго цвѣта.

6—8. Фрагменты сосудовъ изъ глины бѣловатаго цвѣта (фаянсъ), покрытые съ обѣихъ сторонъ глянцевитой поливой свѣтло-бирюзоваго цвѣта. Поверхности поливы въ мелкихъ едва замѣтныхъ трещинахъ. Цвѣтъ поливы бирюзовый напоминаетъ египетскую пасту.

9—10. Два горлышка отъ маленькихъ сосудовъ изъ стекла синевато-зеленаго или аквамаринаго тона. Сосудики, судя по горлышкамъ должны

были имѣть форму рѣпчатую или грушевидную. Стекло плохое, пузырчатое, работа довольно грубая; отверстіе у горлышка № 10 сдѣлано неправильно. У горлышка № 9 остался слѣдъ отломленной ручки, которая, судя по мѣсту слѣда, должна была быть короткой.

11—12. Двѣ ручки изъ зеленоватаго стекла, тонъ теплый и нѣжный—свѣтло-оливковый. Работа превосходная, напоминающая венеціанскую. Сверху ручки идетъ ребро, къ которому примыкаетъ стеклянная нить, завитая въ волнистую линію, образующую какъ-бы рядъ петелекъ; въ концѣ эта линія, утолщаясь, образуетъ спиральный загибъ.

13. Донышко отъ сосудика изъ тонкаго бѣловатаго стекла, съ нѣжнымъ золотистымъ отливомъ, на трехъ ножкахъ, имѣющихъ форму гладкихъ шиповъ.

14. Часть браслета, изъ стекла темно-фіалетоваго цвѣта, украшена мелкими витыми рубчиками по поверхности.

15—16. Части браслетъ изъ темнаго стекла, гладкаго

Фототипіи, № VII и VIII.

Представляютъ фрагменты отъ большихъ сосудовъ хорошо обожженной красной глины.

Фототипія № VIII представляетъ фрагменты въ натуральную величину. Фрагменты этой фототипіи изъ раскопокъ г. Альбова.

IV.

Отъ Новороссійска до Геленджика.

Долмены-цисты по дорогѣ въ Геленджикъ и въ станицѣ Натухайской. Могильники въ Геленджикѣ. Могильникъ въ с. Кабардинскомъ.

Въ первыхъ числахъ августа я уже торопился изъ Сухума моремъ переправиться въ Новороссійскъ, откуда я и надѣялся совершать свои экскурсіи для изслѣдованія окрестныхъ могильниковъ. На основаніи собранныхъ мною свѣдѣній я располагалъ произвести раскопки въ могильникахъ Геленджика, Мысхако (близъ Новороссійска), и, наконецъ, въ могильникахъ Цемесской долины, а затѣмъ уже остатокъ времени употребить на раскопки кургановъ въ станицахъ Натухайской и Раевской и, такимъ образомъ, подвигаясь на сѣверъ, остановиться верстахъ въ 15 отъ Анапы.

Что же касается самаго Новороссійска, то въ настоящее время городъ этотъ представляетъ мало археологическаго интереса: прежде всего обращаютъ на себя вниманіе развалины турецкой крѣпости „Суджукъ-Кале“; развалины эти находятся къ западу отъ города, на сѣверномъ берегу бухты; вблизи крѣпости разбросано нѣсколько турецкихъ могильныхъ насыпей *). Построеніе этой крѣпости Тетбу де Мариньи относитъ къ 1720 году. Благодаря существованію теперь цементнаго завода на восточной оконечности бухты, ближайшіе берега усердно изрываются для добыванія камня и однако-же о находкахъ тамъ древностей мнѣ не удавалось слышать; впрочемъ, доходилъ до меня слухъ о давнишней находкѣ вблизи завода служившимъ тамъ техникомъ мраморнаго сосуда или вазы, но провѣрить этого слуха я не могъ, такъ какъ техникъ

*) Нѣкоторыя разрыты незадолго до нашего пріѣзда Е. Д. Фелицынымъ.

давно переѣхалъ въ Астрахань, куда перевезъ и вазу, а на мои запросы въ Астрахань я не получалъ отвѣта.

Между тѣмъ въ 1840 году Тетбу де Мариньи засталъ еще слѣды какихъ-то древнихъ построекъ и много кургановъ къ юго-востоку отъ форта, хотя большею частью раскопанныхъ изъ любопытства или уничтоженныхъ новыми русскими постройками. Далѣе въ томъ-же сообщеніи онъ говоритъ: „живущій здѣсь г. Контръ-Адмиралъ Серебряковъ показывалъ мнѣ найденные въ нихъ (т. е. въ курганахъ) разные предметы: амфоры, урны, маленькую бутылку изъ бѣлаго стекла и нѣсколько домашней утвари изъ мѣди и желѣза. Видѣлъ я также клинки сабельные, сильно заржавѣвшіе и согнутые вдвое—чтобы можно было ихъ засунуть въ урны, остатки кольчуги совершенно изъѣденной ржею и пр.“ *).

Почти около того-же времени другой путешественникъ Дюбуа замѣтилъ здѣсь на берегу моря, противъ форта, слѣды большого города, гдѣ, по его словамъ, находятъ много монетъ греческихъ и римскихъ. Этотъ-же путешественникъ передаетъ рассказы одного плѣнника о курганахъ, въ которыхъ черкесы находили мраморные саркофаги и въ нихъ много золотыхъ вещей. Какъ Дюбуа, такъ и Тетбу де Мариньи назначаютъ въ этомъ мѣстѣ Бату Страбона. На средневѣковыхъ картахъ бухта эта носила названіе — „Calo-Limena“. Къ этой же бухтѣ Тетбу де Мариньи приурочиваетъ названіе — „Тенагосъ“. Дѣйствительно, эта прелестная бухта должна была и въ древности играть важную роль. Бухта врѣзывается въ берегъ съ запада въ сѣверо-восточномъ направленіи, образуя двухколѣнный изгибъ и суживаясь постепенно къ концу. Сѣверо-восточный берегъ образуется покатостью лѣсистой возвышенности, которая по другую сторону отдѣляется узкой долиной и рѣчкой отъ горы Мысхако, находящейся отъ Новороссійска верстахъ въ семи и образующей въ долинѣ небольшой заливъ. На сѣверо-восточной оконечности Новороссійской бухты въ море впадаетъ рѣчка Цемесса, протекающая по обширной и роскошной Цемесской долинѣ, обставленной съ одной стороны склонами приморскихъ возвышенностей, а съ другой хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ бассейна р. Кубани; хребетъ этотъ и его склоны возвышаются также надъ юго-западнымъ берегомъ бухты. Цемесская долина, разстилаясь въ длину болѣе, чѣмъ на десять верстъ, упирается въ скалистый сланцевый хребетъ, соединяющій приморскія возвышенности съ хребтомъ Варадахъ.

*) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ I, 1844 г., стр. 629.

Предполагая произвести раскопки въ Геленджикѣ, я рѣшился отправиться туда на лошадяхъ. Отъ Новороссійска до Геленджика считается верстъ сорокъ. Дорога все время идетъ по скалистому и высокому берегу бухты, до самаго селенія Кабардинскаго, лежащаго въ рѣчной, узкой долинѣ, которая отдѣляетъ сплошную береговую возвышенность отъ горы Дуобы, выдающейся далеко въ море и составляющей юго-западную оконечность Новороссійской бухты. Проѣханный мною путь далъ мнѣ возможность ближе ознакомиться съ характеромъ берега этой части бухты, гдѣ, по заявленію Тетбу де Мариньи, находились курганы, а Дюбуа замѣтилъ слѣды большаго города. Однако въ настоящее время весь берегъ до ущелья Кабардинскаго и горы Дуобы представляетъ мѣстность совершенно неудобную не только для поселенія, но и для простаго изслѣдованія: нельзя спуститься къ морю съ совершенно отвѣсныхъ обрывовъ и нельзя лодкѣ пристать къ такому скалистому берегу. Впрочемъ, скалы эти состоятъ изъ бѣлаго сланца и потому, вывѣтриваясь, быстро-осыпаются въ море и образуютъ такимъ образомъ отвѣсные обрывы, что замѣтно и по самому наружному виду этихъ обрывовъ — такъ издали они представляютъ бѣлые разрѣзы выдававшихся въ море береговыхъ частей. Въ подтвержденіе этого предположенія я могу сообщить еще слѣдующій фактъ: по приѣздѣ въ селеніе Кабардинское, пока кормили лошадей, я отправился въ сопровожденіи учителя кабардинской сельской школы, г. Даринскаго, осмотрѣть окрестности селенія и ближайшую мѣстность у горы Дуобы. Г. Даринскій, по моей просьбѣ, повелъ меня къ большому кургану, находящемуся на берегу моря, недалеко отъ этой горы. Курганъ этотъ оказался правильной полушарообразной формы и, примѣрно, саженой болѣе двухъ высоты. Онъ стоялъ такъ близко къ обрыву берега, что такая правильная насыпка его была бы невозможна, если бы и тогда линія берега такъ близко его касалась — очевидно, берегъ въ этомъ мѣстѣ значительно осыпался. Мѣстность около Дуобы въ древности могла служить удобной бухтой и удобнымъ мѣстомъ поселенія у устья рѣки. Поэтому сообщенія о слѣдахъ древнихъ построекъ и о курганахъ, замѣченныхъ почти 50 лѣтъ назадъ упомянутыми выше путешественниками, скорѣе всего могутъ относиться именно къ этой мѣстности. Вглядываясь въ величественный и вмѣстѣ суровый характеръ горы Дуобы, нельзя не привести слѣдующихъ словъ Тетбу де Мариньи: „Можно полагать, что въ этомъ мѣстѣ находился Гіеронъ или Іера Плинія и Арріана, можетъ быть у мыса Дуобы, который по замѣчательному положенію своему заслуживаетъ названія — „Священ-

наго“. Вѣроятно, здѣсь нужно искать „Калолимену“ или „хорошую гавань“ *).

Г. Даринскій указалъ мнѣ еще на большой могильникъ, находящійся въ лѣсу, недалеко отъ селенія, а частію уже занятый вспаханной пашней. Среди маленькихъ кургановъ находился въ лѣсу и курганъ значительныхъ размѣровъ, о которомъ мой спутникъ сообщилъ мнѣ, что въ народѣ ходили уже слухи о давнишней находкѣ въ немъ оружія. Я условился съ г. Даринскимъ на возвратномъ пути изъ Геленджика произвести раскопки этого могильника, для чего и просилъ его заготовить мнѣ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей—грековъ, съ языкомъ которыхъ онъ успѣлъ хорошо ознакомиться.

Еще въ первое свое путешествіе вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ изъ Новороссійска въ Геленджикъ я замѣтилъ, не доѣзжая верстъ семи до послѣдняго, у большой дороги въ полѣ едва замѣтное возвышеніе съ ребрами каменныхъ плитъ, выдающихся немного надъ поверхностью и образующихъ форму квадрата. Осмотръ этого мѣста тогда же убѣдилъ меня, что это долмень-циста или ящикъ. Невдалекѣ отъ этого ящика я замѣтилъ другой, подобный, но нѣсколько меньшаго размѣра. Тогда же при первомъ удобномъ случаѣ я рѣшилъ изслѣдовать одинъ изъ этихъ долменовъ. Въ описываемую поѣздку я имѣлъ возможность приступить къ этой раскопкѣ, нанявъ рабочихъ въ Геленджикѣ.

Долмень-циста или погребальный ящикъ, самый большой изъ двухъ, находился въ центрѣ землянаго возвышенія, напоминавшаго расплывшійся невысокій курганъ; земля, окружая высоко стѣнки плитъ, оставляла на виду только ихъ верхніе края,—въ высоту не болѣе четверти аршина. Плиты, образующія ящикъ, были неравной длины; двѣ болѣе длинныя плиты, лежащія параллельно, заключали въ себѣ какъ-бы перегородки—другія двѣ болѣе короткія плиты, образующія своими пересѣченіями почти правильный квадратъ.

Длина первыхъ, болѣе длинныхъ плитъ,— $3\frac{1}{2}$ метра, а длина вторыхъ—1 м. 70 сантим.

Что касается размѣровъ самаго ящика, то самыя длинныя стѣнки его имѣютъ 2 метра длины и длиннѣе поперечныхъ на 30 сантиметр. Плиты изготовлены изъ слоистой породы мѣстнаго камня, обыкновенно называемаго жителями „трескуномъ“ и принадлежащаго къ слоистымъ мергелевымъ породамъ, оттого и края его неправильны—вывѣтрились

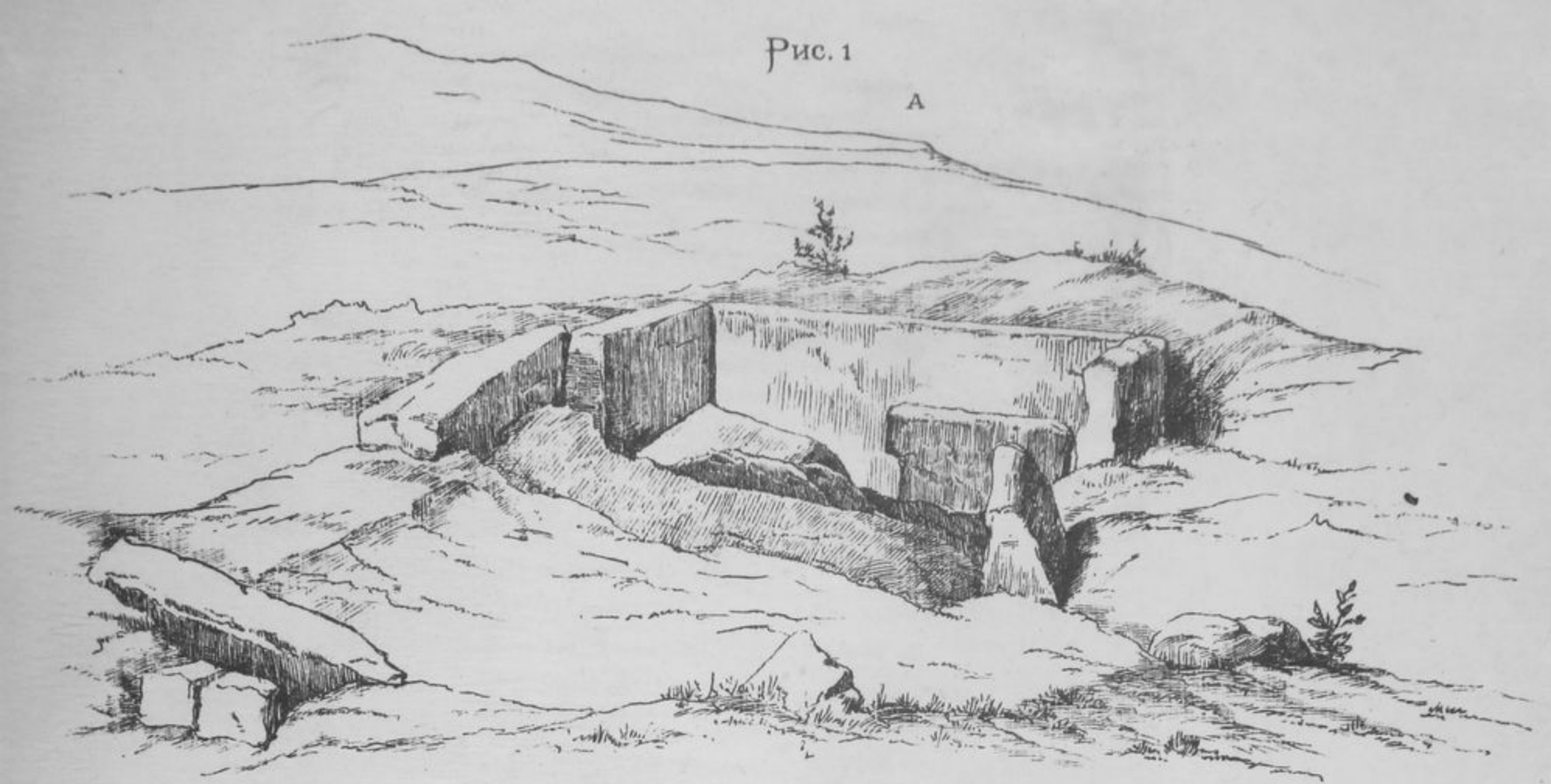
*) «Цемесская бухта» ст. Тетбу де Мариньи въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ III, 1853 г.

и зазубрились. Очень возможно, что плиты эти не подвергались обработке, а поставлены въ ихъ природномъ видѣ, или, если и подвергались обработкѣ, то весьма мало; и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ этомъ обстоятельстве можно видѣть указанія на древность памятника, такъ какъ всѣ видѣнные мною мегалитическіе памятники этого края сдѣланы изъ камня твердаго, песчаника, и весьма рѣдко изъ известняка. Своими длинными плитами ящикъ обращенъ отъ 30 къ NW (табл. III, рис. 2).

Уже при снятіи самага верхняго слоя можно было замѣтить, что крыша ящика или верхняя плита, разломанная на части, провалилась внутрь гробницы; большіе и малые куски этой верхней плиты, смѣшавшись съ наплывшей внутрь землей, составили чрезвычайно плотный слой, значительно мѣшавшій правильности раскопки, а болѣе массивныя части крыши требовали большихъ усилій—чтобы извлечь ихъ изъ внутренности гробницы. По снятіи слоя земли и камней на одну четверть, въ углу, обращенномъ на востокъ, стали попадаться кости черепа, раздавленнаго, вѣроятно, паденіемъ крыши. Нѣсколько ниже черепа, по направленію къ NW, вдоль стѣнки, шли позвонки, а кости ногъ отъ послѣднихъ позвонковъ поворачивали подъ прямымъ угломъ къ SW. У сѣверо-восточной стѣнки, ближе къ сѣверному углу, оказались кости другаго черепа, также раздавленнаго, а позвонки, лежавшіе ниже уровня черепа, почти на четверть, шли вдоль стѣнки по направленію къ противоположному углу; кости ногъ, составляя прямой уголъ съ линіей расположенія позвонковъ, поворачивали къ югу, такъ что сходились близко съ оконечностями перваго скелета. Вообще по всему расположенію костей можно съ полной увѣренностью предположить, что оба покойника были погребены въ сидячемъ положеніи, прислоненные спинами къ стѣнкамъ цисты: въ самомъ дѣлѣ если бы оба покойника были погребены въ лежачемъ положеніи—какъ часто находятъ въ цистахъ—то въ такомъ случаѣ кости черепа и всего скелета находились бы на одной плоскости и притомъ кости ногъ были бы въ изогнутомъ положеніи, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не замѣчалось; напротивъ, кости черепа лежали выше остальныхъ костей скелета, на слоѣ земли, нанесенной водой, вѣроятно, еще до паденія крыши. Дно же цисты было также изъ плиты. Правда, щебень и мелкіе осколки крыши, слежавшіеся плотно съ землей, сильно затрудняли детальную очистку костей и въ особенности позвонковъ, но всетаки можно было легко замѣтить, что позвонки не лежали въ обычномъ порядкѣ и на одной плоскости.

Рис. 1

А

В

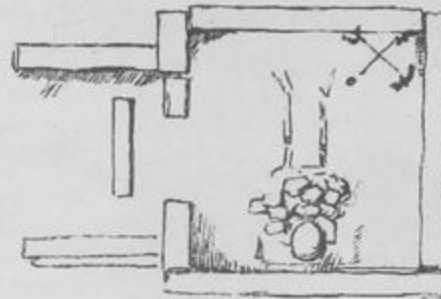
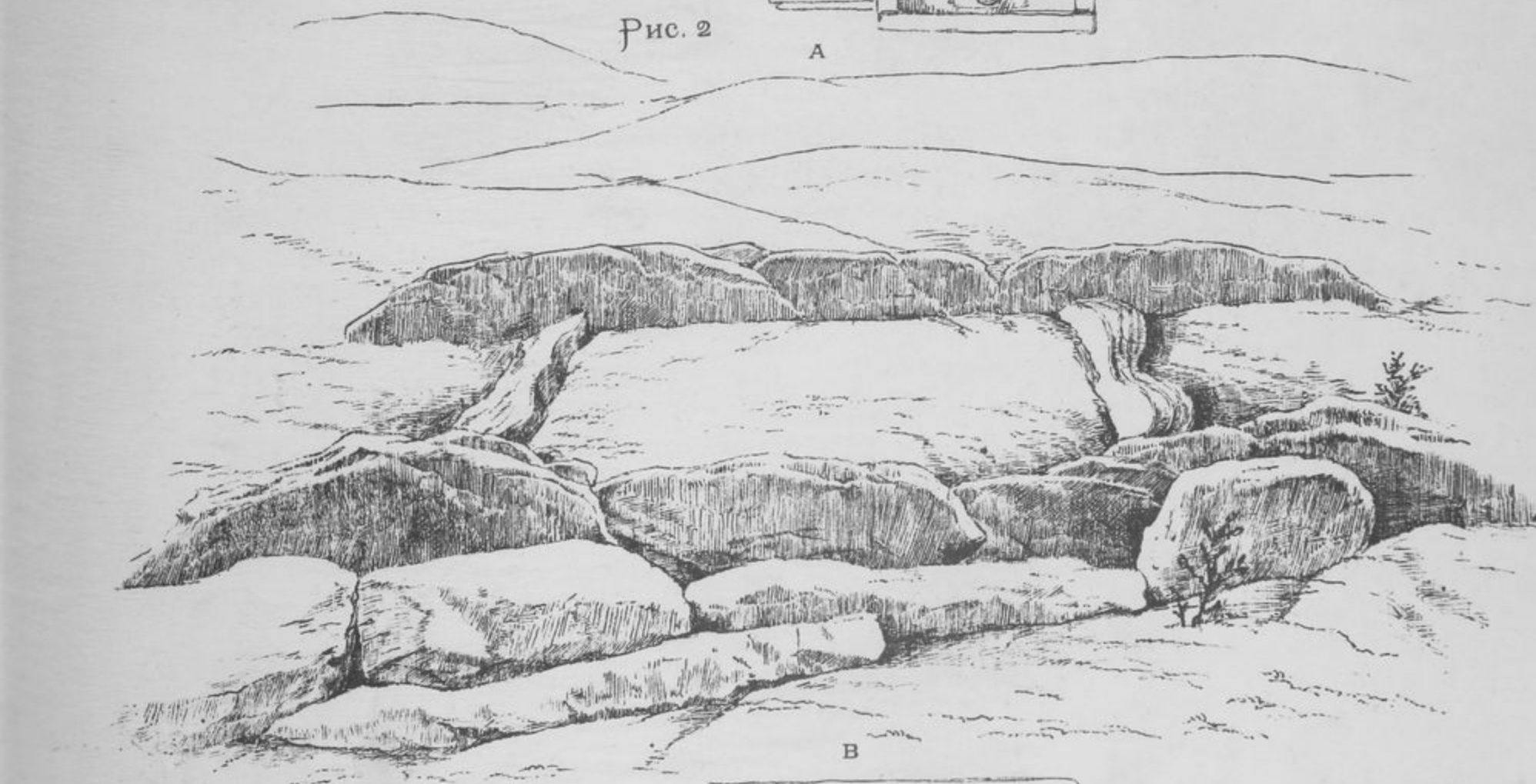

Рис. 2

А

В

Рис. 1 а Гробница-циста. (Ст. Натух.) в Планъ цисты.

Рис. 2 а Гробница-циста. Геленджикъ. в Планъ цисты.

У каждого костяка находилось по небольшому сосудику изъ черной глины, но, къ сожалѣнію, оба сосудика были разбиты въ мелкіе черепки; можно сказать однако, судя по черепкамъ, что они имѣли форму кубышки и не имѣли рѣзко выраженнаго донышка, и каждый имѣлъ одну ручку (фот. IX, 3—10).

Что касается другихъ вещей, то онѣ нашлись исключительно у перваго скелета и представлены на приложенной фототипіи. Прежде всего была найдена каменная привѣска съ сверлиной; привѣска имѣетъ форму клина, сточеннаго въ лезвіе къ одному концу; на противоположномъ концѣ находится сверлина, образованная двумя конусообразными выемками, сходящимися своими вершинами. Лезвіе клина тупое и не имѣетъ характера рѣжущаго орудія; орудіе это слишкомъ мало по размѣрамъ, такъ что не могло служить мусатомъ или брускомъ, тѣмъ болѣе, что и форму клина для этой цѣли нельзя считать удобной (фот. IX, 12)

Размѣры орудія и сверлина указываютъ скорѣе на то, что орудіе носилось, какъ амулетъ или украшеніе. Подобнаго рода украшенія, представляющія въ малыхъ размѣрахъ какое-либо подобное орудіе, какъ извѣстно, встрѣчаются въ эпоху т. н. „каменнаго вѣка“. Орудіе сдѣлано изъ темнаго съ сѣро-зеленымъ оттѣнкомъ твердаго камня, вѣроятно, діорита и поверхность его отполирована.

Особенно характернымъ для извѣстной эпохи можно считать отрѣзокъ оленьяго рога съ прекрасно сохранившимся поперечнымъ отверстіемъ, хотя съ одной стороны часть отверстія отломана вмѣстѣ съ другимъ концомъ рога (фот. IX, фиг. 1).

Не смотря, однако, на эту недостающую часть, является все-таки полная возможность возстановить какъ полную форму, такъ и значеніе этого орудія, прибѣгая для этой цѣли къ помощи сравненій съ подобными находками въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ изданіи Мортилье— „Musée préhistorique“ (par Gabriel et Adrien de Mortillet, Paris, 1881) можно замѣтить совершенно подобное-же орудіе изъ оленьяго рога, относимое авторомъ преимущественно къ долменамъ неолитической эпохи (Planche XL VIII). Представляемый мною рисунокъ (рис. 13) взятъ изъ этого сочиненія, гдѣ подъ № 444 находится слѣдующее его описаніе: „Nache en pierre polie, dans une gaine à douille en corne“.

Рис. 13.

de serf; manche en bois“. Другой рисунокъ взятъ изъ сочиненія Картальяка (рис. 14) *).

Такимъ образомъ, можно съ полной достовѣрностью утверждать, что поперечное отверстіе найденнаго рога служило для вставки деревянной

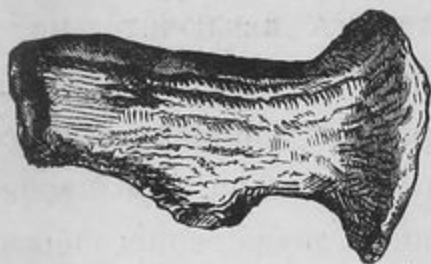

Рис. 14.

палки или рукоятки, а на отломаномъ концѣ рога находилось отверстіе для вставки каменнаго топора или клина. Принадлежность этого орудія къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка подтверждается находкой упомянутой выше полированной привѣски изъ діорита.

На той-же фототипіи (фиг. 2) представлено четырехгранное костяное шило съ небольшой сверлиной въ тыльѣ. Кабаній клыкъ (фиг. 11) и половина челюсти собаки или, быть можетъ, лисицы (фиг. 13) завершаютъ мои находки въ этомъ долменѣ.

Другой сосѣдній долмень оставленъ мною неизслѣдованнымъ — за позднимъ временемъ.

Для удобства сравненія, желая въ своемъ отчетѣ сосредоточивать, по возможности, однородный матеріалъ я, въ настоящую минуту, сдѣлавъ уклоненіе въ сторону отъ моего путешествія въ Геленджикъ, перейду къ описанію моей раскопки другаго долмена-цисты въ другой мѣстности — въ Нотухайской станицѣ. Этимъ описаніемъ будетъ уже исчерпанъ весь матеріалъ этого рода памятниковъ.

Нотухайская станица находится верстахъ въ 28 на сѣверъ отъ Новороссійска. У самой станицы, къ сѣверу, на склонѣ горы находится долмень-циста, совершенно вросшій въ землю; крышка или верхняя плита давно снята съ него казаками для устройства колодца. Плиты высѣчены изъ прекраснаго камня-дикаря и имѣютъ правильную форму; образуя почти правильный квадратъ, плиты аккуратно примыкаютъ одна къ другой. Стѣна на юго-восточной сторонѣ разломана на двѣ части, изъ которыхъ одна часть ввалилась внутрь ящика, а на другой части, стоящей на мѣстѣ, у отломаннаго края сохранилась половина круглаго отверстія, до 3-хъ вершковъ въ діаметрѣ. Передъ этой стѣной, на разстояніи полъ-аршина, поставленъ перпендикулярно къ землѣ камень, какъ-бы маскирующий это отверстіе; камень этотъ отличается отъ остальныхъ камней тѣмъ, что принадлежитъ къ породѣ мѣстнаго

*) Les ages préhistorique de l'Espagne et du Portugal, par E. Cartailhac. Paris 1886, p. 202. На стр. 204 авторъ относитъ изображенныя орудія къ эпохѣ до появленія металловъ.

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

камня „трескуна“, а потому съ теченіемъ времени онъ принялъ неправильно слоистую форму. Къ этой-же юго-восточной стѣнѣ цисты съ внѣшней ея стороны, близко отъ угловъ, перпендикулярно къ стѣнѣ, приставлены двѣ плиты, болѣе толстыя и менѣе правильныя въ сравненіи съ плитами самой цисты. У одной изъ этихъ плитъ, слѣва, видны были слѣды въ родѣ возвышенія отъ лежавшаго здѣсь камня. Вѣроятно, къ этому камню примыкалъ подъ угломъ небольшой камень, подпертый сзади двумя камнями, поставленными на ребро. Расположеніе этихъ частей и самый видъ цисты можно видѣть на приложенномъ рисункѣ и планѣ (табл. III, рис. 1).

Эта система подпиранія камня меньшими камнями, поставленными на ребро, какъ будто указываетъ на то обстоятельство, что камень этотъ въ началѣ не предназначался для покрытія земель, а составлялъ вмѣстѣ съ исчезнувшимъ камнемъ и приставленной внѣшней плитой одну сторону „аллеи“, которая вела къ круглому отверстію гробницы, представляя съ другаго конца загибъ. Другая, приставленная къ стѣнѣ плита и нѣсколько сохранившихся камней представляли, по моему мнѣнію, другую стѣну аллеи. Стѣны цисты, юго-восточная и сѣверо-западная, въ длину имѣли 1 метръ 91 сантим., а другія двѣ боковыхъ стѣнъ — 1 метръ 88 сантим. Направленіе цисты по линіи, идущей вдоль аллеи, опредѣлялось ясно съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Земля наполняла внутренность цисты до самыхъ краевъ, т. е. около метра глубины, и состояла по краямъ изъ наноснаго чернозема, а середина представляла плотную глыбу слежавшихся камней, глины и небольшого количества ракушекъ (рис. 15) *).

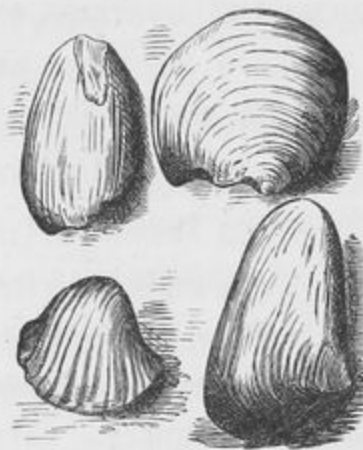

Рис. 15.

По снятіи верхняго слоя глины и камней менѣе чѣмъ на четверть стали попадаться уже кости и прежде всего нижняя челюсть и кости черепа. Другія кости верхней части скелета находились ниже, но порядкомъ ихъ положенія трудно было услѣдить вслѣдствіе слежавшихся глины и камней, хотя можно было замѣтить, что лежали онѣ не на одной плоскости. Наконецъ, на самомъ каменномъ днѣ цисты находились кости ногъ; эти кости ногъ находились въ прямомъ положеніи

*) Нѣкоторые изъ раковинъ опредѣлены В. Д. Соколовымъ „*P. Tapes*, Megerle“ и „*P. Danae*, Linné“; онъ вообще относитъ ихъ къ періоду третичной формации.

и занимали пространство поперекъ цисты, такъ что скелетъ могъ умѣститься только въ сидячемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что разстояніе костей ногъ отъ черепа было около аршина въ высоту. Кости сильно истлѣли и лишены были поэтому оконечностей. Груда камней навалена была на ноги такимъ образомъ, что покойникъ могъ грудью опираться о нихъ, прислоненный спиной къ сѣверо-восточной стѣнѣ цисты. Вещей никакихъ не найдено. На таблицѣ № III, рис. 1, В, представленъ планъ цисты и схематическое положеніе скелета.

Не смотря на то, что вещей не было найдено въ этомъ долменѣ-цистѣ и потому опредѣленіе его древности, хотя-бы по отношенію къ первому долмену (близъ селенія Кабардинскаго) является весьма затруднительнымъ, но, припоминая и сравнивая самое устройство обоихъ изслѣдованныхъ долменовъ, мнѣ кажется, нельзя не прійти къ тому заключенію, что первый долмень древнѣе второго и что, слѣдовательно, оба относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка.

Въ послѣднемъ долменѣ, Натухайской станицы, замѣчается геометрически аккуратная отдѣлка камней и очень ловкое ихъ соединеніе. Самая порода этого камня песчаника не находится въ этой мѣстности, а должно-быть привозная не ближе, какъ за десять верстъ. Въ техническомъ отношеніи обтеска плить указываетъ на долговременный навыкъ.

Самое устройство долмена гораздо болѣе сложное, чѣмъ совершенно примитивное устройство перваго долмена, выступающаго далеко своими продольными плитами отъ поперечныхъ плить и устроеннаго при томъ изъ плохаго мѣстнаго камня „трескуна“, составляющаго обычный грунтовой слой въ обѣихъ мѣстностяхъ. Нужно было много времени, чтобы путемъ опыта узнать существенные недостатки этого камня т. е.: способность трескаться по слоямъ и крошиться на воздухѣ — прежде чѣмъ забраковать для могильныхъ сооружений этотъ камень и замѣнить его другимъ, привознымъ. Отсутствіе вещей при погребеніи не указываетъ, по моему мнѣнію, непременно на древность погребальнаго сооружения, а можетъ служить признакомъ другаго погребальнаго обряда, измѣненнаго или упрощеннаго временемъ или даже относящагося къ иному племени. Техническій очевидный навыкъ въ обработкѣ камней, потребность придавать имъ гладкую поверхность, скорѣй всего позволяетъ отнести второй долмень также къ неолитической эпохѣ.

Геленджикскую бухту Дюбуа принимаетъ за лиманъ „Торикость“ Скилакса, за рѣку (или лиманъ) Тарузу Плинія и за бухту „Раграі“ Арріана.

Геленджикская бухта не велика, но красива; расширяясь она врѣ-

зывается въ берегъ съ запада на востокъ. Берега бухты не высоки, покаты, а на южной сторонѣ представляютъ равнину, на которой и расположено самое селеніе; на площади, посреди самаго селенія, замѣчаются еще сохранившіяся курганныя насыпи. Сѣверный противоположный берегъ представляетъ весьма небольшое возвышеніе, покатое къ морю. На этомъ возвышеніи разсѣяно много кургановъ, образующихъ сплошной могильникъ, уходящій отъ моря въ густой лѣсъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку.

Еще въ Новороссійскѣ отъ г. Тихомірова я получилъ свѣдѣнія о вещахъ, находимыхъ въ этихъ курганахъ, а также указанія на то, что къ западу отъ могильника, по направленію отъ возвышенности берега къ бухтѣ, находятся слѣды широкой древней дороги, выложенной по краямъ камнями. Прежде начатія раскопокъ въ могильникѣ я искалъ слѣдовъ этой дороги въ указанномъ направленіи, но послѣ внимательныхъ изслѣдованій пришелъ къ убѣжденію, что предполагаемая дорога представляетъ собою вертикально поставленныя наслоенія сланцевыхъ породъ, изъ которыхъ состоитъ вся прибрежная мѣстность; болѣе слабые слои вывѣтрились и представляютъ дѣйствительно какъ бы дорогу, шириной въ три сажени, окаймленную съ обѣихъ сторонъ вертикально стоящими надъ поверхностью слоями болѣе твердыми, представляющими какъ бы ряды камней. Совершенно прозрачная, какъ хрусталь, Геленджикская бухта позволяла ясно прослѣдить, какъ эти наслоенія спускались въ воду, проходили по дну бухты и проявлялись вновь, въ томъ же порядкѣ, на противоположномъ берегу.

Переходя къ изслѣдованіямъ самаго могильника, прежде всего нужно замѣтить, что курганы встрѣчаются здѣсь двухъ типовъ: одни курганы болѣе высокіе, хотя высота ихъ не болѣе метра, имѣютъ полушарообразную форму; другіе, болѣе низкіе, не достигаютъ и полъ-метра высоты, представляя собою небольшую и расплывчатую насыпь, большею частью изъ щебня, вокругъ которой обыкновенно встрѣчаются въ обиліи мелкіе черепки красной глины отъ большаго сосуда; эти послѣдніе курганы, какъ оказалось, заключаютъ въ себѣ урны съ жжеными костями.

Изъ кургановъ перваго типа, т. е. съ обыкновеннымъ погребеніемъ, я ограничился раскопкою только одного кургана, имѣвшаго высоту не много менѣе метра. У края насыпи кой-гдѣ сохранились еще ряды камней, поставленныхъ на ребро. Въ срединѣ насыпи, на поверхности грунта, оказались сложенные изъ хорошо обтесанныхъ и аккуратно прилаженныхъ каменныхъ плитъ двѣ смежныя гробницы, покрытыя сверху поперечными плитами. Одна изъ этихъ гробницъ длиной соотвѣт-

ствовала росту взрослого человека и заключала въ себѣ одинъ скелетъ, а другая была почти въ половину меньше и въ ней находился скелетъ мальчика или дѣвочки.

Оба скелета лежали по направленію съ сѣвера на югъ, причемъ головы обоихъ скелетовъ лежали на сѣверъ, съ поворотомъ лица на востокъ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Кости и въ особенности конечности плохо сохранились. Изъ вещей были найдены — у большого скелета — брусокъ у лѣваго бока, желѣзный ножикъ и фрагментъ выпуклой и круглой желѣзной бляшки; въ ногахъ скелета находились два небольшихъ кувшинчика изъ красноватой глины, съ одной ручкой у cadaго. Кувшинчики были грубой работы и не сохранились цѣлыми.

Подобныхъ же два кувшинчика были найдены въ ногахъ и у маленькаго скелета, вмѣстѣ съ кусочками желѣза.

Кургановъ съ трупосожженіемъ было раскопано мною четыре.

Обыкновенно въ такихъ курганахъ жженыя кости, а также и вещи помѣщались въ большой глиняной урнѣ, вставленной въ особую неглубоко вырытую ямку; отверстіе урны закрывалось плоскимъ округленнымъ камнемъ и затѣмъ на поверхности земли засыпалось мелкимъ щебнемъ (таб. V, рис. 2, рис. 3, С).

Такъ какъ края урны выходили на поверхность земли, а насыпь щебня была не велика, то края урны обламывались въ мелкіе кусочки и эти кусочки кольцомъ окружали отверстіе урны. Обыкновенно урны имѣли форму яйцевиднаго сосуда изъ хорошо обожженной глины, причемъ дно сосуда оканчивалось стержнемъ съ расширеніемъ на концѣ — на манеръ греческихъ амфоръ. Изображеніе подобныхъ урнъ можно

видѣть на таблицѣ V, рис. 3, А, В; діаметръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ доходитъ иногда до 50 сантиметровъ, а длина нѣсколько болѣе.

На рисункѣ 3, С той же таблицы представлено положеніе урны въ землѣ; ея наклонъ въ одну сторону указываетъ на то, что для урны выкапывали довольно просторную яму. Самая урна по формѣ своей не походитъ на дру-

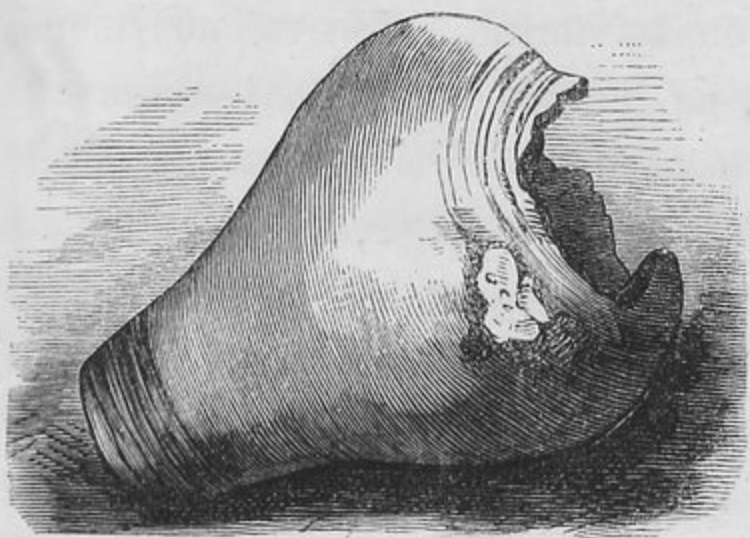

Рис. 16.

гія встрѣченныя мною урны — она имѣетъ форму грушевидную, съ слѣдами двухъ ручекъ, и украшена поясками (рис. 16).

Слѣдовъ кострищъ вокругъ урны, а также угля, — мною не замѣ-

чено, а потому нужно предположить, что сожженіе трупа происходило гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ мѣста погребенія. Притомъ, обращая вниманіе на небольшое количество костей, занимавшихъ обыкновенно отъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ высоты урны, можно предположить, что не всѣ кости попадали въ урну; кости въ урнѣ находились всегда безъ примѣси золы или угля и въ очень размельченномъ видѣ. Вещами погребальныя урны не были богаты: въ одной изъ нихъ, самой большой, мною найдены три дутыхъ мѣдныхъ пуговицы въ формѣ шариковъ, большая оливковой формы пронизка изъ агата (съ халцедономъ), сѣраго цвѣта съ бѣлыми прожилками, очень красивая и прекрасно отполированная; тутъ же найдена пряслица изъ бѣлаго камня, выпуклая съ одной стороны, глиняный кружокъ, обдѣланный изъ черепка, со сверлиной посреди; желѣзные ножницы, какія употребляются для стрижки овецъ, и части желѣзнаго ножика. Въ другой урнѣ нашлись слѣдующія вещи: половина глиняной пряслицы и обломокъ мѣднаго бубенчика или пуговицы. Въ третьей урнѣ — пять дутыхъ мѣдныхъ пуговокъ грушевидной формы и три въ формѣ шариковъ; три куса натуральной формы коралла, вѣроятно, отъ дѣйствія огня получившихъ бѣлый цвѣтъ. Наконецъ, въ четвертой, грушевидной, урнѣ нашлись только — мѣдная пряжка и желѣзное огниво. Врядъ ли можно думать, что вещи, найденныя мною въ урнахъ, составляли полную обстановку покойника — по неполнотѣ тѣхъ вещей, у которыхъ не хватало частей, какъ, напр., у желѣзныхъ ножницъ и бубенчиковъ или пуговокъ, а также по отрывочности нѣкоторыхъ украшеній скорѣе возможно предположить, что вещи попали частями, такъ сказать, случайно, также какъ и жженные кости. Раскопками одного кургана и четырехъ урнъ я и ограничилъ свои изслѣдованія этого могильника.

Въ одной верстѣ отъ бухты, въ восточномъ направленіи, находится могильникъ въ лѣсу, на довольно плоской мѣстности, состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ кургановъ. Курганы были средней величины и всѣ имѣли полушарообразную форму. Въ этомъ могильникѣ мною было разрыто три кургана. Насыпь кургановъ состояла изъ глины и щебня.

Въ двухъ первыхъ курганахъ гробницы были сложены изъ грубо отесанныхъ каменныхъ плитъ — мѣстной породы камня-трескуна. Въ каждой гробницѣ находилось по одному скелету; направленіе гробницы, а также и скелета, было съ сѣвера на югъ, причемъ скелеты головой положены на сѣверъ. Руки вытянуты вдоль туловища.

Особенностью устройства этихъ кургановъ можно считать то, обсто-

ятельство, что гробницы находились не въ центрѣ кургана, а въ полѣ насыпи западной стороны кургана. Размѣры гробницы соответствовали размѣрамъ скелета, а формой своей представляли обыкновенный прямоугольный ящикъ, покрытый сверху плитами; гробницы находились на уровнѣ грунта.

Въ первой гробницѣ у головы скелета противъ праваго виска найденъ былъ кувшинъ съ двумя ручками изъ красной глины, довольно грубой работы; у праваго бедра желѣзная сѣкира и желѣзная лопатка, родъ скребка; кромѣ того, у лѣваго бока найдены части кинжала или меча, но сильно перержавѣвшія, такъ что сохранить ихъ не было возможности, а можно было только замѣтить, что лезвіе было широкое и прямое, а длиной приблизительно около полъ-аршина. Одна мѣдная трубочка и двѣ костяныя служили, вѣроятно, рукоятками для какой-нибудь трости. Разогнутая мѣдная проволока и неопредѣленнаго типа желѣзное остріе дополняли погребальную обстановку этого скелета. Быть можетъ, эти острія и трубочки составляли части дротиковъ или какихъ-либо метательныхъ орудій, но и этого утверждать нельзя, такъ какъ вещи очень плохо сохранились, въ особенности желѣзо.

Въ другой гробницѣ, у головы скелета, противъ праваго виска, найдено до 8 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, сильно испорченныхъ ржавчиной; тутъ же найденъ маленькаго размѣра желѣзный серпъ, — служившій, быть можетъ, для очистки пути отъ густоты вѣтвей во время ходьбы по лѣсу, для чего онъ могъ быть насаженъ на длинную рукоятку. Такіе серповидные ножи до сихъ поръ употребляются, напр., въ Сочи и въ Закавказьѣ, гдѣ называется „цалдами“.

Внизу, между конечностями ногъ, лежалъ длинный наконечникъ желѣзнаго копья, обращенный остріемъ къ туловищу, что доказываетъ, что наконечникъ положенъ былъ безъ древка.

Третій курганъ представлялъ ту особенность, что скелетъ, найденный въ томъ же направленіи, положенъ былъ безъ гробницы; вещей не было никакихъ, кромѣ обычнаго типа трехъ кувшинчиковъ, лежащихъ на костяхъ колѣнъ. Скелетъ былъ зарытъ выше уровня грунта. По всему вѣроятію, всѣ три скелета можно считать мужскими.

Сравнивая характеръ погребенія въ этомъ могильникѣ и найденныя вещи съ изслѣдованнымъ курганомъ могильника на берегу Геленжикской бухты, нельзя не замѣтить большаго различія въ погребальныхъ обрядахъ этихъ двухъ могильниковъ. Въ могильникѣ у бухты — гробница находится въ центрѣ кургана и даже ихъ найдено было двѣ; гробницы сложены тщательно изъ твердаго камня — песчаника; сосуды

положены въ ногахъ. Въ могильникѣ же, находящемся въ лѣсу, гробницы находятся близко къ западному краю кургана; гробницы сложены грубо изъ мѣстнаго камня. Сосуды и стрѣлы у головы скелета и только у одного скелета сосуды на колѣнахъ и ближе къ туловищу. Въ этомъ же могильникѣ замѣчательно обиліе оружія, причемъ особенно интересной по формѣ является—*спкира*. Форма копья относится къ типамъ болѣе древнихъ копій.

При маломъ количествѣ данныхъ пока можно только указать на эти различія и особенности, которыя могутъ зависѣть какъ отъ разновременности могильниковъ, такъ и отъ этническаго различія обитателей этихъ мѣстностей. Впрочемъ, сравненіе найденныхъ вещей наводитъ на предположеніе, что могильникъ въ лѣсу *древнѣе* могильника у бухты, не принимая въ сравненіе при этомъ фактовъ трупосожденія. Считаю умѣстнымъ пока ограничиться этими замѣчаніями.

На обратномъ пути изъ Геленджика въ Новороссійскъ, я надѣялся при помощи учителя г. Даринскаго заняться раскопками осмотрѣннаго могильника, но, къ сожалѣнію, г. Даринскій былъ въ это время вызванъ по дѣламъ службы въ Новороссійскъ, а я, за невозможностью найти рабочихъ и дорожа временемъ, рѣшился продолжать свой путь. Впрочемъ, въ Новороссійскѣ, встрѣтивъ г. Даринскаго, я просилъ его проинформировать эти раскопки, для чего и снабдилъ его подробными инструкціями. Полученное впослѣдствіи письмо и вещи даютъ мнѣ возможность дополнить его трудами свой отчетъ.

Г. Даринскимъ въ могильникѣ с. Кабардинскаго было раскопано два кургана; высота ихъ была около трехъ аршинъ. Каждый курганъ заключалъ въ себѣ гробницу, находящуюся на уровнѣ материка или грунта и сложенную въ формѣ длиннаго ящика изъ каменныхъ плитъ, причемъ камень брался не изъ ближайшихъ мѣстныхъ породъ-трескуна, а принадлежалъ къ породѣ „дикаря“. Длина одной гробницы доходила до трехъ аршинъ; другой—немного болѣе; ширина $\frac{3}{4}$ аршина; а ширина другой равнялась аршину; высота была 10—11 вершк. Такимъ образомъ гробницы эти представляли по своимъ размѣрамъ обычный типъ подобныхъ гробницъ на побережьяхъ Чернаго моря. Въ гробницѣ первой оказались два скелета; положеніе ихъ, такъ же, какъ и самой гробницы, было съ востока на западъ; головами покойники были положены къ западу, съ поворотомъ лица на югъ. У ногъ покойниковъ найдены три глиняныхъ кувшинчика обычнаго типа и стеклянный стаканъ, имѣющій форму мензурки. На днѣ гробницы найдена пряслица въ видѣ кружка съ сверлиной, сдѣланною изъ бѣлаго мягкаго камня.

Другая гробница по краю курганной насыпи сохранила рядъ камней; въ самой насыпи попадалось много улитокъ-раковинъ и морскихъ ракушекъ. Въ гробницѣ находились три скелета, въ томъ же направленіи положенные, какъ и скелеты первой гробницы, но кости скелета, находившагося на южной сторонѣ, лежали въ особенномъ безпорядкѣ; у ногъ этого скелета найдено пять глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ землею; кувшинчики эти обычнаго типа. Подъ костями ступни средняго скелета лежали черепки глиняной съ зеленой поливой тарелки; на этихъ черепкахъ лежали—желѣзный ножъ, желѣзныя ножницы для стрижки овецъ и желѣзный серпъ; кромѣ того, здѣсь же найденъ былъ кончикъ желѣзнаго трехграннаго копья.

Что касается до фрагментовъ тарелки, то они по характеру поливы, по орнаменту и вообще по технику представляютъ совершенно близкое родство съ фрагментами посуды, найденными мною въ раскопкахъ близъ казармъ, въ Сухумѣ. Вѣроятно, изъ Сухума и проникали сюда, въ окрестности Новороссійска, этого рода издѣлія.

V.

Раскопка по дорогѣ къ могильнику въ Мысхако. Могильникъ въ Мысхако. Раскопки въ Цемесской долинь.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Новороссійска, на западъ по дорогѣ въ Мысхако, находится могильникъ, состоящій изъ множества кургановъ. Могильникъ расположенъ на возвышенности покатой по направленію къ бухтѣ, т. е. на югъ; курганы здѣсь разсѣяны среди мелкаго лѣса. Почва этой покатости состоитъ изъ сплошной мергелевой породы и здѣсь во многихъ мѣстахъ жители Новороссійска добываютъ камень—„трескунъ“ для своихъ построекъ. Въ этомъ могильникѣ я выбралъ одинъ курганъ для изслѣдованія; на верху этого кургана ясно обозначалась продольная плита по направленію съ востока на западъ. Послѣ снятія щебня и земли очень скоро обозначилась самая гробница, составленная изъ двухъ длинныхъ плитъ близко сходящихся верхними краями, въ то время какъ нижніе края значительно отходили другъ отъ друга. Съ южной стороны одна продольная плита была подперта другой—широкой и длинной. Оконечности длинныхъ плитъ на западъ и востокъ опирались въ небольшія плитки, поставленныя къ нимъ подъ прямымъ угломъ.

Основаніе кургана—по сторонамъ длинныхъ плитъ было прикрыто плоскими камнями—какъ бы вымощено. Длинное отверстіе между двумя продольными плитами было до верха засыпано землей. Длина каждой изъ продольныхъ плитъ равнялась 2 метрамъ и 62 сантиметрамъ, а высота каждой плиты доходила до 64 сантиметровъ. Плиты сдѣланы изъ камня трескуна и потому, какъ видно на рисунокѣ, состоятъ изъ нѣсколькихъ наслоеній. Разстояніе отъ средней продольной плиты до окружности кургана—равняется почти метру.

Послѣ снятія одной боковой плиты обнаруживается весь характеръ погребенія, представлявшійся въ продольномъ и вертикальномъ разрѣзѣ. Слой земли занималъ въ гробницѣ пространство, глубиной до 33 сантиметровъ, послѣ чего уже виднѣлись кости скелета, лежащаго съ востока на западъ; головой скелетъ положенъ на западную сторону, но лицомъ повернутъ на сѣверъ, руки вытянуты вдоль туловища, правая нога у колѣна немного изогнута, кости сохранились ясно. При очисткѣ скелета найдены возлѣ головы и грудныхъ костей пять бусъ, изъ которыхъ одна бирюзоваго цвѣта, изъ египетской пасты; кромѣ того, одна просверленная привѣска и маленькая металлическая плитка. У праваго бока найдена желѣзная игла, а подъ головой небольшой черепокъ красной глины.

На приложенныхъ рисункахъ таблицы IV, можно видѣть устройство гробницы, по снятіи курганной насыпи, и боковой разрѣзъ гробницы, очищенной отъ земли. Отсутствіе верхней плиты или крыши и наклонное положеніе боковыхъ плитъ гробницы мнѣ кажется случайнымъ явленіемъ, происшедшимъ отъ плохого качества камня—трескуна и неосторожной засыпки кургана: крыша, вѣроятно, раздробилась и растрескалась отъ насыпанія щебня и земли и части крыши сползли по сторонамъ, какъ и представлено на рисункѣ № 1, сдѣланномъ мною съ натуры; вслѣдствіе паденія крыши, боковыя плиты, принимая на себя удары набрасываемой земли, приняли взаимно наклонное положеніе. Можно предположить, что гробница долгое время стояла незасыпанной землею, а при такомъ условіи камень трескунъ непременно даетъ трещины и крошится.

Такое предположеніе о незасыпанной долгое время гробницѣ само по себѣ имѣетъ нѣкоторое основаніе, на которое и будетъ указано ниже.

Самый рисунокъ представляетъ раскопанную площадь вокругъ гробницы въ тотъ моментъ, когда еще не были сняты куски плитъ, по моему предположенію—части крыши, и слой земли, подъ которыми и оказалось дно кургана, выложенное камнями неправильной формы. Точно также поперечныя пластинки, приставленные съ концовъ къ боковымъ плитамъ, подъ прямымъ угломъ для подпоры—на рисунокѣ не показаны, потому что еще закрыты землей.

Изъ найденныхъ вещей ясно, что скелетъ женскій: на это указываетъ—желѣзная игла и бусы.

Что касается до найденныхъ бусъ, то нельзя не замѣтить, что буса изъ египетской пасты, украшенная маленькими репьями и съ ободоч-

Рис. 1

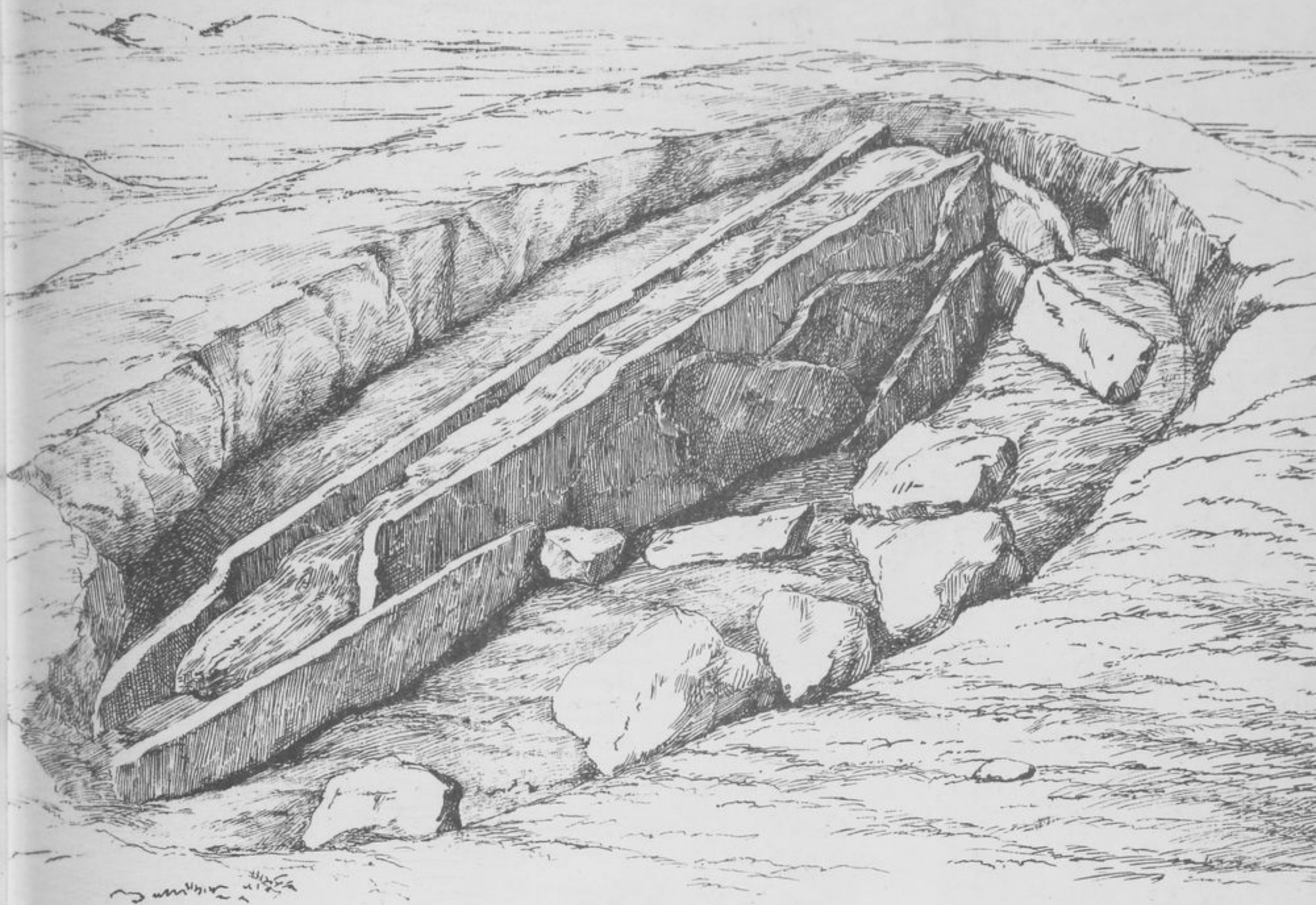

Рис. 2

Рис. 1 Гробница. Рис. 2 Положеніе скелета.

Рис. 1

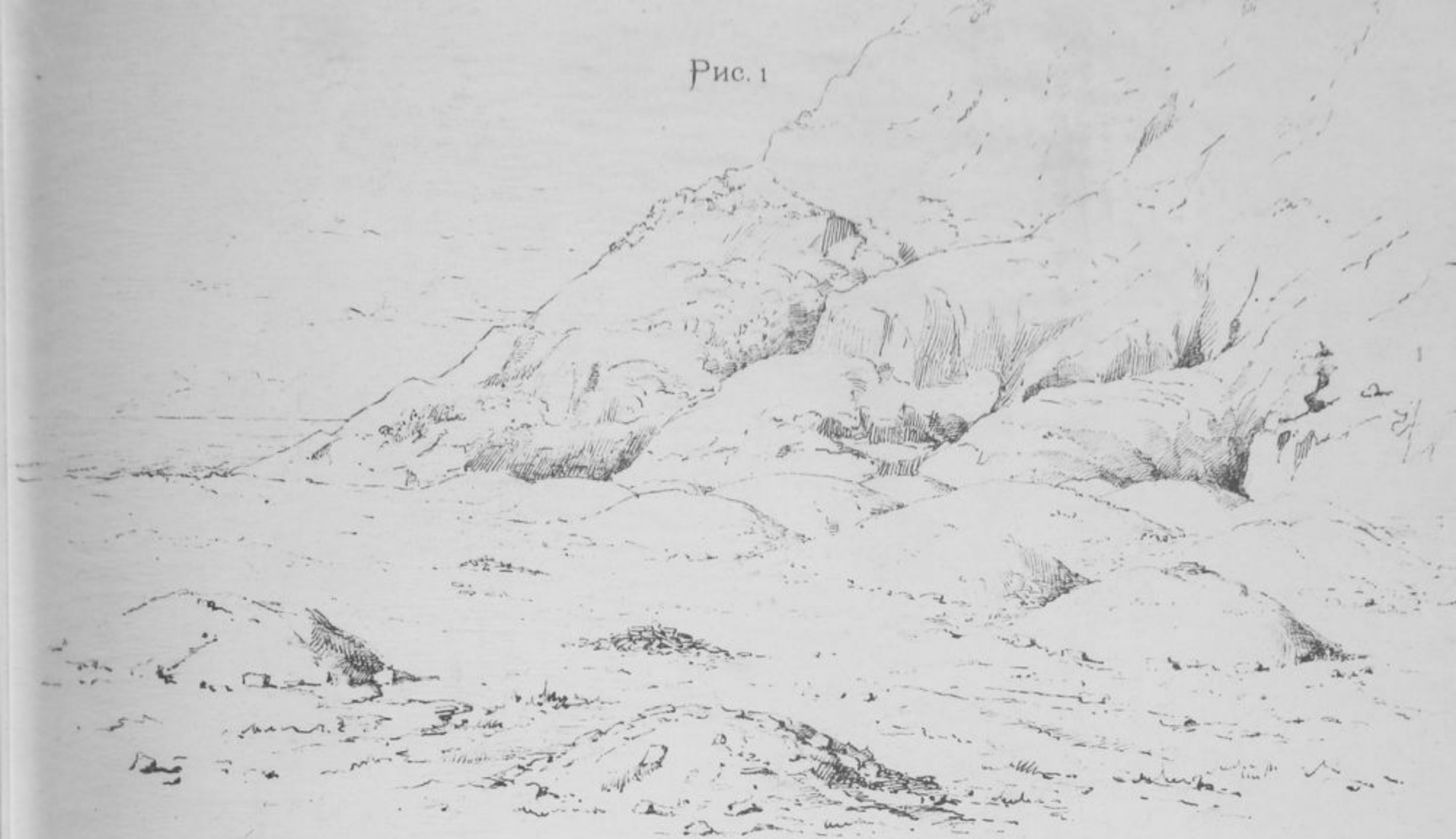

Рис. 2

Рис. 3

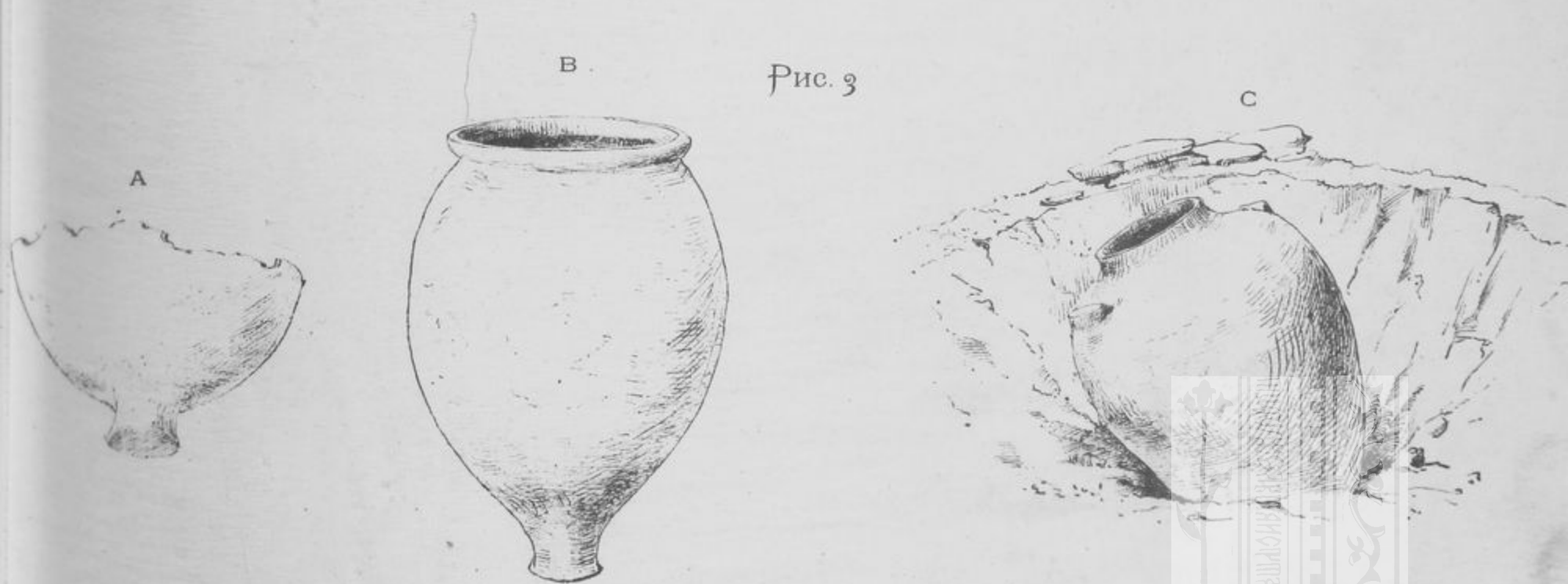

Рис. 1 Могильникъ въ Мысѣако. Рис. 2 Курганчикъ съ урной.

Рис. 3 а в с Урны погребальныя.

ками у отверстій, носить характер древности, такъ же какъ и другая буса, также глиняная, свѣтло зеленоватаго цвѣта, съ чернымъ глазированнымъ орнаментомъ. Случайно встрѣченный мною, этотъ могильникъ не входилъ въ расчеты моего времени, а потому я долженъ былъ ограничиться раскопкой только одного кургана и торопился заняться изслѣдованіями могильника г. Мысхако.

По тому-же направленію, верстахъ въ 4-хъ отъ послѣдняго могильника на сѣверо-западъ, находится гора Мысхако, напоминающая нѣсколько формой своей гору Аю-Дагъ, въ Крыму; Мысхако своей западной покатостью вдается въ море, образуя мысъ недалеко отъ входа въ Новороссійскую бухту. Всей южной стороною гора эта вмѣстѣ съ другой прибрежной возвышенностью образуетъ небольшое ущелье, составлявшее ложе рѣки Мысхако. Приближаясь къ морю, это ущелье расширяется и переходитъ въ плоскую покатость. На этой покатости разсѣяно много кургановъ или могильныхъ насыпей. Къ сѣверу отъ этой приморской покатости и ближе къ горѣ Мысхако прилегаетъ земля г. Пенчула, разбившаго здѣсь свои плантаціи виноградника. Прежде всего въ этомъ могильникѣ обращаютъ на себя вниманіе курганы полушарообразной формы, съ торчащими на вершинахъ верхушками двухъ камней, обыкновенно обозначающихъ концы гробницы. Иногда же въ курганахъ болѣе низкихъ близко края окружности замѣчаются также камни, составляющіе кругъ въ соотвѣтствіе съ окружностью самаго кургана. Съ другой стороны, между такими курганами попадались небольшія насыпи изъ щебня, едва замѣтныя съ перваго взгляда. Общій видъ могильника представленъ на приложенной таблицѣ №. V, рис. 1.

Желая ознакомиться съ этимъ могильникомъ, я выбралъ для раскопки большой курганъ, который хорошо сохранилъ свою первоначальную форму и надъ которымъ не было замѣтно выглядовавшихъ наружу камней. Раскопка была начата съ сѣвера широкой траншеей. Въ началѣ работы близко края оказалась небольшая кладка, въ формѣ прямого угла, сложенного изъ ряда камней. Далѣе все пространство кургана, начиная отъ стѣнки при началѣ траншеи, на уровнѣ земли было вымощено плоскими неправильной формы камнями. Дорога эта упиралась какъ разъ въ длинную сторону каменной гробницы, находившейся въ центрѣ кургана и сложенной весьма аккуратно изъ каменныхъ плитъ, такъ что она представляла собою длинный каменный ящикъ, причемъ впрочемъ плиты, образующія оконечности гробницы, значительно выступали вверхъ и одна изъ нихъ имѣла сверху неправильную форму. Гробница сверху была покрыта рядами плитъ, положенныхъ поперекъ

одна возлѣ другой. Въ покрытіи гробницы и въ обработкѣ этихъ покрывающихъ плитъ не было замѣтно той тщательности и правильности какая замѣчалась въ устройствѣ самой гробницы: плиты не приходились плотно другъ къ другу и были различныхъ размѣровъ, а одна плита была разбита, отчего въ образованный такимъ образомъ щели земля насыпалась внутрь гробницы (таб. VI, рис. 1). По снятіи верхняго слоя земли, я нашелъ внутри гробницы два мужскихъ скелета, положенныхъ хотя и рядомъ, но такимъ образомъ, что одинъ скелетъ вслѣдствіе тѣсноты гробницы былъ нѣсколько выше другаго. Черепа отъ времени были сильно испорчены, а также и кости. Положеніе скелетовъ было съ востока на западъ и головой на востокъ, причемъ лицо было поднято кверху, руки вытянуты вдоль туловища; кости однако были такъ перемѣшаны съ вещами, что желая выбрать кости, нужно было тревожить и вещи и наоборотъ, а между тѣмъ вещи часто рассыпались отъ одного прикосновенія. Ближайшій къ траншеи, лежащій выше другаго скелетъ былъ, повидимому, втиснутъ въ гробницу возлѣ другаго скелета, оттого кости такъ сильно перепутались; на груди этого перваго скелета былъ найденъ цѣльнымъ деревянный гребень; съ праваго бока того же скелета лежали какія-то вещи, характеръ которыхъ вначалѣ трудно было распознать, такъ перемѣшаны онѣ были съ костями. Оказалось потомъ, что это перегнившія части деревяннаго колчана, который былъ, вѣроятно, богато украшенъ найденными тутъ-же костяными узорными пластинками. Форма колчана, насколько ее можно было уловить изъ лежавшихъ фрагментовъ, была цилиндрическая, сплюснутая съ задней стороны; дерево было снаружи темнаго цвѣта. Внизу подъ колчаномъ найдены были обломки стрѣлъ съ желѣзными наконечниками; тутъ-же были найдены два гладкихъ мѣдныхъ кольца, вѣроятно, тоже отъ колчана; вблизи стрѣлъ былъ найденъ желѣзный ножикъ. Наконецъ, у пояса скелета были найдены два колечка, также мѣдныхъ и гладкихъ,—этимъ и закончились мои находки.

На прилагаемой фототипіи X представлены желѣзные наконечники стрѣлъ (21—28) и орнаментированныя костяныя пластинки отъ колчана (фиг. отъ 1—21).

Наконечники стрѣлокъ большею частію имѣютъ древнюю листовидную форму. Что же касается до орнамента пластинокъ, то рисунокъ орнамента образованъ рѣзьбою вглубь, причемъ углубленные мѣста заполнялись черной массой. Техника и рисунокъ очень характерны и заслуживаютъ особаго вниманія. Имѣя въ виду говорить о нихъ подробнѣе впослѣдствіи,—я теперь перейду къ описанію раскопки втораго кургана.

Рис. 3

Рис. 2

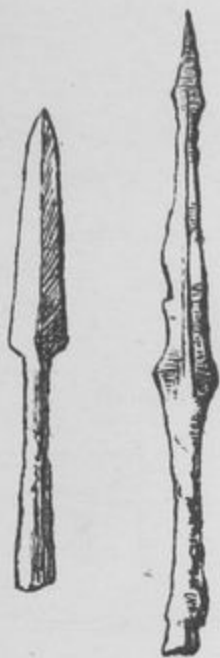

Рис. 4

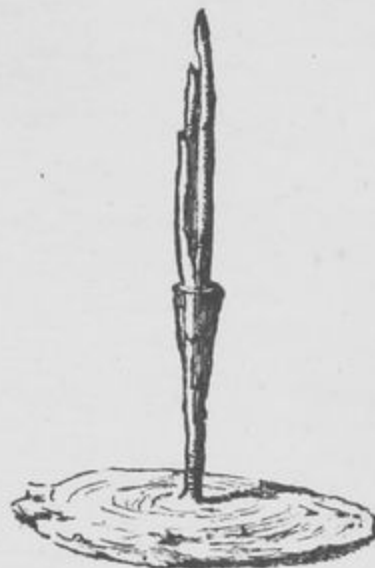

Рис. 1

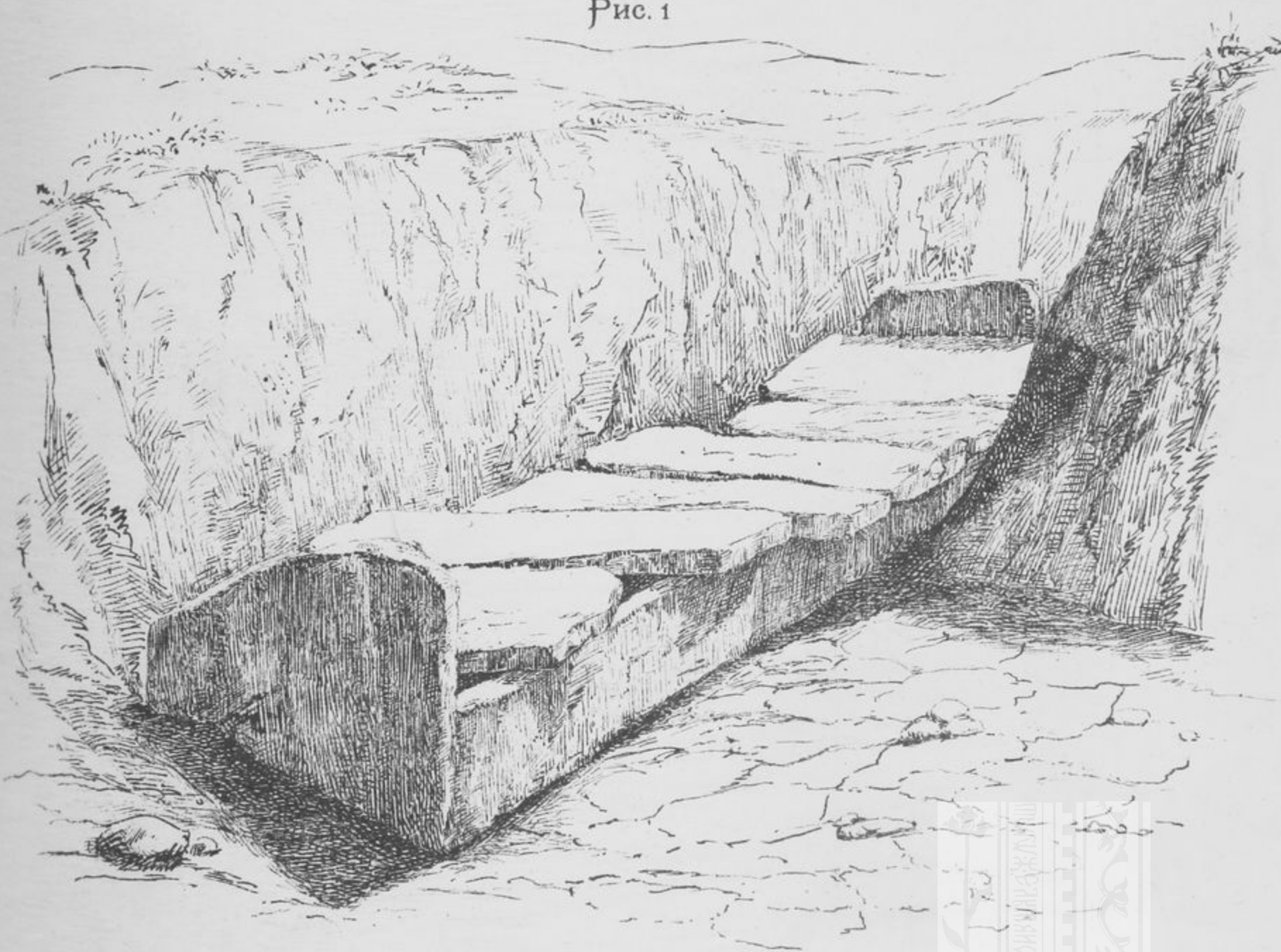

Рис. 1 Гробница.

Рис. 2 Копья.

Рис. 3 Свѣтець.

Рис. 4 Урна.

Раскопка кургана № 2, который находился не далеко отъ перваго, не привела къ особенно интереснымъ результатамъ. Самый курганъ былъ гораздо меньшаго размѣра; подобная же гробница той, которая была въ первомъ курганѣ, оказалась наполненной въ безпорядкѣ лежащими костями, такъ что опредѣлить положеніе скелетовъ не было никакой возможности. Среди костей былъ найденъ небольшой кувшинъ, красной глины, уже разбитый; отбитая часть нашлась въ курганѣ въ далекомъ разстояніи отъ костей: вѣроятно, кувшинъ былъ брошенъ въ могилу уже послѣ погребенія. Высота этого кургана была менѣе метра, тогда какъ высота перваго кургана была около 2-хъ метровъ, но вообще среднюю высоту кургановъ этого могильника нужно считать не болѣе одного метра.

Въ этомъ же могильникѣ изъ насыпей 2-го рода, т. е. представляющихъ небольшія кучки щебня, было изслѣдовано мною двѣ насыпи. Вокругъ первой было замѣтно много мелкихъ черепковъ красной глины; между прочимъ, среди этихъ осколковъ можно было отличить края или бережки отъ большаго сосуда или амфоры. При снятіи слоя земли и щебня на $\frac{1}{4}$ аршина глубины, обозначились отбитые края амфоры, врытой вертикально въ землю. Верхнія части амфоры провалились внутрь, а части бережка или края сосуда разсѣяны были на поверхности земли вокругъ кучки щебня; онѣ и привлекли мое вниманіе предъ началомъ раскопки. Сосудъ былъ покрытъ плоскимъ обтесаннымъ въ неправильный кругъ камнемъ. Послѣ удаленія земли и черепковъ изъ урны — нижняя половина ея оказалась наполненной жжеными человѣческими костями, получившими отъ огня специфическій синеватый оттѣнокъ.

При разборкѣ костей найдены были вещи: 1) металлическій перстенецъ и 2) кусочекъ желѣза, по формѣ напоминавшій лезвіе маленькаго ножа.

Амфора или урна была вся надтреснутой на куски, такъ что удалось извлечь только дно ея, сведенное въ стержень или цилиндрикъ, какъ у греческихъ амфоръ. Однако возможно было опредѣлить діаметръ урны — въ самомъ широкомъ мѣстѣ онъ равнялся 60 сантиметрамъ. Приблизительно, по соображенію, можно было опредѣлить и высоту сосуда, которая должна была приближаться къ одному метру. Принимая въ соображеніе эти размѣры, форму урны можно возстановить въ такомъ видѣ, въ какомъ она представлена на прилагаемомъ рисункѣ (таб. V; рис. 3, В).

Раскопка другой подобной насыпи изъ щебня привела къ слѣдующимъ результатамъ: возлѣ кучки щебня, такъ же какъ въ только-что опи-

санномъ случаѣ, лежали кусочки черепковъ красной глины; количество ихъ указывало на то, что они составляли небольшую только верхнюю часть погребальной урны. На глубинѣ такъ же $\frac{1}{4}$ аршина обозначились края урны такого же размѣра, какъ и первая. Верхнія части сосуда обвалились такъ же внутрь. Сосудъ былъ такъ же вертикально врытъ въ землю, но земля съ западной стороны сосуда была сильно смѣшана съ золой и съ черной гарью; въ этомъ жженомъ слоѣ, на уровнѣ края сосуда, нашлась часть желѣзнаго меча, тогда какъ другая часть, оконечная, оказалась въ самомъ сосудѣ. Мечъ былъ такимъ образомъ изогнутъ въ раскаленномъ видѣ и положенъ надъ урной, такъ что изогнутый конецъ его свѣшивался въ урну. Я называю это лезвіе мечемъ, потому что оно прямое, обоюдоострое, оканчивается остриемъ, посреди лезвія замѣтенъ желобокъ, клинокъ вообще массивный, но сильно попорченный отъ огня, такъ что онъ легко распался на части, а потому опредѣлить размѣры его довольно рискованно—за неимѣніемъ многихъ частей. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ болѣе обыкновеннаго черкесскаго кинжала, но не превышалъ длиною двухъ четвертей съ половиною. Онъ представлялъ совершенно другой типъ, чѣмъ находимыя обыкновенно въ могилахъ этой мѣстности длинныя, кривыя и узкія сабли.

Ближе ко дну сосуда было найдено два кусочка отъ кольчуги, тоже испорченной огнемъ, и желѣзное огниво; наконецъ, ближе къ отверстию урны нашлась стрѣлка желѣзная, листовидной формы. На днѣ урны оказалось небольшое количество жженныхъ костей.

Такъ окончились мои раскопки въ этомъ могильникѣ, гдѣ было встрѣчено мною два рода погребенія—обыкновенное и трупосожженіе, причемъ насыпи того и другаго рода не выдѣлялись въ особыя группы, а казались насыпанными безъ всякой системы на плоскости могильника. Владѣлецъ сосѣдняго хутора, г. Пенчулъ сообщилъ мнѣ, что рабочіе его, раскапывая землю подъ виноградникъ, иногда находили черкесское оружіе и монеты. Я просилъ его на будущее время высылать мнѣ подобныя находки. Дѣйствительно, зимой того-же года я получилъ отъ него коллекцію вещей, добытыхъ при разработкѣ его земли. Коллекція эта, пожертвованная имъ въ Историческій музей, не только дополняетъ мои раскопки, но и придаетъ особый археологическій интересъ этой мѣстности возлѣ горы Мысхако.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію этихъ вещей, нужно замѣтить, что вещи эти, по большей части, не принадлежатъ къ погребальной обстановкѣ, а находка ихъ объясняется скорѣе тѣмъ, что земля Пен-

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
г. И. за Краснодарской
и Музейной работы

чула занимаетъ культурный слой, образовавшійся отъ древняго, вѣроятно, значительнаго населенія.

Наиболѣе характерныя изъ коллекціи вещей, присланныхъ г. Пенчуломъ, изображены на таблицѣ VI (фиг. 2—4) и на фототипіи XI-й. Изъ самаго поверхностнаго обзора изображенныхъ вещей уже чувствуется, какую смѣсь эпохъ представляютъ эти вещи: здѣсь и стеклянный алавастръ, быть можетъ, финикійскаго издѣлія и бронзовое зеркальцо древняго типа—круглое изъ тонкой пластинки; фибула болѣе поздняго типа, урна, напоминающая греческія издѣлія этого рода, крестъ—тѣльникъ изъ металлическаго сплава, наконечникъ копья желѣзнаго—также древняго типа и, наконецъ, много вещей, здѣсь неизображенныхъ, относящихся къ тѣмъ вещамъ, которыя обыкновенны въ гробницахъ этой мѣстности. Разобраться въ этихъ вещахъ не легко, но разобраться очень важно, потому что эти разновременныя вещи представляютъ собою единственные свидѣтельства культурной исторіи этой интересной мѣстности.

Но характеристику всѣхъ вещей, найденныхъ въ этой экспедиціи, я предпочитаю представить въ отдѣльной главѣ; такой порядокъ изложенія даетъ мнѣ болѣе свободы въ группировкѣ вещей и болѣе удобства при ихъ сравненіи, а съ другой стороны, не будетъ прерывать моего отчета о послѣдовательныхъ раскопкахъ.

Вотъ почему я и перехожу теперь къ моимъ раскопкамъ въ Цемесской долинѣ.

Цемесская долина тянется на 10 верстъ отъ Новороссійска на сѣверъ. Почти въ самомъ концѣ долины, между лѣвымъ берегомъ р. Цемески и большой дорогой въ Анапу, находится довольно обширный могильникъ, разбросанный частію на полянѣ у дороги, частію въ лѣсу. Курганы могильника не превышаютъ сажени въ высоту. Сколько мнѣ удалось замѣтить, курганы эти не одинаковой конструкціи: одни изъ нихъ въ основаніи имѣютъ стѣнку въ формѣ квадрата, сложенную насухо изъ небольшихъ камней; стѣнка эта достигаетъ высоты трети кургана и служитъ какъ бы рамкой, на которой покоится земляная насыпь полушарообразной формы (таб. VII, рис. 2, С), каждая сторона стѣнки равняется 3-мъ сажениамъ. Другіе курганы, вмѣсто квадратной стѣнки, имѣютъ основаніемъ круглую стѣнку, сложенную плохо изъ длинныхъ и тонкихъ кусковъ камня—трескуна (рис. 2, В). Наконецъ, у третьихъ кургановъ замѣчаются близко края земляной насыпи—рядъ отдѣльно торчащихъ камней, образующихъ большею частію квадратъ (рис. 2, А). Вверху кургана иногда замѣчались наружу выступавшіе два камня—

концы гробницы. Какъ эти торчащіе камни, такъ и стѣнки изъ каменной большею частію плохо уже сохранились, потому что камни усердно уносились и уносятся для новыхъ построекъ. Въ этомъ могильникѣ мною были раскопаны два кургана. Окружность основанія перваго кургана равнялась приблизительно 25 метрамъ, а высота менѣе метра. Курганъ имѣлъ форму, нѣсколько расплывчатую, и по краямъ насыпи сохранилъ ряды торчащихъ камней въ формѣ квадрата. Раскопка была ведена посредствомъ колодца. Снятый сверху не болѣе какъ на четверть глубины слой чернозема обнажилъ гробницу изъ каменныхъ плитъ, имѣющую направленіе въ длину отъ NW къ SO. Очищенная отъ земли гробница представляла каменный ящикъ, длиною 1 метръ 86 сантим. По концамъ гробница заканчивалась высоко стоящими плитами, у одной верхушка обломилась. Высокія плиты подпирались съ каждой стороны двумя клинообразно поставленными камнями. Сверху гробница прикрывалась четырьмя положенными поперекъ плитами, изъ которыхъ у двухъ были давно отломаны выступавшіе бока и лежали эти куски, прислоняясь къ стѣнкамъ гробницы, въ видѣ контрфорсовъ. Ящикъ внутри былъ наполненъ землею и обломками камней отъ плитъ (таб. VII, рис. 3; рис. 1 представляетъ вертикальный разрѣзъ кургана).

Снятая послойно земля обнаружила кости пяти скелетовъ (судя по количеству череповъ), лежащихъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Одинъ черепъ найденъ въ концѣ гробницы; три черепа лежали вмѣстѣ по срединѣ гробницы и одинъ черепъ нѣсколько ближе къ концу гробницы. Такимъ образомъ, одно положеніе череповъ указывало на то, что только одинъ скелетъ могъ быть положенъ въ гробницу, но порядокъ другихъ костей и это предположеніе дѣлаетъ сомнительнымъ. Напротивъ, расположеніе костей и вещей, по моему мнѣнію, указываетъ ясно на тотъ фактъ, что въ этой гробницѣ не были погребены тѣла покойниковъ, а только всыпались въ гробницу кости и вещи. Пять покойниковъ никакъ не могли помѣститься въ этой гробницѣ, длина которой менѣе двухъ метровъ, а ширина и глубина равняются—40 сант. Земля попала въ гробницу случайно вслѣдствіе щелей между плитами крыши. Вещи главнымъ образомъ находились въ двухъ мѣстахъ—около отдѣльно лежащаго черепа въ сѣверо-западномъ концѣ гробницы и въ противоположномъ углу. У черепа найдены были слѣд. вещи: двѣ серебряныя серьги, каждая изъ нихъ состояла изъ кольца съ двумя дутыми серебряными конусами, соединенными своими основаніями; серебряныя шарообразныя пуговицы; здѣсь же найдены украшенія, плетенныя изъ шелковыхъ снурковъ, обмотанныхъ серебряной канителью и напоминающихъ

петлицы или такъ наз. „бранденбурги“. Въ другомъ мѣстѣ сгруппированы были желѣзные вещи (фот. XII)—длинная, узкая желѣзная пила съ загнутыми въ разныя стороны концами (ф. 9)—другая пила, широкая и короткая съ слѣдами дерева и желѣзной петлей на одномъ концѣ (ф. 10); ножикъ съ зубцами по выпуклому лезвію; (ф. 11); обломанный инструментъ съ загнутымъ концомъ — для выстругиванія углубленій въ деревѣ, напр., ложекъ (ф. 12). Наконецъ, тутъ же найдены три обыкновенныхъ ножа и пять желѣзныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ ромбической формы (фф. 6—8 и отъ 1—5).

Другой курганъ, выбранный мною для изслѣдованія, имѣлъ въ высоту до 3-хъ аршинъ и принадлежалъ поѣтому къ самымъ высокимъ курганамъ могильника. Насыпь кургана представлялась крутой, полушарообразной, безъ признаковъ торчащихъ камней на вершинѣ, а у края насыпи камней не было замѣтно, хотя эти камни могли быть унесены

Раскопка кургана ведена была широкимъ колодцемъ: въ насыпи слои щебня - рухляка чередовались съ слоями земли, но чѣмъ глубже шла раскопка, тѣмъ крупнѣе становился щебень, такъ что его приходилось уже разбирать руками. Почти до трехъ аршинъ доведена была раскопка, а никакихъ слѣдовъ присутствія гробницы не оказывалось: возлѣ груды крупныхъ камней уже у сѣверо-восточнаго края колодца обозначилась на днѣ материковая скала, отнимавшая, повидимому, всякую надежду на присутствіе гробницы, но, къ счастью, мною было замѣчено, что при разборкѣ большихъ камней земля скатывалась въ щель около скалы и исчезала — ясно, что внизу у самой скалы была пустота. Дѣйствительно, когда съ большимъ трудомъ выбрали камни со дна колодца, то оказалось, что въ материковой скалѣ съ сѣверо-восточной стороны высѣчена вглубь на полъ-аршина продолговатая яма, прикрытая сверху сводомъ изъ большихъ неправильной формы камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента. Но сводъ этотъ прикрывалъ отверстіе съ юго-западной стороны, гдѣ скала дѣлала небольшой уступъ и высѣченная яма углублялась также нѣсколько въ бокъ скалы въ сѣверо-восточномъ направленіи. Протяженіе этой высѣченной въ скалѣ гробницы было съ сѣверо-востока на юго-западъ. Найденный въ ямѣ скелетъ положенъ былъ головой на сѣверо-западъ. Кости были раздавлены давно напавшими камнями; черепъ найденъ въ кускахъ. Сколько можно было замѣтить, ручныя кости скелета были вытянуты вдоль туловища. На груди скелета, ближе къ черепу, были найдены—костяная, полированная пронизка, металлическое зеркало изъ особаго сплава (платины) съ

ушкомъ посреди и украшенное съ той же стороны, гдѣ ушко, рельефными рубчиками, идущими отъ ушка, на подобіе радіусовъ; тутъ же найдены двѣ мѣдныя пугови, плохой сохранности и миниатюрное желѣзное колечко. Кромѣ того, у черепа найдено два кольца изъ олова. Г. Гайдукомъ, сыномъ владѣльца сосѣдняго хутора, былъ раскопанъ еще одинъ курганъ, подходившій совершенно по устройству гробницы и по характеру вещей къ первому кургану моей раскопки. Изъ найденныхъ тамъ вещей можно упомянуть только о длинной желѣзной саблѣ, какія часто попадаются въ гробницахъ этой мѣстности.

Раскопки двухъ кургановъ заняли почти два дня, а затратить болѣе времени для раскопокъ въ этомъ могильникѣ я не могъ, потому что спѣшилъ перейти къ изслѣдованіямъ въ другихъ мѣстахъ.

Рис. 1

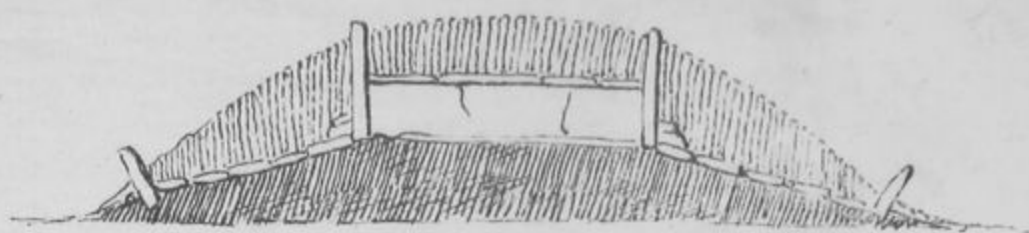

Рис. 2

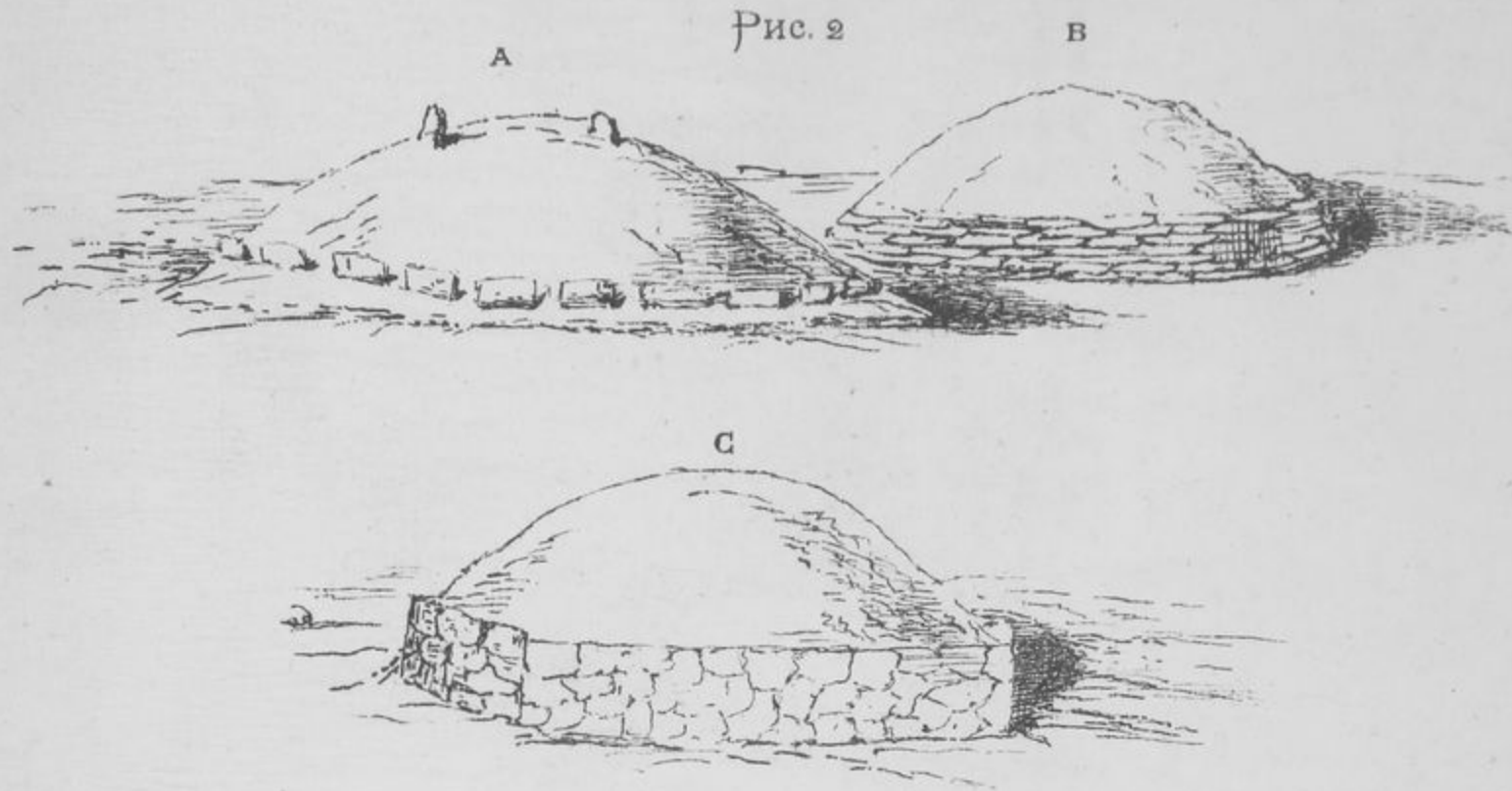
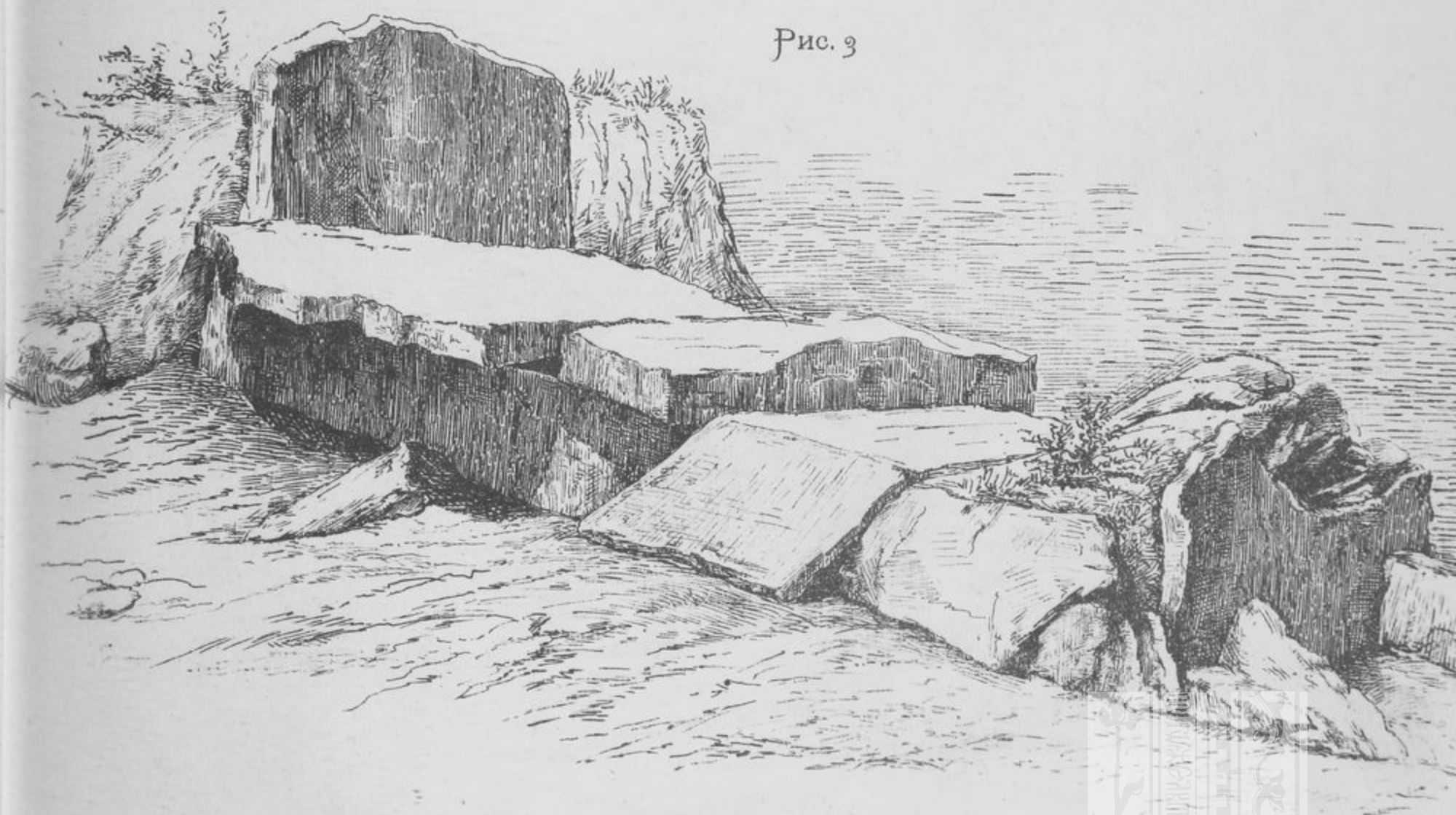

Рис. 3

Цемесская долина.

Рис. 1 Разрѣзъ кургана. Рис. 2 а в с Курганы.

Рис. 3 Гробница въ курганѣ.

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведческой
и Музейной работы

VI.

Натухайская станица.

Могильникъ у хутора казака Карпенки.

Къ сѣверу отъ Цемесской долины мѣстность, быстро возвышаясь, образуетъ горный кряжъ, идущій въ направленіи съ запада на востокъ и составляющій переваль въ другую обширную долину, окаймленную со всѣхъ сторонъ холмистыми возвышенностями и горами. Въ центрѣ этой обширной долины раскинулась станица Натухайская. На западъ отъ Натухайской станицы, верстахъ въ восьми, по холмистой возвышенности, въ густой зелени деревьевъ, виднѣется станица Раевская. Близъ Натухайской станицы протекаетъ небольшая болотистая рѣчка, скорѣе похожая на ручей.

Благодаря обилію археологическаго матеріала, изслѣдованія мои въ обѣихъ станицахъ затянулись на долгое время. Кромѣ описаннаго мною изслѣдованія долмена-цисты, занятія мои сосредоточились главнымъ образомъ на раскопкѣ большого кургана, находящагося вблизи станицы, за околицей, и, кромѣ того, на раскопкахъ могильника, расположеннаго на землѣ казака Карпенко. Въ настоящей главѣ я ограничусь описаніемъ раскопокъ въ послѣднемъ могильникѣ, относя раскопку большого кургана по совершенно иному характеру матеріала къ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Дорога на хуторъ казака Карпенки идетъ на западъ отъ станицы сначала по равнинѣ, а потомъ поднимается на лѣсистую возвышенность; по другую сторону возвышенности, въ равнинѣ или скорѣй котловинѣ, находится обширный могильникъ, состоящій, приблизительно,

изъ сотни кургановъ крутой полушарообразной формы, стоящихъ близко другъ отъ друга, такъ что края смежныхъ кургановъ соприкасаются. Насыпь кургановъ состояла изъ плотно слежавшагося чернозема. По краямъ кургановъ можно было замѣтить сплошные ряды камней, поставленныхъ на ребро съ уклономъ отъ центра кургана и образующихъ фигуру четырехъ-угольника, который служилъ какъ бы рамкой или основаніемъ насыпи. Камни, однако, большею частію такъ далеко уходили отъ края кургана, что присутствіе ихъ можно было обнаружить посредствомъ щупа. Высота кургановъ доходила отъ 1 до $3\frac{1}{2}$ метровъ.

Выбранный мною большой курганъ (около $2\frac{1}{2}$ метровъ высоты) доставилъ мнѣ много работы: раскопка кургана начата была шириной траншеей съ сѣвера на югъ. Траншея вначалѣ перерѣзала сплошной рядъ большихъ камней, поставленныхъ на ребро, и направлена была къ центру кургана; несмотря на ширину и на большую глубину траншеи гробницы все-таки не находилось. Такимъ образомъ, раскопка дошла до самого грунта или материка безъ утѣшительныхъ результатовъ. Это загадочное отсутствіе гробницы не могло однако уничтожить моего убѣжденія въ погребальномъ характерѣ этого кургана, — и я рѣшился продолжать раскопку, съ цѣлью обстоятельно изслѣдовать насыпь кургана. Прежде всего я рѣшился обойти канавой ряды камней, образующихъ квадратъ. Работа пошла направо и налево отъ начала траншеи. Въ скоромъ времени справа и слѣва рабочіе наткнулись на каменные гробницы. Гробницы эти находились параллельно ряду камней и отъ нихъ въ разстояніи на полъ-метра; разстояніе это было вымощено большими неправильной формы плитами. Такимъ образомъ, выяснилась теперь въ этомъ могильникѣ не встрѣченная мною прежде новая система погребенія: гробницы располагались по четыремъ сторонамъ, параллельно рядамъ камней, а середина кургана оставалась пустой. Въ одномъ курганѣ встрѣчалось до пяти гробницъ. Схематическій планъ такого расположенія гробницъ представленъ на прилагаемой таблицѣ (VIII, рис. 3, В), а также и вертикальный разрѣзъ кургана (рис. 3, А).

Что касается положенія кургана относительно сторонъ свѣта, то можно было замѣтить, что квадратное изъ камней основаніе кургана было ориентировано такимъ образомъ: одна сторона квадрата была обращена на NO, а противоположная — на SW.

Устройство самыхъ гробницъ, въ сравненіи съ гробницами прежде изслѣдованныхъ другихъ могильниковъ, отличалось нѣкоторыми особенностями: гробницы здѣсь сложены съ замѣтной аккуратностью и плиты гробницъ высѣчены весьма правильно изъ раковистаго известняка и

Рис. 2

А

В

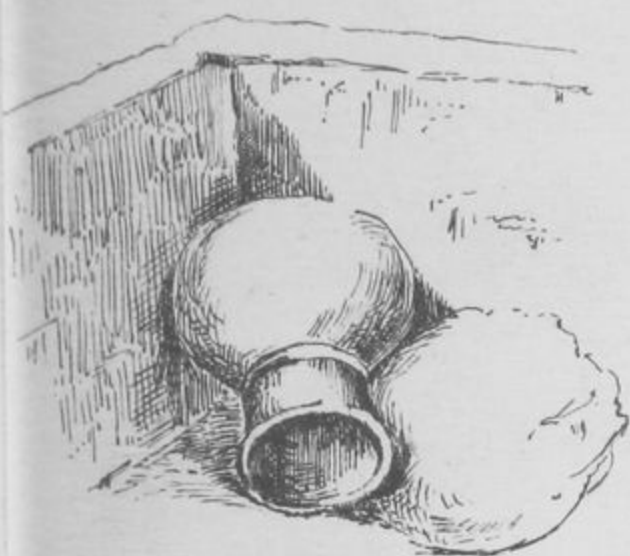

Рис. 1

Рис. 2 С

Рис. 3 В

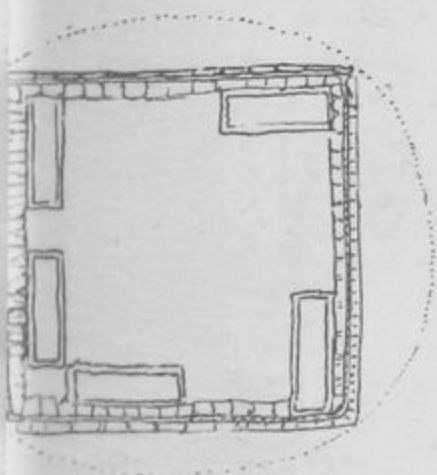

Рис. 3 А

Станица Натухайская.

1 2 3 саж.

Рис. 1 Гробница. Рис. 2 а в с Внутренность гробницы.

Рис. 3 а Разрѣзъ кургана. в Планъ.

камня дикаря. Плиты концовъ гробницы не возвышаются надъ боковыми, продольными, но послѣднія нѣсколько выступаютъ впередъ въ длину передъ короткими, какъ видно на рис. 1, таб. VIII-й.

Гробницы покрыты или нѣсколькими поперечными или одной большой плитой, доходящей въ длину до двухъ метровъ. Толщина плитъ обыкновенно равнялась — 10 сантиметрамъ, а длина гробницъ была около двухъ метровъ. Высота гробницъ доходила до полъ-метра.

Въ гробницахъ обыкновенно кости находились въ совершенномъ безпорядкѣ, только въ рѣдкомъ случаѣ можно было замѣтить изъ нѣсколькихъ костяковъ у одного, вѣроятно, прежде положеннаго, что руки были вытянуты вдоль туловища. Обыкновенно въ одной гробницѣ встрѣчалось отъ трехъ до пяти костяковъ. Иногда черепа по три въ рядъ были такъ тѣсно прижаты другъ къ другу, что между ними рѣшительно не было свободного пространства. Одинъ этотъ фактъ уже указываетъ на то, что въ гробницу покойниковъ клали не вскорѣ послѣ смерти, а тогда, когда отъ тѣла оставались только кости. Но такой обычай погребенія указывалъ также и тотъ безпорядокъ, въ которомъ находятся кости въ гробницѣ: такъ, разбирая гробницу, часто приходилось замѣтить, что кости группируются обыкновенно около края гробницы въ одномъ углу, и производятъ впечатлѣніе *всыпанныхъ* костей отъ раздробленнаго скелета: на таблицѣ VIII, рис. 2 В представляетъ набросокъ съ натуры подобнаго расположенія костей въ концѣ одной изъ гробницъ. Вообще въ гробницахъ съ тремя только скелетами замѣчалось нѣсколько болѣе порядка—такъ на рисункѣ 2 С той же таблицы два скелета лежатъ рядомъ въ вытянутомъ положеніи, но въ противоположномъ углу находится еще черепъ съ бронзовымъ сосудомъ, грушевидной формы (рис. 2 А). Очевидно кости высыпались въ гробницу въ разное время. Мнѣ кажется очень естественнымъ предположеніе, что каждый курганъ игралъ роль семейной или, быть можетъ, родовой усыпальницы, но слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что оружія въ этихъ курганахъ много не найдено. Въ десяти курганахъ, раскопанныхъ мною, открыто 15 гробницъ, изъ которыхъ четыре оказались пустыми, но не разграбленными. Вещи въ гробницахъ находились обыкновенно скученными, такъ что ихъ положеніе нисколько не объясняло назначенія вещей, за исключеніемъ немногихъ случаевъ.

Наиболѣе характерныя вещи представлены на двухъ прилагаемыхъ фототипіяхъ XIII—XIV. На первой фототипіи сгруппированы серебряныя вещи изъ трехъ гробницъ первыхъ двухъ кургановъ.

Ф. 1 представляетъ головной уборъ (найденъ возлѣ черепа) изъ

тонкой серебряной пластинки съ обронными украшеніями въ видѣ шариковъ и медаліонами съ изображеніемъ звѣрей (зайцевъ?); поле медаліоновъ сохранило слѣды позолоты. Ф. 2 представляетъ серебряную пластинку, въ формѣ лунницы, позолоченую и украшенную тонкими сканными веревочками (найдена внизу черепа, у шеи). Подобной тонкой техникой отличается и большая серебряная пронизка, дутая, въ формѣ оливки (ф. 3); она украшена лунницами; отломанная оконечность ея представлена отдѣльно (ф. 4). Эта сканная работа напоминаетъ вообще арабскія издѣлія, также какъ и пуговицы и серьги, начиная съ фигуры 12-й и до 20 включительно. Пуговица, напр., ф. 13, украшена двойной сканной веревочкой, а внизу пирамидкой изъ шариковъ. Серьга № 16 состоитъ изъ обвитаго серебряной нитью кольца и четырехъ филиграновыхъ шариковъ, расположенныхъ вокругъ бирюзы. Подобныя серьги встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи и по Днѣпру. Кольцо серьги № 17 сдѣлано изъ особаго металла, напоминающаго болѣе олово, чѣмъ серебро. Украшеніе въ видѣ ромбическаго медаліона (№ 6) съ тремя грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ, также какъ и № 7, — представляютъ болѣе грубую технику, чѣмъ, напр., лунница (ф. 2), и могутъ быть средне-азіатскаго происхожденія. Медаліонъ съ другой стороны состоитъ изъ бѣлаго стекла. Ф. 11 изображаетъ плетешокъ изъ шнурковъ, обмотанныхъ серебряной канителью.

На другой фатотипіи XIV отъ ф. 1 до 8 изображены бусы и привѣски изъ стекла (ф. 1), янтаря (ф. 7), гагата (ф. 3), кости (ф. 4), изъ особой глиняной массы съ глазированнымъ узоромъ (ф. 2). Ф. 5 представляетъ привѣску изъ морской раковины. Здѣсь же представлены два бронзовыхъ наперстка (13, 12); спиральный завитокъ изъ толстой металлической проволоки (14); металлъ завитка цвѣтомъ напоминаетъ серебро и покрытъ позолотой.

Фигуры 9, 10, 11 представляютъ бронзовую ухвертку бронзовую иглу и бронзовое остріе — неизвѣстнаго назначенія, но всѣ вещи, вѣроятно, относятся къ женскому туалету. Къ вещамъ женскаго обихода можно отнести также желѣзныя ножницы и круглое патиновое зеркало (17—18). Огниво и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ относятся уже къ погребальной обстановкѣ мужчины. Самый богатый вещами оказался тотъ курганъ, гдѣ было пять гробницъ — онъ былъ разрытъ первымъ. Чтобы дать понятіе о количествѣ вещей въ гробницѣ, я, для примѣра, представляю инвентарь вещамъ одной изъ гробницъ этого кургана:

1) Три фрагмента отъ серебряной пластинки (головной уборъ). 2) Двѣ большія многогранныя бусы изъ хрусталя. 3) Два металлическихъ зо-

лоченыхъ завитка или спирали. 4) Два гладкихъ кольца изъ олова. 5) Овальная пластинка изъ кости съ двумя отверстіями. 6) Глиняная буса съ инкрустаціей изъ чернаго стекла. 7) Привѣска изъ морской раковины. 8) Привѣска треугольной формы изъ гагата. 9) Два мѣдныхъ наперстка. 10) Двѣ сердоликовыхъ бусы. 11) Стеклянная привѣска въ видѣ пирамидки съ сверлиной. 12) Мѣдная пряжка квадратной формы. 13) Три бронзовыхъ тонкихъ палочки (уховертка, игла и остріе). 14) Мѣдная пуговка. 15) Мѣдное (золоченое) кольцо завиткомъ. 16) Плоская буса изъ янтаря. 17) Нѣсколько мелкихъ бусъ. 18) Мѣдная пластинка въ формѣ розетки съ отверстіемъ. 19) Желѣзные ножницы. 20) Ножъ съ рукояткой изъ кости. 21) Желѣзное остріе. 22) Желѣзное кольцо. 23) Рогъ оленя или козы (въ обработкѣ). 24) 5 монетъ серебряныхъ. Но съ такимъ обиліемъ вещей въ этомъ могильникѣ нашлось не болѣе пяти гробницъ: остальные были, по количеству вещей, гораздо бѣднѣе, но вещи отличались тѣмъ же характеромъ.

Весьма счастливымъ можно считать то обстоятельство, что мнѣ удалось найти въ двухъ гробницахъ нѣсколько монетъ, именно до восьми, одинаковыхъ по величинѣ и типу; нѣкоторыя изъ нихъ были до того неясны отъ окиси плохаго серебра, что невозможно было ихъ опредѣлить, но другія зато были удобны для опредѣленія: онѣ оказались золото-ордынскими монетами, относящимися къ ханамъ—Узбеку и Джанибеку *). Такъ какъ всѣ монеты не имѣли сверлинъ, а лежали въ гробницѣ въ качествѣ „денегъ“, то на основаніи этихъ монетъ изслѣдованный могильникъ получаетъ точную дату.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть о раскопкѣ одного кургана въ этомъ же могильникѣ, такъ какъ этотъ курганъ по своему устройству и характеру погребенія отличается отъ остальныхъ только что описанныхъ кургановъ того-же могильника.

Курганъ этотъ находился по окраинѣ могильника, и хотя формой и высотой ($2\frac{1}{2}$ м.) онъ не отличался отъ другихъ, но основаніе его было обставлено кругомъ изъ камней, тогда какъ въ другихъ курганахъ камни образовали квадратъ и были дальше отъ края насыпи. При снятіи насыпи съ самаго начала работы попадалось много разныхъ черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ; притомъ черепки эти несомнѣнно относились къ древнему времени, напоминая собою греческую технику. Нужно замѣтить при томъ, что вообще черепки въ насыпяхъ кургановъ этого могильника, и другихъ подобныхъ, не попадаютъ.

*) Опредѣлены проф. Лазаревского Института г. Холмогоровымъ.

Въ черноземной насыпи не болѣе аршина глубины отъ вершины открылись кости скелета, но черепа при нихъ не оказалось. Такимъ образомъ гробницы не было, а у ногъ скелета стоялъ стоймя камень-плита. Кости хотя были не въ порядкѣ, вѣроятно, отъ сосѣдства норы какой-то землеройки, но положеніе скелета опредѣлить было можно: скелетъ былъ положенъ съ сѣвера на югъ (ногами на сѣверъ), притомъ замѣчательно, что скелетъ лежалъ на небольшомъ слоѣ угля, среди котораго попадались и жженныя косточки. Въ сторонѣ было найдено нѣсколько лошадиныхъ костей (челюсть, зубы, бабка).

Находка древнихъ черепковъ, слой угля, жженныя косточки, рыхлый черноземъ—все это какъ бы намекаетъ на то обстоятельство, что вначалѣ здѣсь была погребальная древняя урна съ жжеными костями и что урна была выброшена, а на ея мѣсто былъ положенъ покойникъ, но положенъ безъ головы и притомъ торопливо. Вещей при немъ не оказалось.

VII.

Раевская станица.

Могильникъ у хутора Ткачева. Могильникъ на землѣ Полонскаго. Камень Св. Георгія и сосѣдніе могильники.

На западъ отъ Натухайской станицы, по направленію къ морю, мѣстность возвышается и скоро принимаетъ характеръ лѣсистыхъ горныхъ возвышенностей; на одной изъ такихъ обширныхъ возвышенностей находится станица Раевская, отстоящая отъ Натухайской на 8 верстѣ и пересѣкаемая большой дорогой изъ Новороссійска въ Анапу. Послѣ довольно продолжительныхъ раскопокъ въ Натухайской станицѣ, я переѣхалъ въ Раевскую въ надеждѣ найти здѣсь археологическій матеріалъ для моихъ изслѣдованій.

Послѣ первыхъ разспросовъ въ станичномъ правленіи о древнихъ могилахъ и находкахъ древностей одинъ старикъ—казакъ заявилъ мнѣ, что дочка его недавно нашла на полѣ — „якогось міднаго биса“ (какого-то мѣднаго чорта) и охотно вызвался тотчасъ принести мнѣ его. Чортъ оказался небольшой бронзовой статуэткой Меркурія, относящейся по стилю, вѣроятно, къ римской эпохѣ (фот. XX, ф. 1). Сообщая мнѣ кое-какія свѣдѣнія о древностяхъ въ окрестностяхъ станицы, казаки совѣтовали, кромѣ того, обратиться за такими свѣдѣніями къ старику — черкесу Кадрикову, живущему въ станицѣ, который считается у нихъ мѣстнымъ старожиломъ. Знакомство съ Кадриковымъ въ послѣдствіи оказалось для меня весьма полезнымъ.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній я прежде всего отправился осмотрѣть большой камень, поставленный стоймя на курганѣ одного могильника, находящагося верстахъ въ 5—6 отъ станицы къ сѣверо-западу,

близь хутора казака Ткачева. Могильникъ расположенъ на лѣсистой покатости горы и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ кургановъ, напоминающихъ своей величиной и формой курганы на хуторѣ Карпенки, близь станицы Натухайской. Одинъ изъ кургановъ этого могильника съ перваго-же разу обращалъ на себя особое вниманіе: у края курганной насыпи, окруженной камнями, возвышался длинный четырехгранный камень, поставленный нѣсколько въ наклонномъ положеніи отъ вершины кургана. Камень этотъ производилъ впечатлѣніе „менгира“, какъ можно замѣтить на приложенномъ рисункѣ, снятомъ мною съ натуры (табл. IX р. 1). Высота этого камня доходитъ до сажени, а ширина въ $\frac{1}{2}$ арш. На нѣкоторыхъ курганахъ этого же могильника замѣтны были подобные же камни, но значительно меньшаго размѣра. На рисункѣ справа отъ менгира виднѣтся изъ насыпи плосковатый камень, подпертый двумя параллельно положенными камнями. Этотъ способъ подпорки камней встрѣчался уже при раскопкѣ долмена въ Натухайской станицѣ.

Хотя время мое было уже распределено на другія работы, но я все-таки считалъ необходимымъ произвести раскопку этого кургана. Раскопка ведена траншеей отъ камня къ противоположному краю насыпи, т. е. отъ востока на западъ. Въ центрѣ кургана оказалась гробница, сложенная изъ массивныхъ плитъ твердой породы камня, притомъ неправильно обтесанныхъ. Крышки не было, и внутренность гробницы была наполнена землей: ни костей, ни вещей въ ней не найдено. Гробница стояла на нѣсколько возвышенной поверхности, покатой по направленію къ камню; поверхность эта, открытая снятіемъ земли была вымощена плотно неправильной формы плитами до самаго менгира. (Разрѣзъ вертикальный этого кургана представленъ на табл. IX, р. 2) Параллельно съ центральной гробницей съ южной стороны оказалась еще гробница, но, къ несчастью, изслѣдовать ее было невозможно, такъ какъ большой дубъ вросъ корнями въ гробницу. Чтобы какъ-нибудь выяснитъ характеръ этого могильника, мною было выбрано два сосѣднихъ кургана. Хотя въ этихъ курганахъ найдены были вещи и кости, но никакихъ особенныхъ фактовъ они не прибавили—можно только, опираясь на характеръ вещей и безпорядочное положеніе костяковъ утверждать, что эти гробницы относятся къ одной эпохѣ съ гробницами Натухайской станицы у хутора Карпенки.

Незадолго до моего пріѣзда въ Раевскую станицу казаки, нуждаясь въ обдѣланномъ камнѣ, стали добывать его изъ кургановъ большаго могильника, расположеннаго у анапской дороги, на землѣ г. Но-

Рис. 2

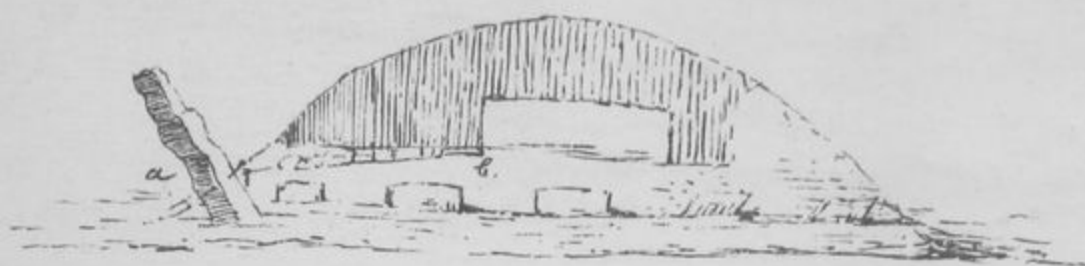

Рис. 1

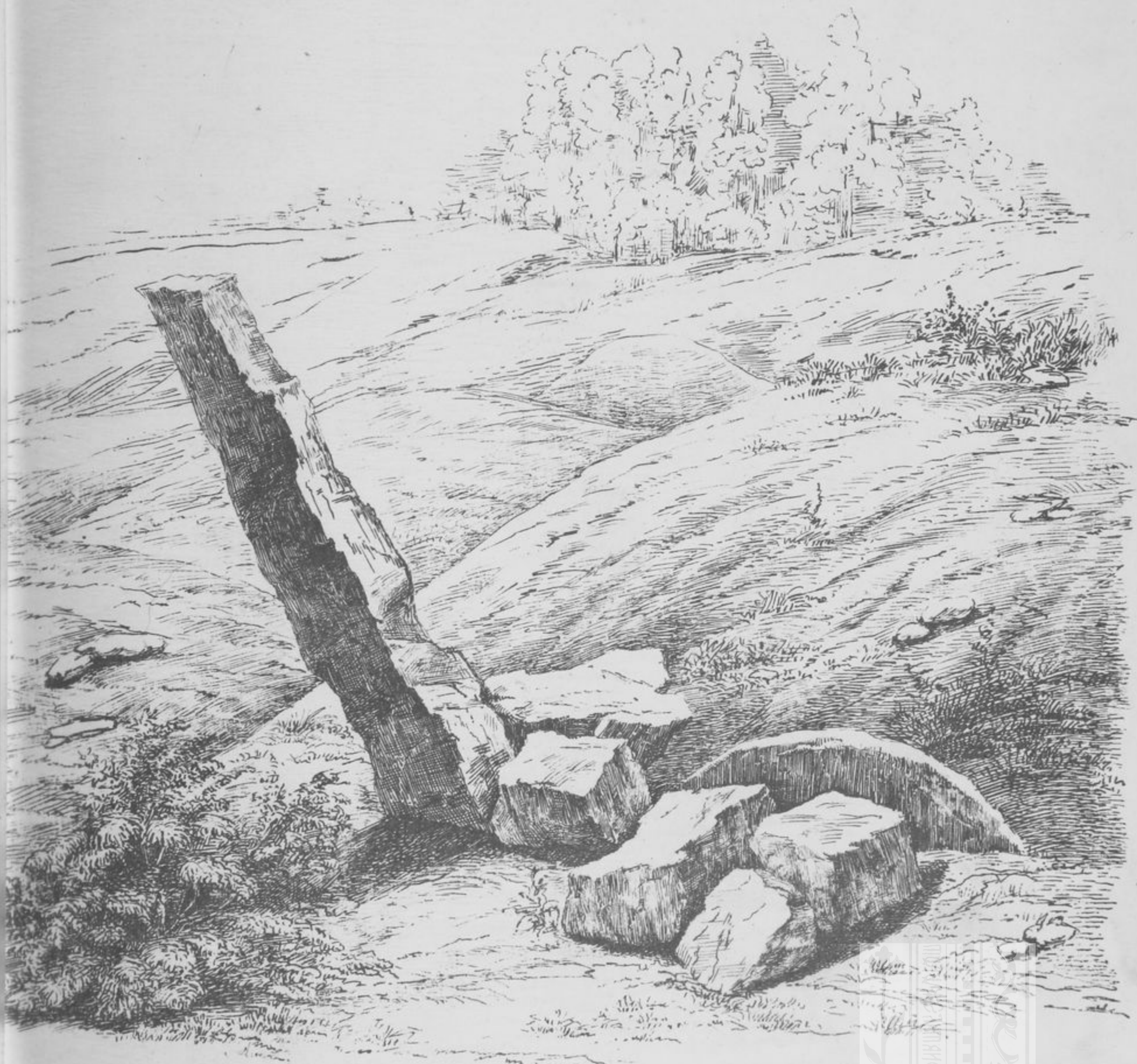

Рис. 1 Курганъ съ менгиромъ. Рис. 2 Разрѣзъ кургана.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Крестоведческой
в Музейной работы

лонскаго, верстахъ въ 7 отъ станицы, по направленіи на сѣверъ. Разрушая гробницы, казаки наткнулись и на вещи, которыя мнѣ и удалось пріобрѣсти. Добытыя изъ гробницы вещи состояли изъ серебрянаго перстня съ орнаментомъ и изображеніемъ креста и латинской надписью на щиткѣ, — изъ металлическаго завитка обычнаго типа, изъ серебряной кольцеобразной серьги съ золоченой привѣской въ формѣ пуговицы и изъ нѣсколькихъ мелкихъ бусъ. Кромѣ того казаки сообщили мнѣ, что въ курганахъ этого могильника попадаются плиты изъ керченскаго камня. Последнее обстоятельство меня очень заинтересовало, потому что указывало на пользованіе матеріаломъ греческихъ гробницъ; близость къ Анапѣ дѣлало такое предположеніе еще болѣе вѣроятнымъ.

Произведенныя мною раскопки шести кургановъ въ этомъ могильникѣ не оправдали моихъ ожиданій: по устройству гробницъ, по характеру вещей и по найденной серебряной монетѣ (Джанибека-хана) могилы эти можно отнести къ XIV ст. и къ той же категоріи, какъ и могильникъ у хутора Ткачева и у хутора Карпенки. Въ каждомъ курганѣ было по одной гробницѣ; въ каждой гробницѣ находилось нѣсколько череповъ и кости лежали въ большомъ безпорядкѣ; исключеніе составляетъ въ одномъ курганѣ небольшого размѣра гробница съ однимъ скелетомъ: скелетъ, по всему вѣроятію, принадлежалъ дѣвчкѣ; такъ, возлѣ костей, сильно истлѣвшихъ, найдены были: маленькая дѣтская серьга изъ золотой проволоки, украшенная жемчужиной (фот. XV, 2), плоская сердоликовая буса и желѣзный ножикъ.

Изъ другихъ вещей, заслуживающихъ особаго вниманія и изображенныхъ на фототипіи (XV), слѣдуетъ упомянуть о серебряномъ наборѣ отъ пояса, съ красивымъ рѣзнымъ орнаментомъ, о завиткѣ въ видѣ спирали, сдѣланномъ изъ какого-то мягкаго металла въ родѣ серебра и покрытомъ золотой тонкой пластинкой; изъ головного убора, снятаго съ черепа — въ видѣ плохаго серебра пластинки, украшенной обронными шариками, расположенными крестообразно. Наконецъ, здѣсь былъ найденъ кабаній клыкъ, желѣзныя ножницы, бронзовые напѣрстки, металлическое круглое зеркало и три длинныхъ желѣзныхъ сабли. Изъ двухъ найденныхъ здѣсь стеклянныхъ сосудиковъ въ формѣ мензурокъ — одинъ былъ богато украшенъ цвѣтнымъ орнаментомъ съ позолотой, но орнаментъ, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ отъ времени: сосудъ былъ украшенъ посреди широкимъ пояскомъ, гдѣ по красному фону золотомъ была наведена арабская надпись между круглыхъ медаліоновъ съ голубымъ фономъ. Отъ глинистой насыпи со щебнемъ сосудъ былъ найденъ разбитымъ на части (фот. XXVI, ф. 4).

Нѣкоторые изъ плитъ оказались дѣйствительно сдѣланными изъ керченскаго камня (раковистаго известняка), которыя, по всѣму вѣроятію, были добыты для устройства этихъ новыхъ гробницъ изъ древнихъ греческихъ.

Имѣя въ виду будущихъ изслѣдователей этого края, я считаю умѣстнымъ упомянуть въ отчетѣ и о тѣхъ могильникахъ, которые мнѣ удалось только осмотрѣть, но которые остались, къ сожалѣнію, неизслѣдованными.

По пріѣздѣ моемъ въ Раевскую станицу, казаки сообщили мнѣ, что недалеко отъ станицы, верстахъ въ 5—6 на югъ, находится у дороги

Рис. 17.

большой камень, поставленный стоймя; камень этотъ сверху какъ бы разсѣченъ.

Первое свободное отъ раскопокъ время я употребилъ на путешествіе къ этому камню. Дорога пересѣкала то поляны, то лѣсистыя балки и оканчивалась небольшою покатостью внизъ; по покатости, близко дороги, попадались небольшіе курганы, подходившіе къ плетню баштана или огорода. За плетнемъ, на баштанѣ и находился этотъ камень, представленный на рисункѣ 17. Высота его была 1 аршинъ 6 вершковъ, а ширина 1 арш. $3\frac{1}{2}$ вершка; толщина равнялась $6\frac{1}{2}$ вершкамъ. Вверху, къ одной сторонѣ, была естественно образовавшаяся щель. По поводу образованія щели объ этомъ камнѣ у черкесовъ

существовало слѣдующее преданіе, переданное мнѣ черкесомъ Кадриковымъ.

Св. Георгій („Газырѣ-тали“) однажды проѣзжалъ въ этихъ мѣстахъ и своимъ мечемъ разсѣкъ этотъ камень, а потомъ расположился отдохнуть тутъ же у камня, а лошадь свою, стреноживъ, пустилъ пастись. Самъ онъ скоро заснулъ, закрывшись плащомъ. Одинъ проѣзжій, когда Св. Георгій спалъ, замѣтилъ пасущуюся лошадь, снялъ съ нея путы и увезъ ихъ съ собой. Утромъ рано нѣкоторые жители сосѣдняго аула замѣтивъ спящаго незнакомца, стали говорить своимъ сосѣдямъ, что какой-то проѣзжій гость спитъ въ ихъ сосѣдствѣ, а прекрасная сѣрая лошадь его пасется возлѣ. Жители аула стали тогда скорѣе готовить угощеніе для проѣзжаго странника—и вотъ скоро всѣ семьи изъ аула понесли круглыя столы съ приготовленнымъ кушаньемъ къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Св. Георгій; принесли ему также и рукомойникъ для омовенія рукъ. Проснувшись, Св. Георгій принялъ отъ жителей угощеніе, но при этомъ сказалъ: „вы всегда будете гостепріимны, но всегда будете воры—вотъ здѣсь у моей лошади украли путы!“

Такимъ разсказомъ о Св. Георгіи украшенъ былъ черкесами этотъ камень. Невдалекѣ отъ баштана въ низинѣ протекалъ ручей; по другую сторону ручья мѣстность значительно возвышалась и тамъ виднѣлся казачій хуторъ. Казакъ, хозяинъ этого хутора, замѣтивъ, что я очень интересовался камнемъ и всей мѣстностью, объявилъ мнѣ, что въ лѣсу, недалеко отъ его хутора, находятся подобные камни, поставленные на старинныхъ могилахъ, и самъ вызвался показать мнѣ это мѣсто. Дѣйствительно, въ лѣсу, не болѣе версты отъ того мѣста, гдѣ находился легендарный камень, я увидѣлъ могильникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ—не кургановъ, а могильныхъ насыпей, овальной формы: небольшой высоты эта насыпь опиралась краями на овалъ, образованный изъ нѣсколькихъ рядовъ плоскаго и длиннаго щебня или лещади; по концамъ овала у каждой могилы возвышалось по высокому столпообразному камню, неравной высоты. Самые высокіе походили фигурой на камень, разсѣченный, по преданію, Св. Георгіемъ; высота одного, измѣреннаго мною, доходила до одного аршина, а ширина въ $2\frac{1}{2}$ четверти; разстояніе же между двумя конечными камнями или длина могилы равнялась 5 аршинамъ (рис. 18).

Рис. 18.

Нельзя было не замѣтить съ одной стороны родства этихъ могилъ съ почти современными черкесскими и вообще съ мусульманскими, но только первые гораздо болѣе своими размѣрами, а потому, носятъ печать болѣе древности, сохранившей традиціи временъ архаическихъ. Съ другой стороны, нельзя было не предположить родства этихъ могильныхъ камней съ камнемъ Св. Георгія. Безъ сомнѣнія, только раскопкой можно было провѣрить это предположеніе, раскопка была начата возлѣ послѣдняго камня, но, къ сожалѣнію, далеко не была окончена, такъ какъ начавшійся проливной дождь неожиданно прекратилъ работу, и возобновить ее послѣ мнѣ уже не удалось. Однако прерванная раскопка, оставшаяся въ формѣ пробной квадратной ямы, шириной въ 2 аршина, а глубиной въ $1\frac{1}{2}$, указала на тотъ фактъ, что раскопка шла въ насыпной землѣ, такъ какъ тутъ попадались мелкіе черепки и мелкіе угольки. Я остался въ убѣжденіи, что камень стоялъ у края могильной насыпи, подобно тому, какъ стояли камни въ насыпяхъ сосѣдняго могильника. Сожалѣю, что не удалось мнѣ раскопкой окончательно выяснитъ этотъ фактъ.

Недалеко отъ этого мѣста, на юго-востокъ, у большой новороссійской дороги, находится большой могильникъ, гдѣ курганы у подошвы насыпи окружены обычными рядами камней, такъ что могильникъ этотъ по наружному характеру напоминаетъ изслѣдованные мною могильники на хуторахъ Карпенки и Ткачева.

Кромѣ того, верстахъ въ 5 отъ станицы, на поворотѣ дороги въ мѣстечко Сукко, къ морю, находится также большой могильникъ подобнаго же типа, и небольшой могильникъ замѣченъ еще мною верстахъ въ двухъ отъ станицы къ западу, у небольшого ручья.

Упомянувъ объ этихъ могильникахъ, спѣшу перейти къ изслѣдованіямъ могильниковъ другаго рода, хотя и въ той же мѣстности.

БИБЛИОТЕКА
НИИ краеведческой
и музейной работы

VIII.

Раевская станица.

Раскопка въ могильникахъ вблизи станицы.

За околицей Раевской станицы, съ юго-восточной стороны, находится обширная поляна, на которой скрещиваются дороги изъ Баканской станицы и изъ Новороссійска. У перекрестка этихъ дорогъ находится небольшой могильникъ, состоящій лишь изъ нѣсколькихъ кургановъ, весьма небольшого размѣра имѣющихъ расплывчатую форму. Не вдалекѣ отъ этой группы кургановъ возвышались два большихъ кургана полушарообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ также нѣсколько расплывчатой формы. Никакихъ слѣдовъ обычныхъ камней не было замѣтно у краевъ курганныхъ насыпей или на вершинахъ. Сравнительно съ изслѣдованными мною могильниками, внѣшній видъ этихъ кургановъ отличался инымъ характеромъ, напоминающемъ скорѣе степныя насыпи.

Желая изслѣдовать этотъ могильникъ, я выбралъ для начальной раскопки одинъ изъ маленькихъ кургановъ, въ надеждѣ, что эта раскопка познакомитъ меня легко съ конструкціей кургановъ и съ обрядомъ погребенія и такимъ образомъ дастъ опредѣленный планъ для раскопки большаго кургана. Избранный курганъ имѣлъ не болѣе метра высоты. Насыпь состояла изъ довольно рыхлаго чернозема. Подъ слоемъ чернозема, на глубинѣ около метра, открылся небольшой слой извести, подъ которымъ и находился скелетъ, положенный въ срубъ изъ толстыхъ бревенъ, образующихъ форму невысокаго ящика, но безъ крыши. Положеніе скелета было съ юго-запада на сѣверо-востокъ (головой—на юго-западъ); руки были вытянуты вдоль туловища; при скелетѣ ни-

какихъ вещей не было найдено, за исключеніемъ желѣзнаго костылька, вѣроятно, скрѣплявшаго гробъ. Срубъ или гробъ длиною былъ въ два метра и сорокъ сантим., а шириной въ 60 сантим.

Раскопка большого кургана, доходившаго высотой до $2\frac{1}{2}$ метровъ, начата широкой траншеей съ западной стороны къ центру. На вершинѣ кургана щупъ уходилъ легко въ землю; въ глубину болѣе метра насыпь состояла изъ рыхлаго чернозема, лежащаго на слоѣ глины. Въ разрѣзѣ траншеи по сторонамъ между слоемъ глины и чернозема замѣтенъ былъ тонкій слой золы и угля, скоро однако прекратившійся. Подходя къ срединѣ, на слоѣ глины въ одинъ метръ выеоты отъ подошвы кургана, оказалась настилка изъ ряда большихъ камней, занимавшихъ пространство въ два квадратныхъ аршина.

Слой камней былъ снятъ, также какъ и слой глины до самаго грунта, состоящаго изъ мергелеваго сланца, а скелета все еще не находилось. Желая хорошенько ознакомиться съ грунтомъ на всемъ протяженіи траншеи, я поручилъ двумъ рабочимъ выкопать до грунта пробную ямку при началѣ траншеи, у самаго края насыпи. Главная работа шла у средины кургана, гдѣ траншея подвигалась къ востоку, но я, по счастію, слѣдилъ за копаньемъ пробной ямки, а работа эта производилась киркой и съ большимъ трудомъ, такъ какъ слой глины оказался такимъ твердымъ, что только мелкія глыбы можно было отламывать острой киркой. На моихъ глазахъ отлетѣвшая глыба глины оказалась окрашенной окисью мѣди, а возлѣ лежала отпавшая отъ нея бронзовая стрѣлка, плоская, ромбической формы. Весьма понятно, что я былъ очень удивленъ этой неожиданной находкой, и тотчасъ тщательно старался обследовать этотъ слой глины, откуда вылетѣла стрѣлка. Здѣсь оказались и черепки отъ сосуда и цѣлый скелетъ, погребальную обстановку котораго и составляла — стрѣлка и сосудъ. Къ несчастію я не могъ ничего добыть въ цѣломъ видѣ, такъ какъ твердая глина могла быть раскопана только киркой. Глина была такая затвердѣвшая, что съ большимъ трудомъ удалось мнѣ отдѣлить отъ скелета часть кости, которая вмѣстѣ съ фрагментами сосуда и стрѣлкой представлена на прилагаемой фототипіи (XVI *). Скелетъ занималъ положеніе съ юга на сѣверъ (головой на югъ); руки были вытянуты вдоль туловища. Кости, какъ замѣтно на фототипіи, отличались по поверхности ноздреватостью.

Благодаря фрагментамъ сосуда (3—8) можно съ полнымъ вѣроятіемъ

*) Фототипіи XVI: 1—кость ножная; 2—бронзовая стрѣлка; отъ 3—8 — фрагменты сосуда.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

Фотографии Шерех Набоковой из Москвы.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

предположить его форму. Нижняя часть сосуда представляла рѣпчатую форму съ чрезвычайно слабо обозначеннымъ дномъ; верхняя же часть — расширенный къ краю вѣнчикъ; углы соединенія этихъ двухъ частей сосуда съ двухъ противоположныхъ сторонъ заполнялись плоскими ушками, слегка закругленными по вѣшнему ребру и снабженными сверлинами для привѣшиванія сосуда (5, 7). Діаметръ широкаго отверстія равнялся 10 сент., а діаметръ узкаго — 6; высота вѣнчика равнялась 3-мъ сент. Высота же всего сосуда могла доходить до 7—8 сантиметровъ. Глина была свѣтло-краснаго цвѣта и хорошей обжиги. Какъ по формѣ, такъ и по Technikъ этотъ сосудъ рѣзко выдѣлялся отъ всѣхъ, найденныхъ мною въ прежнихъ раскопкахъ.

Слой глины былъ снятъ въ этомъ мѣстѣ до самаго грунта, т. е. до скалы, но болѣе ничего не было найдено. Находка эта на время отвлекла мое вниманіе отъ центра кургана къ окружности или къ краямъ насыпи: края или полы кургана были тщательно изслѣдованы и эти изслѣдованія показали, что слой глины шелъ только до половины окружности кургана, толщиной менѣе $\frac{1}{2}$ метра, но и въ этомъ слоѣ ничего не было найдено.

Между тѣмъ раскопка у центра кургана, на глубинѣ въ $1\frac{1}{2}$ метра, открыла пятна извести, подъ которыми находился сколоченный изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ гробъ, длиною 2 метра и 33 сент., а ширина его равнялась одному метру. Толщина дубовыхъ бревенъ доходила въ діаметрѣ до одной четверти аршина. Въ концахъ гроба короткія куски бревенъ стояли стоймя, образуя вверху выпуклую линію. Продольныя стѣнки гроба были невысоки, соотвѣтствуя высотѣ лежащаго тѣла и сложены были, какъ кажется, изъ короткихъ бревенъ, по крайней мѣрѣ, бревна легко отдѣлялись правильно обрѣзанными частями. Верхъ гроба прикрывался досками, отъ которыхъ остались только слѣды. Скелетъ, какъ и самый гробъ, лежалъ въ востока на западъ (головой на западъ, а лице было повернуто на сѣверъ). Руки были вытянуты вдоль туловища. Кости и черепъ были плохой сохранности. Выше колѣнъ, между костями ногъ, найденъ былъ сосудъ, въ формѣ кувшина изъ фаянса съ яркой окраской (фот. XVII, ф. 1); ручка сосуда была отломана. Въ ногахъ находились двѣ маленькихъ чашки изъ фарфора, по формѣ напоминающія восточныя чашки для кофе, какія до сихъ поръ можно еще встрѣтить въ Бакчисараѣ. У черепа сохранились части ермолки изъ шелковой ткани, коричневаго цвѣта, раздѣленной на шесть клиньевъ или частей узенькимъ пузументомъ, плетенымъ изъ серебряныхъ нитей. По небольшимъ остаткамъ ткани можно

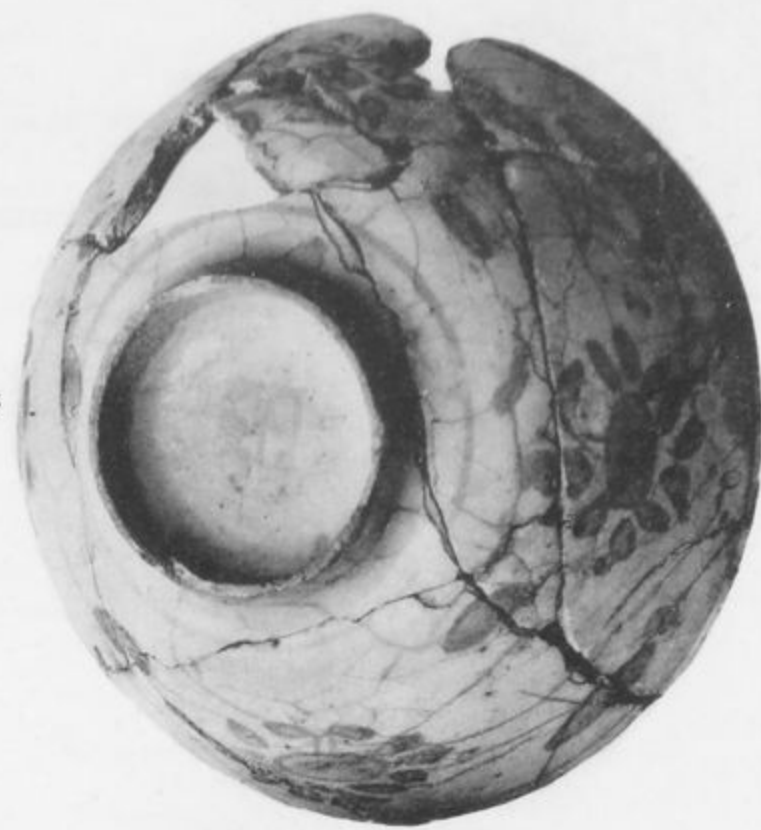
предположить, что ермолка имѣла околышъ изъ той-же матеріи. У лѣваго бока былъ найденъ маленькій ножикъ въ ножнахъ изъ шелковой матеріи, украшенной серебрянымъ вышитымъ узоромъ; ножны заканчивались двумя сердцевидными лопастями изъ той-же матеріи, также вышитымъ серебромъ; возлѣ ножа былъ найденъ квадратный кусокъ атласа, отъ времени темнаго цвѣта, вышитый также узорами изъ серебряныхъ нитей. Кусокъ мѣднаго рубчатого набора отъ пояса былъ найденъ въ кувшинѣ.

Этимъ и ограничились мои находки въ этомъ большомъ курганѣ.

Въ то-же время былъ разрытъ и сосѣдній курганъ, нѣсколько меньшаго размѣра. Способъ погребенія оказался въ немъ совершенно сходнымъ съ тѣмъ, какой я нашелъ въ только-что описанномъ курганѣ: такого-же устройства гробъ, въ томъ-же положеніи скелетъ; только изъ вещей здѣсь найденъ ножикъ съ грубой серебряной оковкой на деревянной рукояткѣ; кромѣ того здѣсь найдено нѣсколько сохранившихся лоскутковъ отъ парчевой одежды и глиняная поливная чашка грубой работы, раздавленная землей; чашка эта находилась въ ногахъ покойника.

Возвращаясь къ фактамъ, добытымъ раскопкой перваго большаго кургана нельзя не замѣтить, что, по всему вѣроятію, погребеніе въ деревянномъ гробу было совершено въ сравнительно позднее время и притомъ было вставное въ болѣе древній погребальный курганъ, отчего и земля надъ срубомъ отличалась особенной рыхлостью, которая была замѣчена еще предъ началомъ раскопокъ. Древнее глинистое курганное возвышеніе послужило, повидимому, основаніемъ для погребенія этого сравнительно новаго покойника; вѣроятно при этомъ новомъ погребеніи было потревожено внутреннее центральное устройство древняго погребенія—отъ него осталось только нѣсколько рядовъ большихъ камней на слоѣ глины, да на томъ же слоѣ, по боковымъ разрѣзамъ траншеи былъ замѣтенъ тонкій слой земли и угля. Хотя предположеніе о центральномъ древнемъ погребеніи остается только предположеніемъ и не исключаетъ возможности другаго рода объясненій по поводу отсутствія древняго скелета въ центральной части кургана, но другія предположенія будутъ высказаны ниже. Несомнѣннымъ фактомъ древняго погребенія въ этомъ курганѣ представляется намъ находка у края насыпи, въ древнемъ слоѣ глины, — бронзовой стрѣлы и сосуда, лежавшихъ у правой стороны скелета. Древность этого погребенія опредѣляется безъ сомнѣнія этими найденными вещами, т. е. стрѣлкой и сосудомъ.

3.

2.

1.

По моему мнѣнію, стрѣлку нѣтъ основанія не отнести къ т. н. бронзовому вѣку, но относя стрѣлку къ этой эпохѣ, нельзя не замѣтить, что она очень явственно сохраняетъ форму кремневыхъ стрѣлокъ, а слѣд. можетъ относиться къ той эпохѣ, когда еще не выработалось специфическихъ формъ, болѣе совершенныхъ, для бронзовыхъ орудій и потому старыя „каменные“ формы еще удерживались. Правда это удерживаніе старыхъ формъ могло продолжаться долго и очень долго, но съ другой стороны нужно обратить вниманіе на самую технику стрѣлки: она не отливная, а кованная съ помощью молотка. Такого рода техника болѣе примитивна, а потому можетъ относиться къ началу обработки металловъ. По крайней мѣрѣ Eugène Fontenay въ своемъ сочиненіи — „Les bijoux anciens et modernes“ склоняется къ такого рода гипотезѣ *). Придать этой стрѣлкѣ иное, болѣе новое происхожденіе мнѣ кажется невѣроятнымъ уже и потому, что сосѣдство съ богатой бронзовой культурой Осетіи, а также со странами, гдѣ господствовали отливныя стрѣлки скифовъ, не говоря уже о греческихъ колоніяхъ, не даютъ почвы для такого предположенія. Высказывая свое мнѣніе о древности этой стрѣлки по ея формѣ и technikѣ, я имѣю при этомъ въ виду не обобщеніе ея хронологической даты, а только указаніе на принадлежность ея къ извѣстной стадіи металлическаго производства въ этой мѣстности.

Съ другой стороны форма сосуда и его техника нисколько не противорѣчатъ высказаннымъ мною предположеніямъ: эта форма настолько характерна для конца каменнаго и для ранняго бронзоваго вѣка, что не нуждается въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ. Замѣчу только, что сосудъ этотъ, судя по ушкамъ съ сверлинами, предназначался для привѣшиванія.

Для сравненія прилагаю рисунокъ мѣдной стрѣлки начала бронзоваго вѣка изъ сочиненія Картальяка, на которое я имѣлъ уже случай сослаться *). Составъ металла можно твердо установить только химическимъ анализомъ, но не могу не замѣтить, что цвѣтъ металла найденной стрѣлки, оставившей потищу на глинѣ, —заставляетъ предположить ее мѣдной.

Рис. 19.

Если бы подобное предположеніе оправдалось химическимъ анализомъ, то оно должно бы послужить въ пользу моего мнѣнія, если принять, что обработка мѣди древнѣе бронзы.

Отъ Раевской станицы верстахъ въ пяти на сѣверъ, не далеко отъ

*) Les ages préhistoriques de l'Espagne et du Portugal, p. 221.

анакской дороги, находится расположенное на крутомъ берегу рѣчки Масхаги, обширное городище, которое мнѣ впослѣдствіи пришлось изслѣдовать; шагахъ во ста отъ этого городища, на томъ же крутомъ берегу, среди дубовой заросли находится могильникъ, состоящій всего изъ шести кургановъ. Близость этихъ кургановъ къ городищу придавала особый интересъ ихъ изслѣдованію. Курганы эти были не велики— всего отъ 1 до 1½ метра высоты—и имѣли расплывчатую, не совсѣмъ правильную форму, притомъ на вершинѣ и при опушкѣ насыпи не заключали торчащихъ камней. Такимъ образомъ самый наружный видъ этихъ кургановъ отличалъ ихъ отъ того обычнаго типа, который чаще всего попадался въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Въ первомъ раскопанномъ курганѣ не было ничего найдено. Раскопка другаго, имѣвшаго болѣе удлиненную форму, дала болѣе интересные результаты. По линіи длины кургана, на разстояніи 6 сажень въ грунтѣ, подъ насыпью было открыто двѣ могилы; обѣ могилы представляли длинныя ямы, въ которыхъ были опущены гробы, выдолбленные изъ дубоваго ствола на подобіе корыта. Собственно середина кургана представляла промежуточную стѣнку между могилами и имѣла въ ширину до одной сажени. Направленіе обѣихъ могилъ и скелетовъ было одинаково, а именно съ востока къ западу—по линіи длины кургана; головой скелеты были обращены на западъ. Въ первомъ гробу скелетъ лежалъ на спинѣ, лицомъ кверху; руки были вытянуты такимъ образомъ, что кисти рукъ приходились ниже таза. Между лѣвыми ребрами и костями лѣвой руки лежала длинная сабля въ ножнахъ, хотя ножны и не сохранились, но мѣдный наконечникъ отъ ноженъ нашелся у лѣваго плеча скелета; такимъ образомъ сабля была обращена рукояткой къ ногамъ; возлѣ костей ногъ желѣзная полоса сабли оканчивалась желѣзнымъ стержнемъ, такъ какъ рукоятка была, вѣроятно, изъ дерева, а потому и не сохранилась. Длина сабли была 1 арш. 13 вершк. У пояса, подъ саблей, былъ найденъ желѣзный ножикъ. На лѣвой сторонѣ груди найдены двѣ маленькихъ бронзовыхъ пуговицы а съ боку лежалъ костяной кружокъ съ сверлиной. Въ ногахъ скелета, въ концѣ гроба, была сложена кольчуга, представлявшая тяжелую, совершенно слежавшуюся массу, которая уже такъ перержавѣла, что легко ломалась на части. Гробъ прикрытъ былъ деревянными досками, совершенно истлѣвшими.

На одномъ уровнѣ съ верхушкой гроба, на аршинъ отъ лѣваго плеча скелета, по направленіи къ сѣверу, лежалъ черепъ лошади съ желѣзными удилами въ зубахъ, и далѣе весь остальной скелетъ распола-

гался такимъ образомъ, что лошадь, положенная на бокъ, спиной своей была обращена къ покойнику (рис. 20).

Въ разрѣзѣ насыпи, состоявшей вообще изъ мелкаго щебня и глины, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ оканчивался скелетъ лошади, на четверть аршина глубины отъ поверхности кургана былъ замѣченъ рядъ каменныхъ плитокъ, подъ которымъ оказался скелетъ, но безъ вещей, притомъ придавленный сильно камнями; головой онъ лежалъ на юго-востокъ; руки вытянуты.

Другая могила въ томъ же курганѣ, по другую сторону центральной стѣнки или насыпи, заключала въ себѣ также деревянный гробъ—ко-

Рис. 20.

Рис. 21.

лodu, такихъ же размѣровъ, какъ и первый, и скелетъ лежалъ въ томъ же положеніи и направленіи. Самый гробъ былъ опущенъ въ материкъ на $\frac{1}{4}$ арш. ниже, чѣмъ первый. На томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ бы былъ находиться черепъ скелета, стоялъ желѣзный шлемъ, полушарообразной формы; на немъ были замѣтны швы четырехъ составныхъ частей, укрѣпленныхъ на широкомъ пластинчатомъ вѣнцѣ, соединявшемъ пластинки съ внутренней стороны шлема (рис. 21). Влѣво отъ шлема лежали части черепа; кости ногъ были перемѣшаны; кости рукъ сходились у таза. Вообще можно было замѣтить по положенію костей, что покойникъ былъ положенъ умершимъ не отъ естественной смерти, а вѣроятно убитымъ въ бою. Между правыми ребрами скелета и костями правой руки была положена также длинная сабля, совершенно подобная саблѣ

перваго скелета, но рукоятка ея на этотъ разъ находилась у праваго плеча, а наконечникъ отъ ноженъ у костей правой ноги. У шеи и на груди нашлись двѣ цилиндрическія костяныя пронизки; по сравненіи съ мѣстомъ находки мѣдныхъ пуговицъ у перваго скелета—эти пронизки могли служить пуговицами. У пояса лежало нѣсколько желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Слева отъ скелета, на одномъ уровнѣ съ гробомъ, найдены также кости лошади и при нихъ стремяна. Рядомъ съ этимъ курганомъ былъ изслѣдованъ другой подобныхъ же размѣровъ, но болѣе сохранившій полушарообразную форму. Онъ заключалъ въ себѣ только одну деревянную колоду, вставленную въ материкъ на аршинъ глубины. Положеніе скелета здѣсь было обратное относительно первыхъ двухъ—головой скелетъ лежалъ на востокъ, а не на западъ. Возлѣ черепа былъ найденъ желѣзный шлемъ, по формѣ и размѣрамъ, подобный уже найденному, но лежавшій въ кускахъ. У костей лѣвой руки находилась сабля, но короче первыхъ двухъ. У костей лѣвой ноги, возлѣ сабли, былъ найденъ стеклянный сосудъ, раздавленный, впрочемъ, землею такъ, что можно было взять только горлышко съ ручкой и донышко. Сосудъ имѣлъ шарообразную форму и длинное горлышко, отъ котораго къ туловищу сосуда шла ручка, украшенная сверху городками (фот. XXVI, ф. 5), подобно стекляннымъ ручкамъ найденнымъ въ Сухумѣ.

Этими раскопками я и ограничился при изслѣдованіи этого могильника и торопился перенести работы въ другую противоположную сторону, на западъ отъ Анапской дороги, ближе къ морю, гдѣ находился на высокой возвышенности большой могильникъ; разстояніе между обоими могильниками можно считать до пяти верстъ.

О существованіи этого могильника я узналъ совершенно случайно и незадолго уже до своего отъѣзда: казакъ Кобза принесъ мнѣ большой глиняный сосудъ, который онъ выпалхалъ на полѣ у своего хутора; въ сосудѣ этомъ, по его словамъ находились жженыя кости, среди которыхъ онъ нашелъ мѣдный бубенчикъ и пять мѣдныхъ гладкихъ колецъ изъ проволоки; сосудъ былъ хорошо обожженъ изъ красной глины и выдѣланъ на кругѣ: слѣды отъ вращательнаго движенія при обработкѣ замѣчались на поверхности въ видѣ параллельныхъ поясковъ; вышиной онъ былъ 9 верш.; горлышко было въ видѣ стоячаго ободка; широкое туловище суживалось книзу и оканчивалось плоскимъ дномъ. Его нельзя было причислить къ греческимъ издѣліямъ—онъ, очевидно, принадлежалъ къ мѣстнымъ издѣліямъ (рис. 22). Вещи, найденныя въ немъ, не представляли ничего характернаго, но самый фактъ трупо-

сожиганія уже заставилъ меня хотя наскоро ознакомиться съ этимъ могильникомъ *). Могильникъ состоялъ изъ многихъ кургановъ, разсѣянныхъ по лѣсу и отчасти по нивѣ казака. Курганы по нивѣ были очень низки и расплывчаты, быть можетъ и оттого, что они уже распахивались. Я выбралъ одинъ курганъ для раскопки, но въ курганѣ ничего не оказалось.

Опасаясь напасть на курганъ, изъ котораго погребальная урна могла быть давно выпажана.—я перенесъ работу въ лѣсъ, гдѣ курганы сохраняли свою форму. Форма эта однако отличалась той особенностью, что съ восточной стороны курганъ казался особенно отлогимъ и рас-

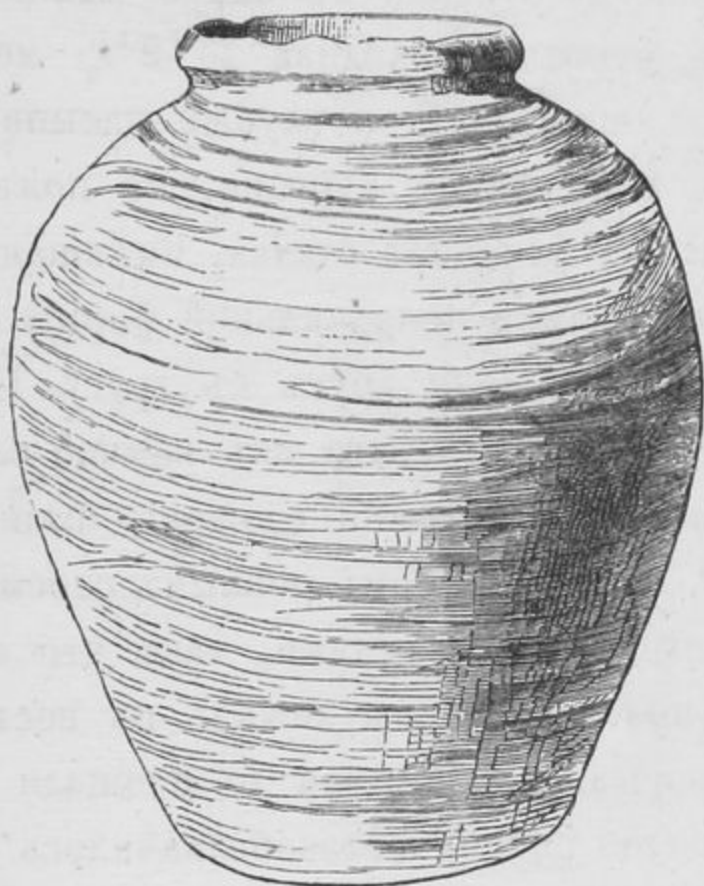

Рис. 22.

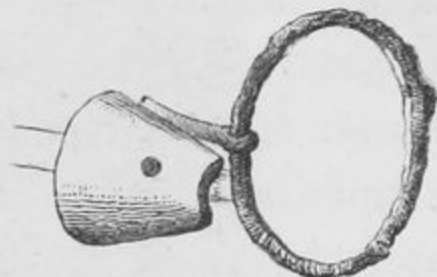

Рис. 23.

тянутымъ. Выбранный для раскопки курганъ, какъ и большинство кургановъ этого могильника, имѣлъ около 1 1/2 метра высоты. Насыпь состояла изъ чернозема, въ которомъ попадались уголья и зола, но, кромѣ этихъ признаковъ, въ насыпи ничего не находилось. Послѣ долгой работы почти на полъ-метра въ глубинѣ грунта, въ восточной сторонѣ кургана, найденъ былъ скелетъ, лежащій головой на сѣверъ. Кости очень плохой сохранности, а вещей при немъ не было; на одномъ уровнѣ съ этимъ скелетомъ, къ западной сторонѣ, найденъ былъ скелетъ лошади, лежавшей на правомъ боку. Возлѣ костей лошади найдены были желѣзные стремяна, а въ зубахъ черепа желѣзные удила съ большими желѣзными кольцами; съ правой стороны черепа лошади, у

*) Вещи эти изображены на фототипіи XX, фф. 2, 3, 4.

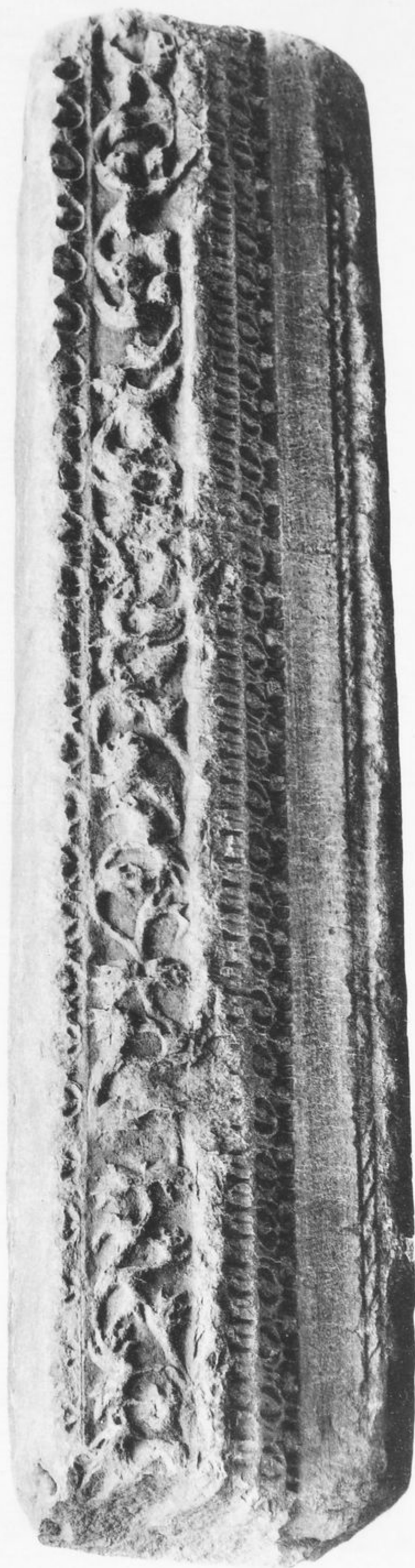
такого желѣзнаго кольца, найдена была прикрѣпленная къ уздѣчкѣ мѣднымъ штифтикомъ выгнутая пластинка изъ фаянса съ бѣлой поливой—неизвѣстнаго назначенія (рис. 23).

Не имѣя возможности продолжать далѣе своихъ изслѣдованій въ этомъ интересовавшемъ меня могильникѣ, я все таки выносилъ впечатлѣнїе, основанное на фактѣ удаленія погребенія отъ центра, на расположеніи слоевъ насыпи и на удлиненной въ одну сторону формѣ кургана, что найденный мною скелетъ похороненъ въ чужомъ, болѣе древнемъ курганѣ.

Чтобы покончить съ курганами Раевской станицы, мнѣ остается упомянуть еще о раскопкѣ большаго кургана въ самой станицѣ, въ огородѣ одного казака. Высота кургана доходила до $2\frac{1}{2}$ метровъ. Верхній слой насыпи состоялъ изъ чернозема, а глубже насыпь состояла изъ мелкаго щебня и глины. Въ срединѣ кургана, на полъ-метра въ глубину отъ поверхности, оказалась каменная кладка, имѣвшая форму овала, длиною около двухъ метровъ; камни неправильной формы лежали безъ цемента, но были аккуратно прилажены другъ къ другу. По снятіи перваго слоя камней можно было думать, что изъ камней сложенъ сводъ, но скоро пришлось убѣдиться, что камни сложены были плотной массой, около метра высоты. Подъ нижнимъ ровнымъ слоемъ камней оказался скелетъ, придавленный этими камнями, такъ что съ трудомъ можно было разобрать его положеніе: онъ лежалъ съ востока на западъ (приблизительно). Когда насыпь снята была до площади грунта или материка, то здѣсь на глинистой поверхности обозначилось черное пятно прямоугольной формы, указавшее впускную въ грунтъ могилу. Могила была глубиной не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина и заключала въ себѣ скелетъ безъ всякихъ вещей. Положеніе этого скелета было параллельно верхнему, но самая могила находилась не въ центрѣ, а въ сѣверной сторонѣ кургана.

Мнѣ остается описать близъ Раевской станицы еще раскопку городища, но съ цѣлью не прерывать однороднаго матеріала—я предпочитаю перейти теперь къ описанію раскопки большаго кургана въ станицѣ Натухайской. Этимъ описаніемъ будетъ исчерпанъ весь матеріалъ, относящійся къ раскопкамъ кургановъ.

Фототипия Шереса. Нагорный район. Москва

БИБЛИОТЕКА
ИИИ - Академической
и музейной работы

IX.

Натухайская станица.

Раскопка большого кургана.

Еще при первом моем посѣщеніи Новороссійска, докторъ Тихомировъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, когда только что устраивалось заселеніе теперешней Натухайской станицы, онъ видѣлъ недалеко отъ мѣста поселенія массивныя мраморныя плиты, украшенныя роскошнымъ орнаментомъ. Это сообщеніе почтеннаго старожилы этого края очень заинтересовало меня, и я съ тѣхъ поръ искалъ возможности побывать въ Натухайской станицѣ. Однако удалось мнѣ пріѣхать въ эту станицу только 11-го августа. Прежде всего я спѣшилъ въ казачьемъ станичномъ правленіи навести справки о мраморныхъ плитахъ; тамъ, дѣйствительно, мнѣ указали хату казака, возлѣ которой лежала большая мраморная плита, игравшая роль зава-лилки, а другая, по словамъ казаковъ, совершенно подобная плита, не очень давно была увезена однимъ казачьимъ полковникомъ къ себѣ на хуторъ, находящійся недалеко отъ Анапы.

Осмотръ плиты привелъ меня къ убѣжденію, что по стилю она скорѣй всего можетъ относиться къ греко-римской эпохѣ: своимъ листованнымъ орнаментомъ она даже напоминаетъ нѣсколько орнаментъ фриза надъ дверью храма въ Геліополѣ.

Лицевая сторона этой плиты представлена на приложенной фотографии (XVIII). Длина плиты равняется 3-мъ арш. $9\frac{1}{2}$ вершкамъ; высота—13 вершкамъ, а толщина—8 вершкамъ. Вѣсу въ ней около 80 пудовъ.

Обратная сторона обдѣлана гладко и имѣетъ выпуклый поясокъ. На верхней гладкой грани этой плиты высѣчены вглубь двѣ греческія буквы—„бета“ и „ламбда“, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи (рис. 24—25) *). На верху, у лѣваго края, какъ замѣтно и на фототипіи, находится правильная сверлина въ формѣ кубика, а отъ сверлины идетъ ложбинка нѣсколько наискось къ заднему углу. Эта сверлина съ ложбинкой служили безъ сомнѣнія мѣстомъ для желѣзнаго крюка или загнутаго болта, которымъ эта плита скрѣплялась съ ближайшей частью зданія. Такъ какъ первоначально этихъ плитъ было двѣ, то, быть мо-

Рис. 24.

Рис. 25.

жетъ, онѣ служили карнизомъ или архитравомъ для какого-нибудь зданія, имѣвшаго священный характеръ.

Во всякомъ случаѣ, обдѣлка задней стороны плиты указываетъ на то, что эта плита не предназначалась быть вдѣланной наглухо въ стѣну, а, напротивъ, могла быть видима съ обѣихъ сторонъ, хотя задняя сторона обращена была ко внутренности зданія. Такимъ образомъ, плита эта могла вѣнчать выступающую впередъ колоннаду или лежать на двухъ колоннахъ, между „антами“. Принимая въ соображеніе размѣры этихъ двухъ плитъ, можно предположить, что онѣ во всякомъ случаѣ принадлежали зданію, имѣвшему весьма скромные размѣры. Очень возможно, что зданіе это имѣло характеръ небольшого святилища—родъ нашей часовни.

Двѣ загадочныя буквы, разставленныя далеко одна отъ другой, не могутъ, по моему мнѣнію, относиться къ имени мастера, а должны представлять инициалы болѣе важнаго и офиціознаго характера **).

Нельзя не сожалѣть въ интересахъ науки, что другая плита исчезла въ какомъ-то хуторѣ, а на ней, вѣроятно, также были буквы ***).

*) Прилагаемый рисунокъ представляетъ эти буквы.

**) Не относятся ли эти буквы къ имени царя Левкона II, носившаго титулъ „Царя Синдовъ“ и бывшаго жрецомъ Аполлона-Врача?

***) Съ дозволенія начальника Кубанской области, плита, оставшаяся въ Натухайской станицѣ, отправлена мною въ Импер. Московское Археологическое Общество, а Общество уже передало эту плиту въ Историческій Музей, гдѣ она и хранится во дворѣ зданія.

Окончивъ осмотръ мраморной плиты, я просилъ указать мнѣ мѣсто, гдѣ она была найдена. Мѣсто это находится за восточной околицей станицы и представляетъ обширное и ровное поле, на которомъ возвышаются три кургана. Курганы имѣютъ форму расплывчатую, невысокую; на одномъ изъ нихъ построена мельница. Относительно самаго большого изъ этихъ трехъ кургановъ, станичный атаманъ сообщилъ мнѣ, что этотъ курганъ внутри насыпи имѣетъ стѣну, сложенную изъ большихъ камней, имѣющую форму квадрата, и что онъ давно уже выбиралъ камни изъ этой стѣнки для постройки себѣ дома, но

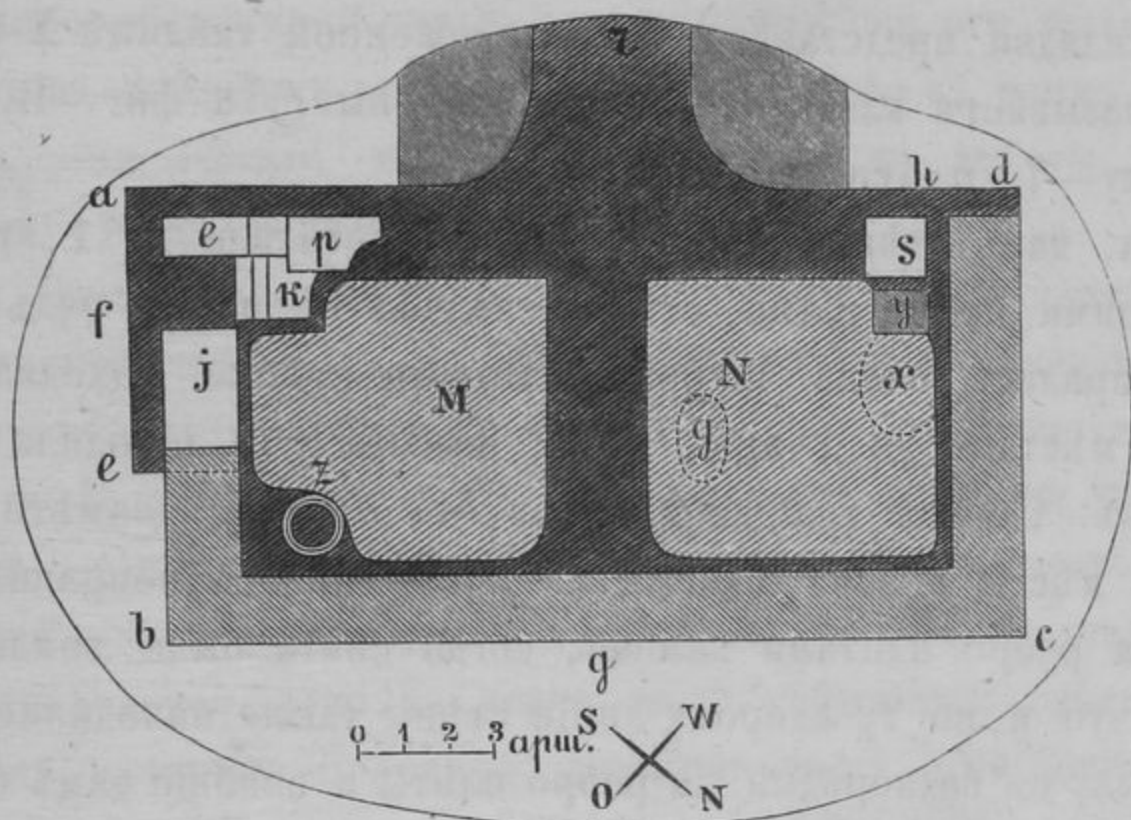

Рис. 26.

всей стѣнки еще не выбралъ, а выбралъ только половину. По словамъ казаковъ, плиты мраморныя были найдены между большимъ и меньшимъ курганомъ, отстоящимъ шагахъ въ двухстахъ отъ перваго. Я рѣшился изслѣдовать оба кургана и прежде всего спѣшилъ начать раскопки большаго кургана, изъ котораго казаки брали камень. Осмотръ кургана показалъ, что казаки выбрали камни, составлявшіе стѣнку, начиная отъ юго-западной стороны, потомъ на сѣверо-восточной сторонѣ и частью на юго-восточной, на приложенномъ схематическомъ планѣ (рис. 26) эта раскопка обозначена буквами *e, b, c, d*, т. е. вся стѣнка зарисованная наклонными штрихами. Далѣе указанной стѣнки раскопка казаковъ не шла, и вся остальная часть кургана осталась цѣльной и нетронутой. Стѣнка, судя по ширинѣ рва или ямы, откуда выбраны были камни, была шириной не болѣе двухъ аршинъ. Діаметръ кургана былъ около 15 сажень, а высота около $4\frac{1}{2}$ арш. Предполагая этотъ курганъ погребальнымъ сооруженіемъ, я долженъ былъ искать входа въ

протяженіи всей нетронутой казаками части стѣнки. По распросамъ казаковъ и по личному осмотру казачьихъ раскопокъ, я былъ убѣжденъ, что входа казаки въ своихъ работахъ не встрѣчали, а потому я рѣшился начать раскопку у юго-восточной стороны кургана, принимая за точку отправленія конецъ казацкой раскопки у *e* (на прилож. планѣ) и идти траншеей по внѣшней сторонѣ стѣнки. Работы въ этомъ направленіи скоро открыли нетронутую стѣнку, составленную изъ большихъ плитъ камня—дикаря, чаще обдѣланныхъ въ правильныя формы, (*h*, *l*, *k*), иногда же сохранявшими натуральную форму (*p*); положены были плиты безъ цемента, иногда на простой глинѣ, но сложены плотно. Характеръ кладки представленъ на приложенной таблицѣ X-й, гдѣ фигура А показываетъ кладку *i* и *k* со стороны *f*, а фиг. В, представляетъ кладку—*l*, *p*—со стороны *a*.

Ширина, какъ стѣнки такъ и плоть, достигала до 1 ар. 12 вер. Съ небольшими измѣненіями, стѣнка кладена въ одинъ рядъ плитъ, но плиты выбирались очень широкія. Высота стѣнки доходила до 2-хъ аршинъ, а мѣстами до 1 арш. 6 в.; высота у *p* доходила только до 14 вершковъ. Обойдя траншеей стѣну отъ *c* до *p*, я замѣтилъ, что въ послѣднемъ мѣстѣ стѣнка окончилась и зямѣнилась неправильно положенными на ребро плитами камней; когда снята была земля до *r*, то оказалось, что и по ту сторону линіи стѣны также находились большія, поставленныя, въ безпорядкѣ на ребро плиты и вообще тамъ было много камней, придававшихъ выпуклую форму этой части курганной насыпи. Изслѣдуя это мѣсто вплоть до *h* и *d*, т. е. до начала казачьей раскопки можно было ясно убѣдиться, что пространство отъ *b* до *h* представляло слѣды разобранной давно стѣнки, чѣмъ и объясняется обиліе плитъ и камней, набросанныхъ до *r* и измѣнившихъ даже форму насыпи.

Выбирая землю (черноземъ) между *p* и *h*, можно было замѣтить посредствомъ щупа засыпанную яму, прилегавшую къ линіи бывшей стѣнки, но съ внутренней стороны; возлѣ этого мѣста найденъ былъ сгнившій отъ времени деревянный, длинный колъ или жердь. Всѣ эти признаки указывали ясно на работу грабителей, разобравшихъ съ этой стороны стѣнку и проникшихъ въ глубь кургана посредствомъ ямы. Работа эта, по моему мнѣнію, принадлежитъ черкесамъ, которые обыкновенно посредствомъ вертикальной ямы и жерди проникаютъ въ глубину кургана; зная, что подобнаго рода работа рѣдко даетъ добычу, — я не особенно смущался этими признаками хищничества и продолжалъ свои изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что возлѣ ямы никакихъ погребальныхъ признаковъ не было замѣчено, а приближаясь работами къ *h*, стѣнка

опять возстановлялась — здѣсь опять попадались большія плиты, составлявшія кладку.

Послѣ неудачныхъ поисковъ отъ *p* до *h* предполагаемаго входа, приходилось заняться изслѣдованіемъ внутренней насыпи кургана, ограниченной стѣнками. Насыпь состояла изъ крупныхъ и мелкихъ камней или щебня, перемѣшанныхъ съ небольшимъ количествомъ земли; только по направленію отъ *r* до *g* черноземъ лежалъ значительнымъ слоемъ; снятіе чернозема обнаружило внизу присутствіе большихъ камней и плитъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ. Во время снятія чернозема въ откосахъ траншеи со стороны *M* и со стороны *N*, попадались черепки изъ прекрасно обожженной красной глины; черепки эти были отъ большихъ сосудовъ и лежали въ всемъ слоѣ, но ближе къ концу траншеи — *g*, притомъ они лежали такъ, какъ обыкновенно лежатъ черепки въ культурныхъ слояхъ городища.

Обходя канавой внутреннюю линію стѣнки возлѣ плитъ — *o*, *j*, *k*, *f*, *v*, въ насыпи щебня на уровнѣ стѣнки, были замѣчены слои угля, саж и черепковъ, причемъ эти слои особенно сосредоточились между камнями *j* и *k*; здѣсь при снятіи слоевъ были найдены двѣ бусы синяго стекла, глиняная пирамидка съ сверлиной и немного ближе въ срединѣ кургана найдено круглое металлическое зеркало древняго типа, который встрѣчается часто въ керченскихъ курганахъ; здѣсь же кромѣ того найдена глиняная пряслица. Большая часть этой насыпи *M* была снята до грунта. Недалеко отъ южнаго угла стѣнки, на уровнѣ грунта былъ замѣченъ выпуклый кругъ, сложенный изъ камней; по снятіи этихъ камней, по дѣликамъ оказалось отверстіе колодца, заваленное камнями. Отверстіе въ діаметрѣ имѣло не болѣе метра, такъ что одинъ человекъ могъ свободно стоять въ колодцѣ. Яма колодца была внутри выложена камнями. На два аршина была изслѣдована глубина, а далѣе работать было невозможно, такъ какъ вода сильно просачивалась и была ключемъ.

Что касается до той части насыпи, которая обозначена на приложенномъ планѣ буквою *N*, то большая часть ея была снята до грунта, причемъ въ насыпи, на два аршина надъ грунтомъ обнаружилась груда большихъ камней, подъ которыми, на грунтовомъ слоѣ находился то чѣкъ изъ извести и глины, а на немъ тонкій слой жженныхъ косточекъ.

Далѣе отъ этого мѣста и ближе къ канавѣ *dc*. на полъ-аршина глубины отъ поверхности открылся, слой земли, смѣшанный съ большимъ количествомъ черепковъ; слой этотъ лежалъ точно въ ямѣ. Черепки были мелкіе желтоватаго и красноватаго цвѣта отъ посуды небольшихъ

размѣровъ; многіе черепки имѣли лакированную поверхность и вѣроятно относились къ издѣліямъ греко-римской эпохи. (Фрагменты отъ сосудовъ представлены на фототипіи XIX, ф. 5—9); тутъ же были найдены два фрагмента отъ терракоттовыхъ статуэтокъ (1—2); на одномъ изъ нихъ уцѣлѣло изображеніе ножки и, судя по этой уцѣлѣвшій ножкѣ, можно утверждать, что статуэтка была очень изящнаго стиля. Изъ другихъ находокъ нужно упомянуть о находкѣ глиняной пластинки, обточенной изъ черепка (13) и о браслетѣ изъ толстой бронзовой проволоки, связанной узломъ—древняго типа (3). Браслетъ найденъ на срединѣ кургана. Кромѣ того, найдено нѣсколько глиняныхъ пряслицъ. Въ заключеніе, я долженъ сказать, что грунтъ, занятый насыпью, былъ тщательно изслѣдованъ въ разныхъ направленіяхъ, но никакихъ признаковъ какихъ либо грунтовыхъ ямъ не оказалось.

Въ то-же время, какъ происходила раскопка этого большаго кургана, я счелъ важнымъ для сравненія раскопать одинъ изъ двухъ маленькихъ кургановъ—ближайшій къ большому (и не занятый мельницей).

Въ окружности этотъ курганъ имѣлъ 130 аршинъ, а высота доходила до 4-хъ арш., насыпь состояла изъ плотно слежавшагося мелкаго щебня съ глиной, такъ что работа, главнымъ образомъ, производилась киркой, и раскопка была ведена съ западной стороны широкой траншей къ центру кургана. Въ центрѣ, на слоѣ глины, прикрывавшей грунтовую скалу, найдено тонкое колечко изъ бронзовой проволоки (14) *). Въ сторону отъ центра, къ востоку, на томъ же слоѣ найдены два сосуда, черной и красной глины, совершенно раздавленные землей; но черепки ихъ занимали пространство длиною въ метръ, а потому нужно предполагать, что сосуды были большаго размѣра; судя по техникѣ этихъ черепковъ, можно предположить сосуды древними. Возлѣ черепковъ находились кости, но не въ большомъ количествѣ. Дальнѣйшихъ изслѣдованій я производить уже не имѣлъ возможности, такъ какъ раскопка этихъ двухъ кургановъ задержала меня на двѣ недѣли въ Натухайской станицѣ—съ 12 по 26 августа.

Раскопка послѣдняго кургана дала мнѣ увѣренность, что курганъ этотъ оставался цѣлымъ, что имѣлъ онъ погребальное значеніе, что никакой каменной кладки внутри его не было и не могло быть на поверхности.

Такимъ образомъ, найденныя мраморныя плиты должны были принадлежать большому кургану.

*) Всѣ вещи изъ раскопокъ этихъ двухъ кургановъ изображены на фототип. XIX.

Возвращаюсь къ большому кургану. На приложенномъ планѣ ясно, что стѣнки образуютъ фигуру прямоугольника, длинныя стороны котораго равняются 20 арш., а поперечныя, короткія, — 10 аршинамъ, такъ что вся фигура его далеко удаляется отъ квадрата, а по аналогіи съ другими могильными сооруженіями этого края, можно думать, что форма квадрата или круга болѣе всего подходили бы къ погребальному кургану.

Выступъ камня *k*, а также и другихъ камней, замѣченныхъ на противоположной сторонѣ, еще болѣе удаляетъ мысль о погребальномъ значеніи этого кургана, такъ какъ подобная кладка указываетъ, что лицевая сторона стѣнки обращена не во внутрь кургана.

Щебень и камни, замѣтные на таблицѣ X, B, — лежатъ въ такомъ безпорядкѣ, что никакъ не могутъ относиться къ болѣе или менѣе правильной курганной насыпкѣ. Нельзя не обратить вниманія также и на то обстоятельство, что колодезь находится внутри стѣнки, а стало быть при погребальномъ значеніи кургана, не могъ имѣть практическаго значенія, а символическимъ или обрядовымъ значеніемъ врядъ ли можно объяснить такое сооруженіе. Вещи, найденныя при раскопкахъ скорѣе указываютъ на жильѣ, чѣмъ на могилу *). Но скученныя черепки отъ различной мелкой посуды, найденныя по близости отъ стѣнки *c d*, скорѣе указываютъ на храмъ. Быть можетъ, терракотовыя статуэтки должны были имѣть въ такомъ случаѣ вотивное значеніе.

Припоминая весь ходъ раскопокъ и во всѣхъ деталяхъ, невольно приходится высказать единственное предположеніе, а именно, что стѣнка эта была забучена щебнемъ и камнями и составляла возвышеніе или постаментъ для какого-либо святилища небольшихъ размѣровъ — родъ нашей часовни. Имѣя свѣдѣнія только о двухъ мраморныхъ плитахъ, я потому считаю возможнымъ предположить, что эти плиты составляли какое-нибудь архитектурное украшеніе предполагаемаго здѣсь зданія. Замѣчу также, что плиты эти очень массивны и случайно попасть сюда не могли.

Что бы покончить съ Натухайской станицей, я долженъ еще сообщить, что верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ станицы находится обширный курганъ, откуда казаки добывали съ давнихъ поръ камень. Высота насыпи немного болѣе аршина. Курганъ такъ разоренъ, что изслѣдовать его уже не было цѣли, а можно было ограничиться только

*) Замѣчательно сходство этихъ вещей изъ кургана съ вещами, добытыми изъ городища, что замѣтно и на приложенныхъ фототипіяхъ.

пробными раскопками и осмотромъ. Онъ имѣлъ также внутри стѣнку, но имѣвшую, какъ кажется, форму круга; земли въ немъ было еще меньше, чѣмъ въ изслѣдованномъ большомъ курганѣ, но и тамъ и здѣсь земля не имѣла значенія насыпи.

Въ Натухайской станицѣ казаки передавали мнѣ, что черкесы, когда уходили изъ этой мѣстности, то говорили казакамъ, что въ большомъ курганѣ (раскопанномъ мною) много золота. Эти слова, мнѣ кажется, можно объяснить такъ: черкесы, воображая, что въ курганѣ есть золото, тамъ и искали его, но не нашли, а потому безкорыстно передали это наслѣдство казакамъ.

В

Раскопки большого кургана близ Натухайской станицы. А. В.

Х.

Станица Раевская.

Раскопки въ городищѣ «Ногай-Кале».

Населеніе станицъ Натухайской и Раевской относится уже къ позднему времени, а именно—къ началу 60-хъ годовъ, а потому весьма естественно, что эти новые поселенцы—казаки—не связаны съ окружающей мѣстностью никакими поэтическими узами или историческими преданіями: для нихъ эта мѣстность имѣетъ исключительно только практическій интересъ. Они вообще обращаютъ вниманіе на памятники древности только тогда, когда эти памятники можно эксплуатировать для какихъ-либо хозяйственныхъ потребностей, поэтому собираніе свѣдѣній въ такой средѣ новаго населенія представляетъ иногда трудную задачу и всегда требуетъ много времени.

Вотъ почему я очень былъ доволенъ своимъ знакомствомъ съ почтеннымъ старикомъ черкесомъ Кадриковымъ, жителемъ Раевской станицы. Онъ принадлежитъ къ племени натухайцевъ, старинныхъ обитателей этой мѣстности, но служилъ долго переводчикомъ при русскомъ отрядѣ въ Анапѣ и теперь, принявши христіанство и женившись на казачкѣ, спокойно доживаетъ свой вѣкъ въ станицѣ.

Кадриковъ мнѣ и сообщилъ, что къ Сѣверу отъ станицы, проѣхавши версты 4 по большой дорогѣ въ Анапу, нужно свернуть вправо и въ этомъ направленіи проѣхать лѣсомъ съ четверть версты, до хутора казака Зимы, а возлѣ этого хутора можно легко замѣтить старинную крѣпость, сохранившую валы. Кадриковъ помнилъ эту крѣпость еще съ того времени, когда сообщеніе Анапы съ Новороссійскомъ совер-

шалось посредствомъ цѣлыхъ отрядовъ войска, — тогда черкесы, залегая за валы этой крѣпости, стрѣляли въ русскую цѣпь. Крѣпость эту, по словамъ Кадрикова, черкесы называли — „Ногай-Кале“ т. е. „Ногайская-крѣпость“.

При первомъ удобномъ времени, я спѣшилъ осмотрѣть эту крѣпость. Валы ея очень замѣтно возвышаются надъ окрестностью. Приѣхавши съ западной стороны, я остановился какъ разъ около воротъ или въѣзда, представлявшаго довольно большой промежутокъ между валами, высота которыхъ была отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ. Вправо валы эти окаймляли высокій и крутой обрывъ, поросшій густымъ лѣсомъ, а влѣво, къ Анапѣ, возвышались надъ ровной мѣстностью.

Вошедши въ самую крѣпость или городище я очутился на обширномъ и ровномъ пространствѣ, ограниченномъ валами или заплывшими остатками каменныхъ стѣнъ, образующими форму неправильнаго многоугольника съ круглыми башнями по угламъ. Башни, впрочемъ, не выдѣлялись своей высотой отъ стѣнъ. Ровная площадь городища мѣстами поросла дубками; въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись массивные, кубической формы камни. Къ сѣверо-восточному углу, площадь городища замѣтно поднималась. Съ этого-же угла открывался превосходный видъ на окрестность: на право виднѣлась станица Раевская, стоящая на обрывистой возвышенности, за ней возвышалась т. н. „Гудзова гора“, столообразной формы, далѣе виднѣлась станція „Перевальная“. Городище своимъ главнымъ фасомъ обращено въ сторону этой Перевальной станціи. Далѣе къ сѣверо-востоку, предъ городищемъ, открывается волнистая поверхность, за которой скрывается станица Натухайская. Къ сѣверу, къ Анапѣ, мѣстность представляется болѣе низменной. Вообще городище стоя на высокомъ и крутомъ обрывѣ, надъ рѣчкой Масхагой, впадающей вмѣстѣ съ другой рѣчкой въ анапскій лиманъ, — царить надъ этой окрестностью. Главный входъ въ городище и другой, меньшій, — обращены въ сторону Анапы; къ той же сторонѣ примыкаетъ колодезь, находящійся уже за стѣнами, внѣ крѣпости. Поверхность городища состоитъ изъ такой рыхлой земли, что щупъ легко уходилъ въ землю. Попадалось на поверхности много черепковъ. Разсматривая собранные черепки, я пришелъ къ убѣжденію, что техника нѣкоторыхъ античная — поздне-греческая или римская. Обширность городища, видимая связь его съ Анапой, древній характеръ черепковъ — все это давало мнѣ право надѣяться на научный интересъ изслѣдованій этой мѣстности, и я рѣшился все свободное время употребить на раскопки

этого мѣста, хотя времени въ моемъ распоряженіи оставалось уже не много: въ моемъ дневникѣ посѣщеніе городища помѣчено 22-го сентября *).

Принимая въ соображеніе замѣтный подъемъ поверхности къ сѣверо-восточному углу и самое господствующее положеніе этого угла, вѣнчающаго валомъ высокій и не приступный обрывъ надъ рѣчкой и долиною— я рѣшился начать раскопку въ этомъ мѣстѣ канавой, перпендикулярной къ восточной стѣнѣ, образующей этотъ уголъ съ другой стѣной. Въ этой канавѣ или траншеѣ, по снятіи земли на аршинъ глубины, уже оказалась кладка изъ камней, образующая стѣну, идущую, какъ и канавка, перепендикулярно къ восточной стѣнѣ или валу. Такимъ образомъ, работа пошла по наружной сторонѣ стѣнки и вполнѣ обнаружила характеръ ея кладки. Лицевая сторона стѣнки обращена къ западу; сложена она на сухо изъ большихъ и средней величины плитъ, обтесанныхъ въ болѣе или болѣе правильныя формы и прилаженныхъ плотно другъ къ другу. Траншея въ глубину дошла слишкомъ до 2-хъ аршинъ, но высота стѣнки не превышала одного аршина, а мѣстами была и менѣе аршина. Передняя или лицевая сторона стѣнки была очищена раскопкой на 11 аршинъ въ длину и къ западному концу представляла полукруглый выступъ, сложенный изъ большихъ камней и имѣющій въ діаметрѣ 5 аршинъ.

Внизу этой выступающей полукругомъ стѣнки найдена была грубо высѣченная изъ мягкаго известковаго камня фигура въ формѣ гермы съ плоскимъ лицомъ, на которомъ, повидимому, не окончена примитивная высѣчка носа и глазъ (рис. 27). Кромѣ этого идола, найдено здѣсь же много оконечностей урнъ, черепковъ отъ сосудовъ, глиняныхъ пряслицъ, найдена хрустальная круглая буса, мѣдныя колечки, маленькій глиняный сосудикъ. Въ то же время были перенесены работы по другую сторону стѣнки что бы изслѣдовать внутреннюю часть этого зданія, гдѣ можно было предположить особую цитадель, казарму или домъ начальника крѣпости, однимъ словомъ какое нибудь оффиціальнаго характера зданіе. Снимая насыпь съ верхней толстой стѣнки, можно было ознакомиться съ ея кладкой: съ внутренней стороны она представляла такую-же кладку, какъ и съ западной стороны; кладка эта составляла облицовку стѣны, причемъ промежуточное внутреннее пространство было забучено болѣе мелкими и болѣе неправильными камнями. Въ ширину стѣнка имѣла болѣе двухъ аршинъ. Какъ мнѣ пришлось позднѣе убѣдиться, и стѣны

*) На фототипіи XXV представлены два плана этой мѣстности съ обозначеніемъ городища.

самой крѣпости сложены такимъ же способомъ, но камни тамъ и самая кладка болѣе крупныхъ размѣровъ *).

Работы по другую сторону стѣнки открыли примыкающія къ ней двѣ комнаты, обозначенныя на планѣ буквами *M* и *N* (табл. XIII, В) комнаты эти были сплошь завалены камнями, щебнемъ, причемъ весь этотъ плотно слежавшійся слой оканчивался внизу слоемъ золы, угля и мѣстами покраснѣвшей глины. Въ этомъ-то нижнемъ слоѣ находилось болѣе всего разныхъ мелкихъ вещей; такъ, здѣсь между прочимъ, найдены:

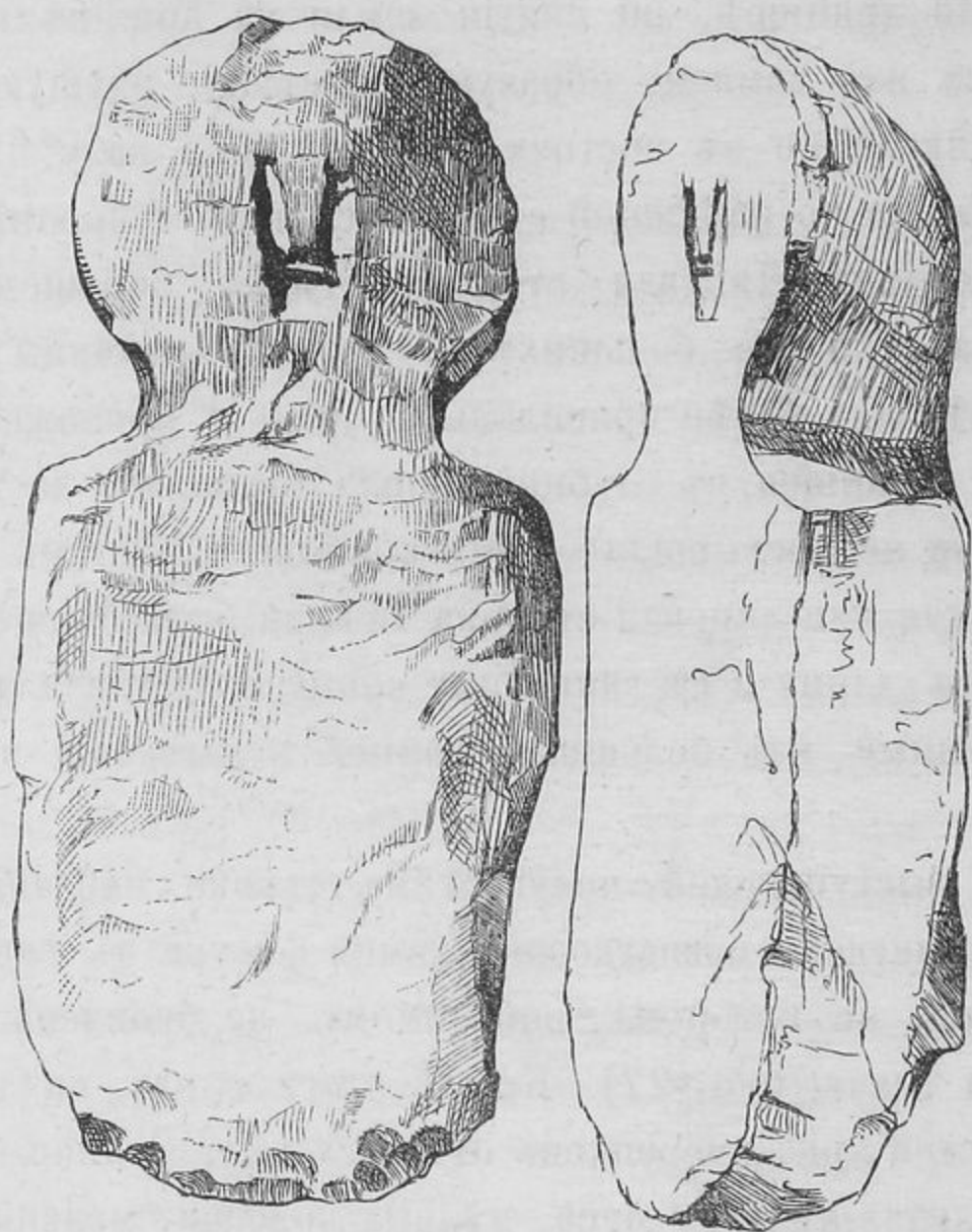

Рис. 27.

желѣзные наконечники копій, желѣзные двусторонніе топоры, бусы, бронзовое зеркало, бронзовая маленькая чаша, бронзовый перстень и большое количество глиняныхъ пряслицъ. Тутъ же найденъ обломокъ прекрасно полированного топора изъ красиваго свѣтло-зеленаго камня, вѣроятно, серпентина. Кладка стѣнъ, раздѣляющихъ эти комнаты, состояла изъ подтесанныхъ каменныхъ плитъ, большихъ и малыхъ, большею частью, имѣвшихъ форму призмъ и сложенныхъ рядами на простой глинѣ или иловатой землѣ. Кладка эта представлена на таблицѣ XI; она замѣтна

*) Устройство стѣнки можно видѣть на приложенной таблицѣ XI.

и на другихъ таблицахъ, относящихся къ раскопкамъ городища (табл. XII, В и таблица XIII, А — боковыя части рисунка). Внутри эти стѣнки были также забучены камнями и щебнемъ, какъ и правая стѣнка. Высота стѣнокъ этого зданія доходила до 2-хъ аршинъ. Къ сожалѣнію въ самомъ разгарѣ работъ начались проливные дожди и холода, притомъ и срокъ моего пребыванія на Кавказѣ оканчивался, поэтому я долженъ былъ прекратить работы. На таблицѣ XI, рисунокъ, снятый съ натуры, представляетъ видъ почти всей моей раскопки. Тонкій квадратный камень, прислоненный къ стѣнѣ, принадлежалъ вѣроятно къ облицовкѣ, ибо украшенъ сплошнымъ рубчатымъ узоромъ; подобныхъ камней найдено нѣсколько. Я покидалъ работу съ сожалѣніемъ и съ надеждой возвратиться опять сюда для продолженія. Только лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось опять работать въ этомъ городищѣ, но и на этотъ разъ я могъ посвятить работамъ не болѣе трехъ недѣль.

Во второй прїѣздъ, продолжая раскопки въ прежнемъ направленіи, я раскопалъ третью комнату (R на планѣ, табл. XIII). Эта комната точно также завалена была сплошь камнями; посредствомъ двери она имѣла сообщеніе съ предыдущей комнатой N. Въ новой комнатѣ, при очисткѣ ее отъ камней и щебня, находилось очень большое количество черепковъ и ручекъ отъ амфоръ, но только одна ручка попалась съ греческимъ клеймомъ *).

Когда была очищена отъ камней почти половина комнаты R, то въ оставшемся обрѣзѣ этой массы, близко уровня земли и на самомъ уровнѣ стали обозначаться стоявшія и лежавшія въ рядъ большія глиняныя, остроконечныя амфоры, раздавленные массой камней и мусора, но сохранившія свои формы и отчасти свое первоначальное положеніе. На таблицѣ XIII рис. А представлена эта часть раскопки; здѣсь можно видѣть и формы амфоръ и характеръ самой насыпи **). Снятіе насыпи у стѣнки *x h* открыло опять цѣлый рядъ сосудовъ, какъ бы врытыхъ въ землю, и между прочимъ здѣсь же между большими сосудами нашлись маленькіе изъ темно-сѣрой глины, съ двумя ручками, по формѣ подходящіе къ типу „кантавровъ“. Сосудики эти были скучены между большими сосудами и достались почти всѣ цѣлыми. На планѣ B (табл. XIII) представлено схематически расположеніе сосудовъ въ этой ком-

*) Нужно замѣтить, что на приложенномъ планѣ всѣ мѣста, обозначенныя темными штрихами, означаютъ очищенные мною пространства отъ мусора и камней, а болѣе легкими точками означены пространства, оставленные не очищенными, а потому и не извѣстныя по своему содержанію.

**) На фототипіи XXV, представляющей планъ мѣстности, по сторонамъ изображены двѣ амфоры, срисованныя также съ натуры.

натѣ. При раскопкѣ насыпи около противоположной стѣны, отъ *y* до *g*, кромѣ черепковъ, былъ найденъ желѣзный клинокъ меча, прижатый камнями къ самой стѣнѣ и лежавшій въ наклонномъ положеніи. Къ сожалѣнію, какъ я ни старался осторожно его вынуть, но конца стержня отъ рукоятки не сохранилось. Тутъ же недалеко найденъ мной маленькій клинъ или топоръ изъ того же свѣтло-зеленоватаго камня, очень хорошо полированный. Раскопки мои въ этой части зданія закончились опредѣленіемъ стѣны *h g*, которая примыкала къ стѣнѣ городища и заканчивала собою изслѣдованное мною зданіе. Какъ замѣтно и на планѣ, уголъ *h* представляетъ закругленіе; оно образовано съ внѣшней стороны стѣны рядомъ большихъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ стоймя и служащихъ основаніемъ этой закругленной стѣны. Эта часть кладки представлена на рисункѣ А, табл. XII. Кромѣ того, еще прежде произведенная пробная раскопка у южной стѣнки городища, обнаружила короткую и низкую стѣнку *p*, а также вымощенное неправильной формы плитками пространство отъ *p* до *h*.

Оканчивая описаніе раскопокъ городища и вспоминая всѣ подробности этихъ раскопокъ, я не могу не высказать слѣдующихъ предположеній: открытыя мною три помѣщенія или комнаты составляли нижній этажъ какого-то жилого зданія; весьма вѣроятно, что этотъ нижній этажъ заканчивался наверху коробовыми сводами: на это, во-первыхъ намекаетъ уголъ комнаты *M* у стѣны *t a*, изображенный на рисункѣ В, табл. XII; здѣсь можно замѣтить, какъ рядъ камней выступаетъ впередъ, вверху стѣну, и мнѣ кажется, что этотъ рядъ камней могъ служить началомъ коробоваго свода. Короткая стѣнка *p* и сосѣдняя съ ней отличаются тѣмъ, что подымаясь кверху, обѣ замѣтно расширяются по встрѣчнымъ одна къ другой направленіямъ такимъ образомъ эта кладка выступающими рядами камней указываетъ вообще на существованіе въ городищѣ коробовыхъ сводовъ.

Направленіе слоевъ щебня и камней въ трехъ изслѣдованныхъ помѣщеніяхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ существованію сводовъ, такъ какъ при разрушеніи и паденіи только однѣхъ стѣнъ, середина каждой комнаты оставалась бы болѣе свободной отъ щебней и камня. Разрушеніе сводовъ мнѣ кажется могло скорѣй повлечь за собой и разрушеніе стѣнъ. Нижніе слои камня находятся въ слояхъ угля, золы, сажки и сами камни носятъ слѣды огня; это даетъ право предположить на участіе огня въ разрушеніи.

Комната подъ буквою *R* на планѣ служила подваломъ для храненія вина и, быть можетъ, масла, на это назначеніе указываетъ большое

Рис. 10

Раскопки городища близ станции Раевской.

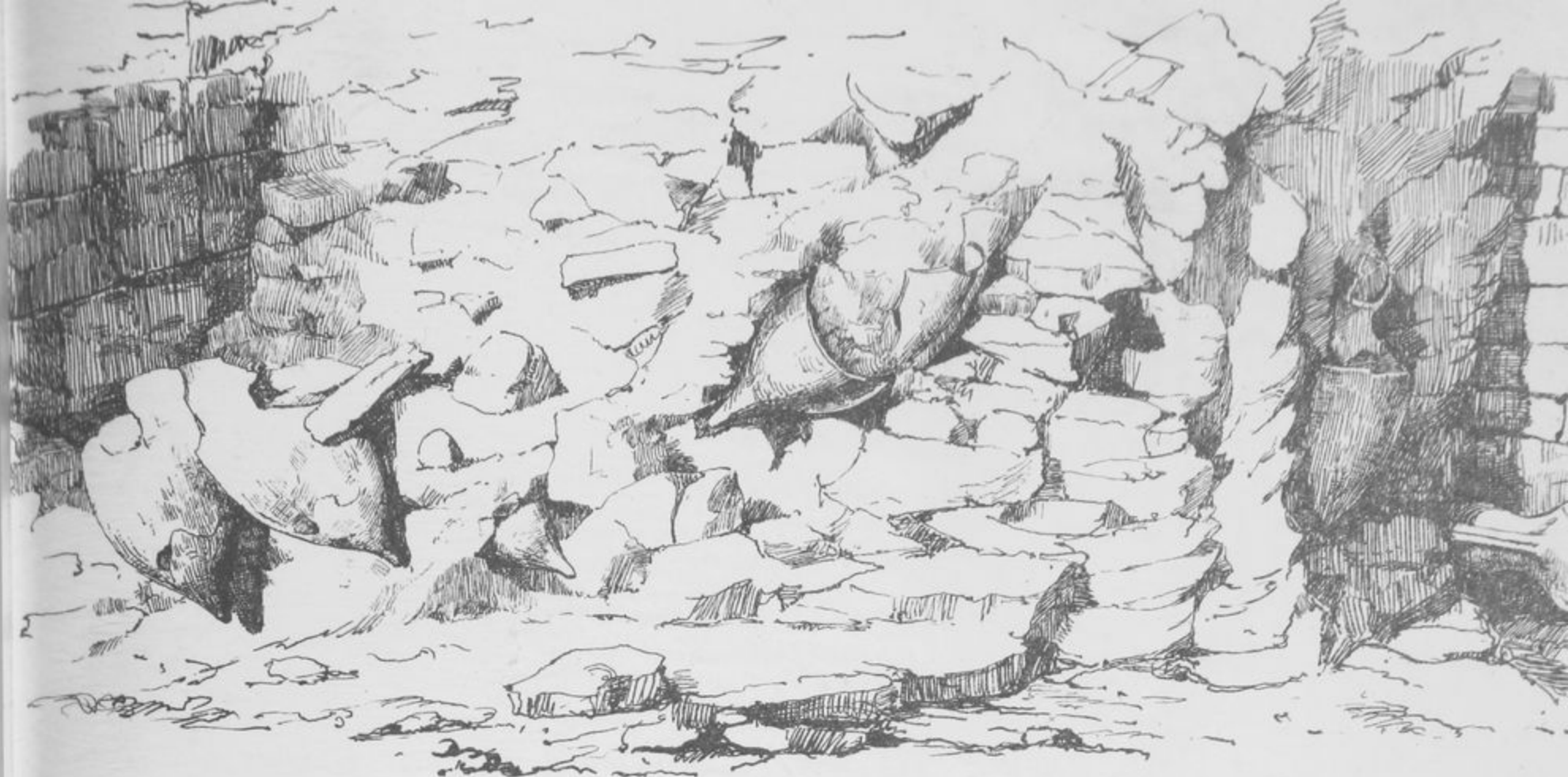

А.

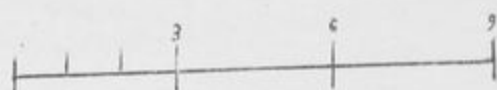
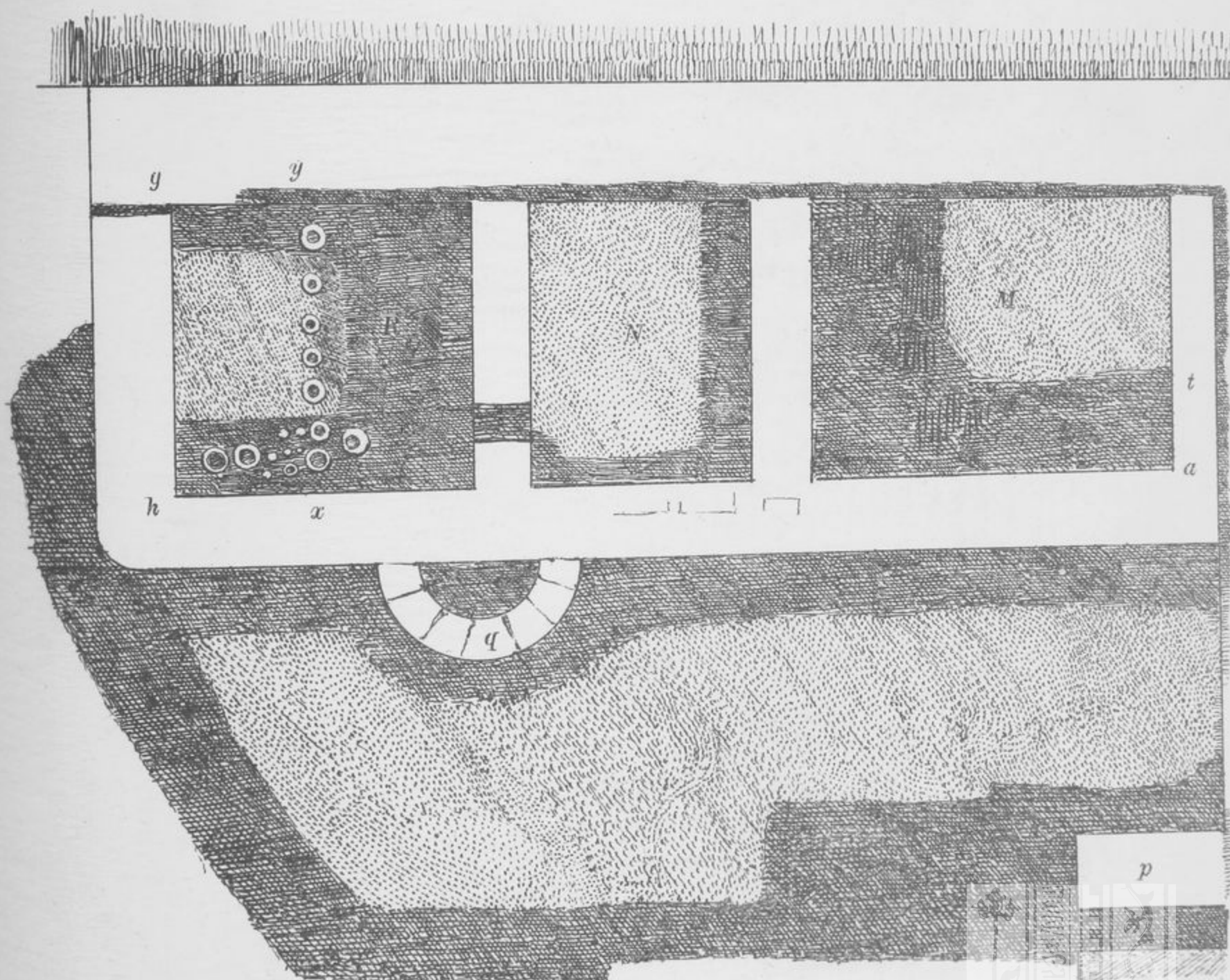

Б.

Раскопки городища близь станицы Раевской.

В

Раскопки городища близ станицы Раевской А. В.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ-та Краеведческой
и Музейной работы

количество амфоръ и другихъ сосудовъ, стоявшихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Отсутствіе оконъ и дверей въ этихъ помѣщеніяхъ еще болѣе указываетъ на подвальное назначеніе этихъ комнатъ. Очень возможно, что двери или, точнѣе, входъ былъ устроенъ съ верхняго этажа посредствомъ можетъ быть деревянной лѣстницы.

Назначеніе полукруглой выступающей постройки (подъ буквой *q*) остается для меня совершенно загадочнымъ: она сохранила три полу-вѣнца камней, а внутри была наполнена землей. Возлѣ нея, снаружи, и была найдена грубая статуя или идолъ.

Размѣры зданій видны на планѣ, гдѣ приложенъ масштаб *). Что же касается самага городища, то, по моимъ измѣреніямъ, его много-угольный периметръ равняется почти 400-мъ саженьямъ. Кромѣ того, внѣ стѣнъ городища, шагахъ въ двухстахъ на сѣверъ, въ лѣсу, замѣчены мною ряды большихъ камней, составлявшихъ также какую-то кладку.

Время, къ которому можно отнести это городище, можетъ опредѣлиться характеромъ найденныхъ вещей, къ описанію которыхъ я теперь и перейду.

*) Приложенный планъ окрестностей станицы Раевской представляетъ фототипическій снимокъ съ плана, сдѣланнаго въ Чертежной Межеваго Управленія Кубанской Области спеціально для настоящаго отчета; оригиналомъ этому плану послужилъ еще неизданный атласъ Межеваго Управленія той же Области.

Пользуюсь случаемъ принести свою благодарность упомянутому мною учрежденію, а также и старшему топографу г. Махмету, снабдившему меня другимъ планомъ той же мѣстности, съ обозначеніемъ моихъ раскопокъ (№ 2, фотот. XXV).

XI.

Обзоръ археологическаго матеріала изъ раскопокъ въ Раевскомъ городищѣ.

Описавъ въ главныхъ чертахъ ходъ раскопокъ въ Раевскомъ городищѣ—я считаю теперь удобнымъ остановиться нѣсколько для обзора найденнаго здѣсь археологическаго матеріала; научное значеніе этого матеріала, быть можетъ, опредѣлится путемъ сравненій, а такого рода обзоръ поможетъ опредѣлить значеніе и самаго городища.

При этомъ однако я долженъ замѣтить, что, прибѣгая къ сравненіямъ найденныхъ въ городищѣ вещей съ подобными вещами какихъ-либо другихъ мѣстностей, я не имѣю въ виду этими сопоставленіями и сравненіями сближать отдаленныя мѣстности и иногда совершенно различныя народности: сходство отдѣльных вещей часто указываетъ только на извѣстную стадію культурной жизни, когда та или другая форма вещи бытовала у разныхъ народовъ; причемъ эти стадіи могутъ вовсе не совпадать во времени и не представлять иногда въ сходствѣ самыхъ вещей результатовъ непосредственныхъ заимствованій.

При обзорѣ и сравненіи археологическаго матеріала, добытаго на Кавказѣ, въ особенности приходится замѣчать бытованье архаическихъ формъ въ сравнительно новое время, такъ что здѣсь въ особенности приурочиванье вещей къ извѣстному времени или постановка хронологической даты требуетъ осторожности и болѣе подробнаго обзора вещей, а вопросъ о вліяніи и заимствованіи, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ самой народности, находится въ зависимости отъ другаго рода фактовъ, какъ напр.—отъ историческихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ, обзоръ вещей въ отдѣльности можетъ дать уже опредѣленную фیزیономію изслѣдованной мѣстности и подготовить матеріалъ для выводовъ, согласныхъ и съ историческими данными.

Предметы, найденные въ городищѣ, по техникѣ и характеру формъ весьма ясно распредѣляются въ двѣ группы: вещи чисто варварскаго или вообще примитивнаго стиля и вещи, принадлежащія по стилю къ греко-римскимъ издѣліямъ. Весьма естественно, что между этими двумя группами найдутся вещи, составляющія, такъ сказать, переходъ отъ одной группы къ другой, т. е. отмѣченныя только вліяніемъ древне-греческаго, или позднѣйшаго—греко-римскаго стиля. Начиная свой обзоръ съ первой группы, я прежде всего обращаю вниманіе на фототипическое изображеніе каменныхъ орудій (фототипія XX, фиг. 11—12). Фрагментъ каменнаго топора и другой, меньшаго размѣра топоръ или клинъ безъ сомнѣнія представляютъ характерныя орудія каменнаго вѣка, причемъ можно думать, что фрагментъ топора представляетъ лезвіе т. н. „кельта“. Оба орудія сохранили слѣды прекрасной полировки, а потому могутъ быть отнесены къ такъ наз. „неолитическому періоду“ каменнаго вѣка; они сдѣланы изъ красиваго свѣтло-зеленаго камня — вѣроятно, серпентина. Нахожденіе ихъ въ городищѣ можетъ быть объяснено только ихъ особеннымъ священнымъ значеніемъ; такъ, извѣстно, что во времена классической древности каменнымъ орудіямъ этого типа („*hache de l'époque de la pierre polie*“) придавали значеніе талисмана, обладаніе которымъ, по понятіямъ древнимъ, обезпечивало побѣду на сушѣ и на морѣ. Такой каменный топоръ или клинъ въ качествѣ талисмана назывался—„*betulus*“ *). Кромѣ того, въ Римѣ при церемоніяхъ феціаловъ убивали жертвы каменнымъ топоромъ. Какъ извѣстно, въ Египтѣ для приготовленія муміи трупъ разрѣзали кремневымъ ножомъ. Факты находокъ кремневыхъ орудій въ курганахъ центральной Россіи болѣе поздняго періода можно считать общеизвѣстными. Точно также извѣстно, что въ нашихъ деревняхъ сохраняются кремневая стрѣлки („громовыя“, „перуновы“) бабами-шептухами въ качествѣ талисмановъ отъ дѣтскихъ болѣзней.

Что же касается настоящаго употребленія этихъ, найденныхъ мною, каменныхъ топоровъ, то, не останавливаясь долго на этомъ вопросѣ, я напому только о находкѣ въ долменѣ просверленнаго оленьяго рога, служившаго влагалищемъ или державой для подобнаго рода топора.

Чтобы покончить съ издѣліями изъ камня, найденными въ городищѣ,—я долженъ остановить вниманіе на грубомъ изваяніи, изображенномъ на приложенномъ рисункѣ (р. 23). Изваяніе это сдѣлано изъ мягкаго известняка и представляетъ родъ гермы, плоской съ лицевой

*) Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Daremberg et Saglio. Paris, 1887.

стороны и только сзади имѣющей поверхность выпуклую. Голова отдѣлена отъ остальной части выемками, образующими шею и плечи; части тѣла не отдѣлены, и не обозначены, а камень просто суживается книзу. На плоскомъ и кругломъ лицѣ проведены вглубь черты, обозначающія носъ. Нужно замѣтить, что вообще работа этой фигуры весьма грубая. Фигуру эту можно было бы считать неоконченной, если бы Шлиманнъ не открылъ въ своихъ раскопкахъ предполагаемой Трои нѣсколько подобныхъ изваяній, выдѣланныхъ впрочемъ изъ мрамора и меньшаго размѣра. Представляя рисунокъ одной изъ найденныхъ имъ подобныхъ фигуръ, я долженъ замѣтить, что при общемъ

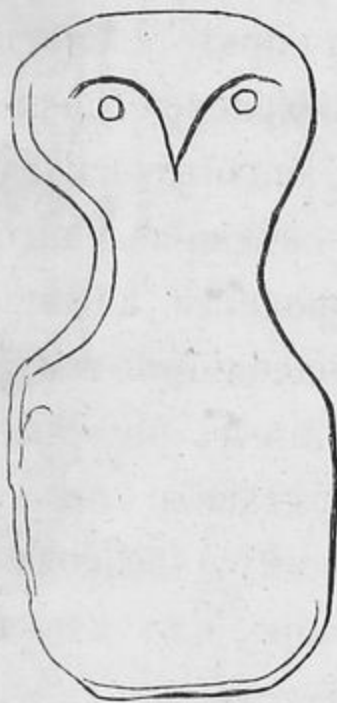

Рис. 28.

сходствѣ существуютъ и различія (рис. 28): въ фигурахъ Шлиманна носъ сводится въ остріе, почему фizioномія фигуры получаетъ выраженіе птицы, напр., филина или совы; вѣроятно не оконченное лице фигуры, найденной въ городищѣ, при всей примитивной грубости работы, приближается болѣе къ человѣческому, въ особенности въ обозначеніи носа. Различіе это можно приписать какъ различію двухъ народностей, такъ и различію во времени: фигуры Шлиманна, какъ мнѣ кажется, могутъ быть отнесены къ болѣе древней стадіи развитія извѣстной культуры. Во всякомъ случаѣ, найденному мною изваянію можно также придать значеніе *идола*. При такомъ значеніи этой формы и самая поражающая

грубость стиля можетъ быть отнесена къ архаизму, имѣющему гіератическое значеніе. Что же касается до примитивной техники, то она является характерной для варварской культуры жителей этого городища.

Не останавливаясь на характеристикѣ костяного острія (ф. 7) не представляющаго собою ничего типичнаго, такъ какъ такого рода издѣлія встрѣчаются въ разные времена и у разныхъ народовъ—я перехожу къ обзору болѣе богатаго отдѣла глиняныхъ издѣлій, въ которыхъ болѣе чувствуется не греческій, а варварскій стиль.

Въ городищѣ найдено до 80 такъ наз. *пряслицъ*, болѣе характерныя формы которыхъ представлены на фототипіяхъ XXII (ф. 6) и XXI (ф. 7—14). Вообще при раскопкахъ различныхъ городищъ ихъ находятъ обыкновенно въ изобиліи. Изъ нихъ съ болѣе широкимъ отверстіемъ и болѣе плоской формы могли служить для образованія веретена посредствомъ вдѣванія въ это отверстіе палки—такова, напр., пряслица съ надписью изъ кіевского клада, опредѣленная проф. Праховымъ—она сдѣлана изъ

краснаго шиффера; таковы пряслицы, находимыя въ русскихъ курганахъ. Но пряслицы, найденныя мною въ городищѣ, большею частью не относятся къ этому типу—при всемъ разнообразіи ихъ формъ и размѣровъ онѣ имѣютъ малыя сверлины, удобныя только для продѣванія толстой нити. Онѣ скорѣй всего могутъ относиться къ ткацкому станку, разумѣется, примитивнаго типа, какой напр. изображенъ Іоганномъ Ранке, въ его сочиненіи „Der Mensch“ *). Ранке даетъ имъ названіе—„Spinnwirtel“. Въ этомъ же сочиненіи изображены пряслицы, добытыя въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи; нѣкоторыя изъ нихъ весьма сходны съ найденными мною въ городищѣ. Но болѣе сходства послѣднія, по моему

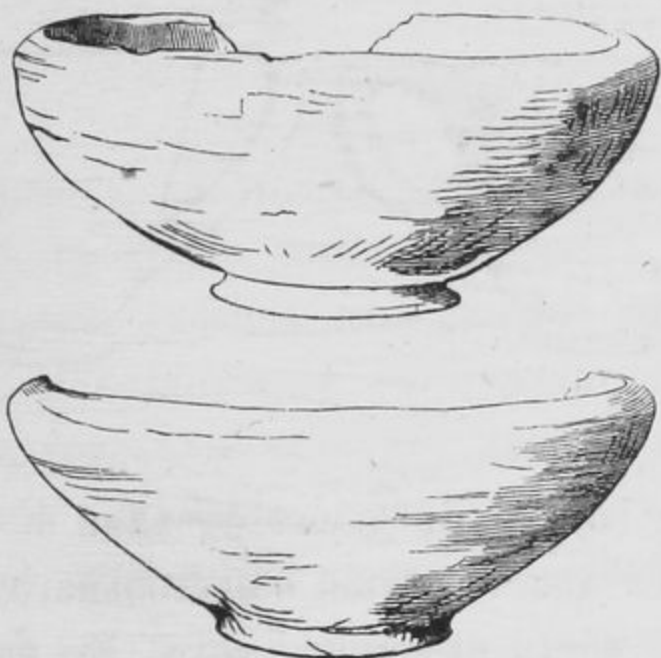

Рис. 29.

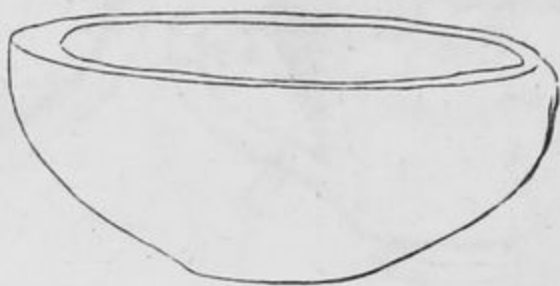

Рис. 30.

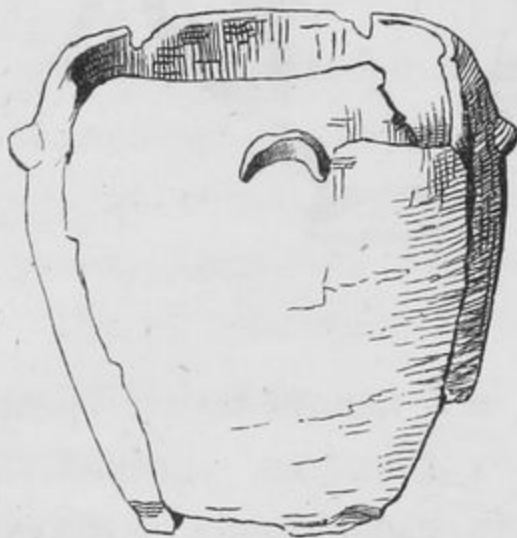

Рис. 31.

мнѣнію, представляютъ съ пряслицами изъ раскопокъ Трои, хранящимися въ Берлинскомъ музеѣ.

Большая часть сосудовъ варварскаго стиля, найденныхъ въ городищѣ, выдѣланы изъ темно сѣрой глины; они имѣютъ весьма слабый глянецъ и работаны на гончарномъ кругѣ. Изъ нихъ чаши съ загнутыми внутрь краями (рис. 29) очень сходны съ подобными чашами изъ раскопокъ Шлиманна въ Троѣ рис. 30 (см. „Hios“, Leipzig, 1881, 455). Сосудъ (рис. 31) грубой работы, съ двумя шишечками на туловищѣ и двумя глухими ручками, можетъ быть отнесенъ къ сосудамъ древняго типа: по крайней мѣрѣ, такого рода сосуды встрѣчаются и въ раскопкахъ Шлиманна и въ Цюрихскомъ музеѣ древностей (изъ свайныхъ

*) Изображеніе взято авторомъ изъ сочиненія Монтелиуса.

построекъ), въ Берлинскомъ музеѣ древностей (изъ провинціи Бранденбургъ); наконецъ изображенія сосудовъ съ шишечками и глухими ручками помѣщены въ сочиненіи Унзета—„Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa“. (Табл. VII, фиг. 1 и 5.).

До восьми одинаковой формы и почти одинаковаго размѣра сосудовъ были найдены, какъ я уже описывалъ, въ одномъ мѣстѣ, возлѣ ряда большихъ амфоръ. Форма сосудовъ напоминала стаканъ съ двумя большими ручками; цвѣтъ глины темно-сѣрый (рис. 32). Съ перваго

Рис. 32.

взгляда они напоминаютъ греческіе сосуды съ двумя ручками и перехватомъ у донышка, употреблявшіеся для возліяній и застольнаго питія вина; ихъ изображенія встрѣчаются часто на памятникахъ. Но найденные сосуды отъ греческихъ „кантавровъ“ значительно отличаются тѣмъ, что перехватъ у нихъ едва замѣтный; отсутствіе чистоты линій въ контурахъ, неровная обжига—все это указываетъ, по моему мнѣнію, на варварскую руку гончара. По всему своему

Рис. 33.

виду, по характеру техники сосуды эти скорѣй сближаются съ найденными въ раскопкахъ Трои. Такъ, на стр. 417 подъ № 324 представленъ у Шлиманна подобный сосудъ, съ котораго рисунокъ помѣщается въ моемъ текстѣ для сравненія (рис. 33). Въ данномъ случаѣ—нужно замѣтить—важно не только частное сходство одной формы, но вообще сходство многихъ сосудовъ по формѣ и technikѣ. Подобное сходство указываетъ на то, что извѣстныя формы давно уже существовали на восточ-

номъ побережья Средиземнаго моря и встрѣченныя мною на побережья Чернаго моря эти формы, несмотря на всю ихъ архаичность, уже могутъ относиться къ болѣе новому времени. Еще бѣльшимъ вліяніемъ греческаго вкуса отмѣчены сосудики, изображенные на рр. 34 и 35, законченность шарообразной формы сосудовъ и красивые контуры другаго

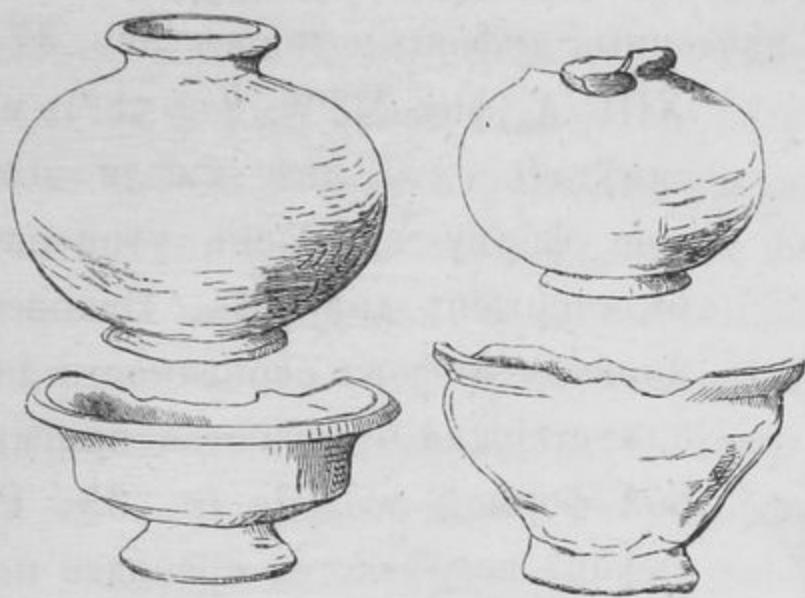

Рис. 34.

Рис. 35.

указываютъ на то, что передъ глазами туземнаго мастера часто находились греческіе сосуды. Сосудикъ, изображенный на рисункѣ въ видѣ маленькой амфоры, совершенно подходитъ къ сосудику изъ раскопокъ Трои, находящемуся въ Берлинскомъ музеѣ. Отдѣльно изображенный въ натуральную величину лекифъ (рис. 36) въ особенности обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ греческой формы, своимъ сѣтчатымъ узоромъ, изображеннымъ черной краской на свѣтломъ желтовато-кирпичномъ фонѣ. Несмотря однако на эти чисто греческіе признаки керамическаго издѣлія — его, по моему мнѣнію, можно признать только подражаніемъ туземнаго мастера греческому образцу: на это указываетъ, между прочимъ, мутность черной поливной краски и система клѣтокъ самаго узора. Притомъ нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что въ городищѣ, среди массы черепковъ, ни одного фрагмента отъ керамическихъ издѣлій чисто греческаго стиля и техники не найдено *).

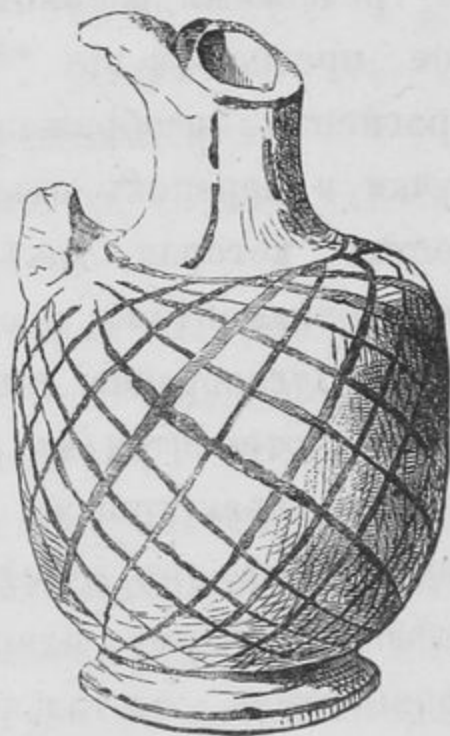

Рис. 36.

Упомянутые выше сосуды съ ручками найдены вблизи амфоръ,

*) Лекифъ изображенъ въ натуральную величину, но другіе рисунки въ текстѣ изображаютъ предметы въ $\frac{1}{4}$ натур. величины.

хотя и раздавленныхъ землею, но сохранившихъ свою форму. Кромѣ того, въ городищѣ найдено очень большое количество днищъ и ручекъ отъ амфоръ и вообще отъ большаго размѣра сосудовъ. Всѣ найденныя амфоры и ихъ части, въ разной степени, сближаясь съ греческими этого рода сосудами, въ то же время сохраняютъ и свой мѣстный специфическій характеръ, выраженный иногда очень рѣзко: такъ, напр., на рисункахъ, изображающихъ найденныя амфоры и днища (рис. 37, таб.

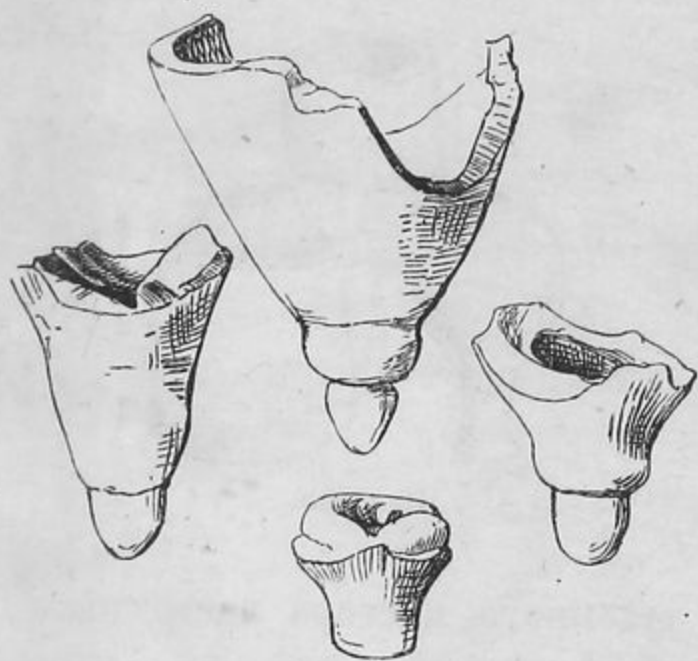

Рис. 37.

XIII, А, фот. XXV, 3—4) *), можно замѣтить, что онѣ имѣли оливковую форму съ очень утонченнымъ въ стержень днищемъ. Наконецъ у многихъ амфоръ оконечности днищъ или стержни отличаются оригинальной формой *жолудя* (р. 33. Глина амфоръ встрѣчается краснаго и желтаго цвѣтовъ. Безъ сомнѣнія многія изъ амфоръ могутъ считаться привозными, греческими; къ числу такихъ можно отнести амфору, изображенную на таблицѣ № XIII, А

справа, внизу, лежащей на землѣ и имѣющей двойную ручку (другая ручка на рисунокѣ не видна). Наконецъ самый фактъ нахожденія ручки съ греческимъ клеймомъ, къ сожалѣнію, испорченнымъ, подтверждаетъ мое предположеніе **). Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются фрагменты, изображенныя на фототипіи XXI (1 — 4) три рубчатыхъ ручки и черепокъ отъ сосуда красной глины съ полированной поверхностью, которая, какъ и основаніе одной ручки, украшена характернымъ орнаментомъ, составленнымъ изъ кружочковъ, соединенныхъ между собою дугообразно выгнутыми рубчатыми поясками. Орнаментъ этотъ вообще относится къ эпохѣ „бронзоваго вѣка“ и въ частности является весьма характернымъ для культуры „свайныхъ построекъ“ въ Швейцаріи: такъ, въ музеѣ Цюриха находится большая глиняная чаша, имѣющая форму плошки, украшенная сплошь такимъ же *очковымъ* орнаментомъ, но только тамъ соединяющіе дугообразные пояски болѣе выпрямлены. Кромѣ того, такимъ же орнаментомъ украшены разнаго рода бронзовыя издѣлія, напр., булавка, браслеты. Въ этомъ случаѣ ссы-

*) На фототипіи XXII изображены различныя ручки отъ амфоръ и другихъ сосудовъ; а также на фототипіи XXI, ф. 5—6.

**) Ручка изображена на фототипіи XXII, ф. 1.

лаюсь на рисунки, помещенные въ изданіи Дезора и Фавра *). Переходя затѣмъ къ обзору желѣзныхъ издѣлій, я обращаю прежде всего вниманіе на желѣзные наконечники копій, найденные въ городищѣ и представленные на фототипіи № XXIV. Длина большаго наконечника копья равняется 11-ти вершкамъ; форма его удлинено-ромбическая, съ продольнымъ стержнемъ, такъ что вообще этотъ стержень и боковые углы придаютъ наконечнику характеръ листовидный; какъ по размѣрамъ, такъ и по формѣ копье отличается несомнѣннымъ архаическимъ характеромъ: его листовидная форма съ срединнымъ ребромъ отзывается эпохой *бронзоваго вѣка*, когда подобнаго рода формы отливались изъ металла, а не выковывались. Въ VII-й залѣ С. Жерменскаго музея, представляющей переходную ступень отъ бронзы къ желѣзу, находятся копья, весьма сходныя по типу съ найденнымъ мною въ городищѣ. Въ Британскомъ музеѣ находится совершенно подобное копье изъ Англо-Саксонскаго могильника вмѣстѣ съ фибулами, относящимися къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. (отъ III до IV ст.). Другія копья, малаго размѣра, хотя и плохо сохранялись, но все-таки можно замѣтить, что онѣ относятся къ тому-же типу. Рисунокъ (38) представляетъ подобное копье изъ раскопокъ Мазараки, въ Полтавской губ. Мечъ желѣзный, найденный мною въ подвалѣ съ амфорами и упавшій туда сверху, носить на себѣ печать древности и можетъ быть отнесенъ по типу къ эпохѣ, по крайней мѣрѣ, — т. н. „La Tène“. Длина его 11³/₄ вершка (со стержнемъ рукоятки); у рукоятки углы клинка сръзаны, а это указываетъ на то, что рукоятка своими загибами обхватывала углы клинка (ф. 1 той же фототипіи).

Рис. 38.

Двустороннія желѣзныя сѣкиры, представленныя на рис. 39, по всей вѣроятности, имѣютъ своимъ прототипомъ подобную сѣкиру изъ бронзы, найденную Шлиманномъ при раскопкахъ Трои и изображенную въ упомянутомъ мною изданіи (Pios) ф. 676. Въ Историческомъ музеѣ находится большой сосудъ черной глины, принадлежащій къ коллекціи П. О. Бурачкова по словамъ бывшаго владѣльца коллекціи, вытѣщенный рабаками изъ р. Конки; на этомъ сосудѣ съ одной стороны вырѣзано изображеніе подобной сѣкиры (рис. 40); въ той же коллекціи находится миньютюрное отлитое изъ свинца изображеніе такой же двусторонней сѣкиры. Изображенія подобной сѣкиры встрѣчаются и на

*) „Le bel age du bronze lacustre en Suisse. Paris. 1874.

медали временъ 2-го триумvirата. Всѣ эти факты указываютъ на существованіе весьма продолжительное этой формы въ древности. Но при всемъ томъ я не могу считать эту сѣкиру боевымъ орудіемъ—она слишкомъ массивна для этой цѣли: длиною она $5\frac{1}{2}$ вершковъ и въ срединѣ имѣетъ большое утолщеніе. Такого рода сѣкира могла служить

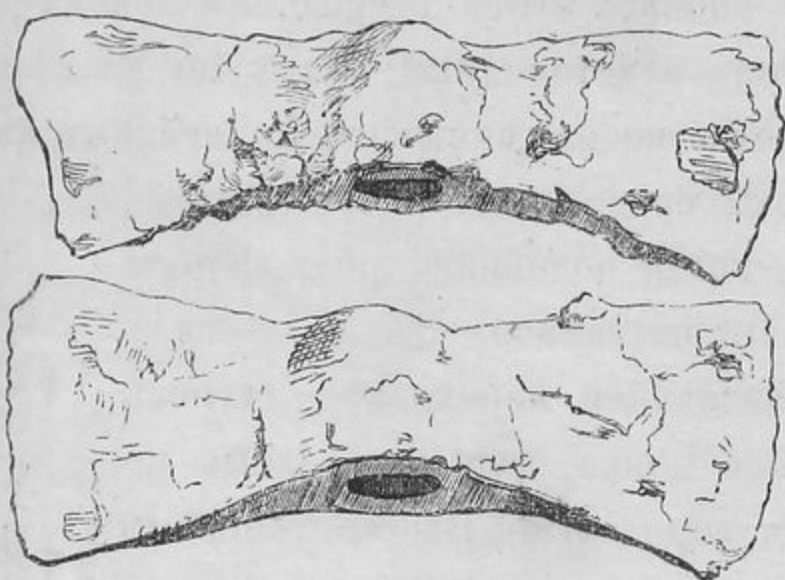

Рис. 39.

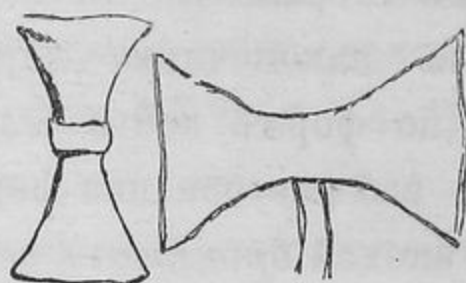

Рис. 40.

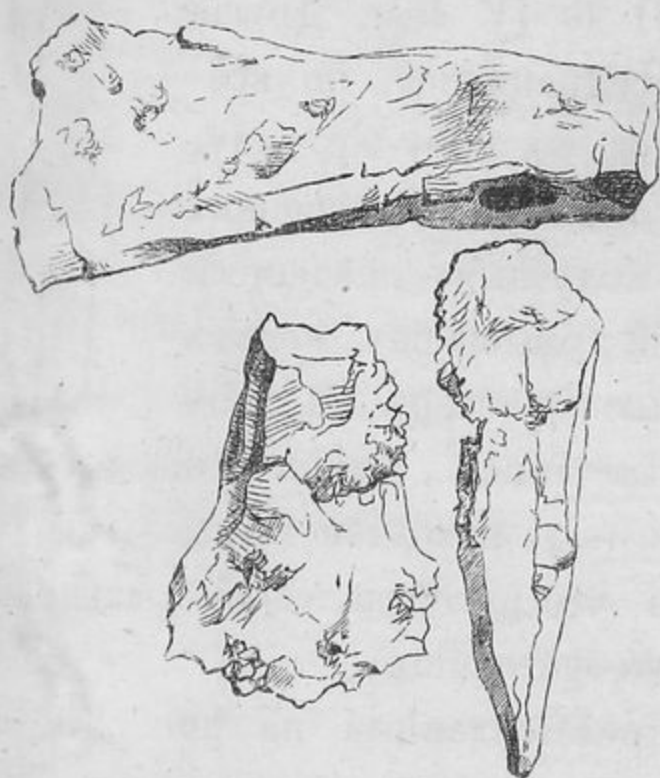

Рис. 41.

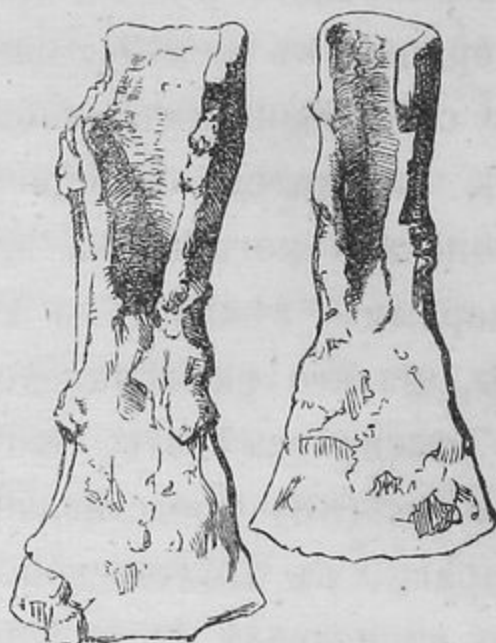

Рис. 42.

Рис. 43.

удобно для обтесыванія камней. Другаго рода найденная сѣкира представляетъ съ одной стороны массивное тылье, родъ короткаго молота (рис. 40 вверху). Въ словарь Дарамбера и Саліо въ 2-й части I-й томъ, стр. 484 подобная сѣкира изображена, какъ орудіе кузнеца. Другія изображенныя на рисункѣ желѣзныя орудія отличаются такимъ же характеромъ древности (рис. 41—фрагменты сѣкиръ и рис. 42—скребки).

Сѣкиры, изображенныя на рисункѣ 43, въ противоположность только что описанному, имѣютъ скромные размѣры и болѣе деликатныя формы—онѣ скорѣе могутъ быть сближены съ чеканами; сѣкиры эти

находятся въ близкомъ родствѣ съ такими же сѣкирами, находящимися въ упомянутой уже коллекціи древностей изъ раскопокъ Г. Мазараки, въ Полтавской губерніи *)—(рис 44).

Изъ числа бронзовыхъ вещей, открытыхъ въ городищѣ, можно обратить вниманіе на прекрасно отлитую чашечку, украшенную снаружи выпуклыми поясками (фот. XX, 6). Хорошей техникой отличается также большое бронзовое кольцо, которое могло служить втулкой для какого-нибудь отверстія. Круглыя металлическія зеркала, какія встрѣчаются въ Керченскихъ гробницахъ, относятся къ древнему типу этого рода предметовъ. Всѣ эти бронзовые предметы скорѣе всего можно отнести къ издѣ-

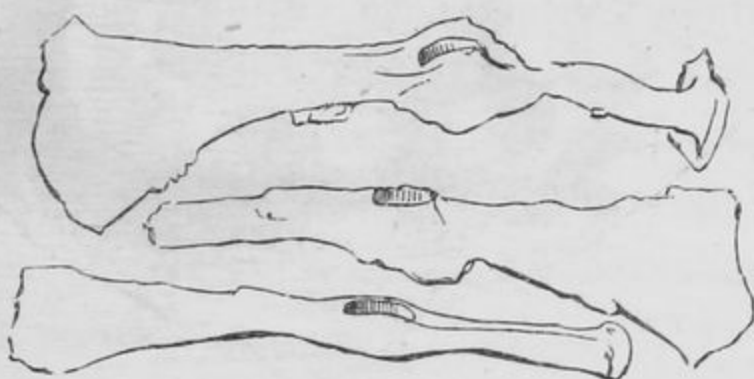

Рис. 44.

Рис. 45.

ліямъ греческимъ (фот. XX, 5, 6, 8, 9). Если къ этимъ предметамъ ручку съ клеймомъ отъ амфоры, отвлѣсь глиняный въ формѣ пирамидки, прибавить еще упомянутую мною черепицы (фот. XXIII, ф. 1—2) нѣсколько бусъ и нѣсколько сосудовъ—то это и будетъ составлять инвентарь предметовъ, которые, съ наибольшимъ вѣроятіемъ, могутъ быть отнесены къ греческимъ издѣліямъ. Впрочемъ, къ числу бронзовыхъ находокъ нужно отнести также и бронзовый перстень, на овальномъ щиткѣ котораго вырѣзано вглубь изображеніе кокого-то предмета: это изображеніе, какъ мнѣ кажется, напоминаетъ „salathos“ Диметры или сосудъ для куреній, который у Дарамбера и Саліо называется — „vase à parfums“ **). Несмотря на сходство съ этими изображеніями, представляющими, быть можетъ, жреческіе символы, — перстень этотъ по его виду и Technikѣ трудно принять за характерное чисто-греческое издѣліе. (рис. 45).

Изображенные на рис. 46 и 47 кувшинъ красной глины и фрагментъ съ ручкой отъ большаго сосуда могутъ быть отнесены къ предметамъ греческаго колоніальнаго производства — въ особенности кув-

*) Коллекція эта передана въ Историческій Музей Имп. Археологической Коммиссіи.

**) Рисунокъ 45 а представляетъ изображеніе на щиткѣ перстня, а рис. 45 б взятъ изъ сочиненія Дарамбера и Саліо и представляетъ сосудъ для куреній и «салатосъ» Диметры.

шинъ, отличающійся прекрасной обжигой и тонкостью стѣнокъ напоминающій подобныя сосуды въ Херсонисѣ.

Окончивъ обзоръ болѣе характерныхъ вещей, мнѣ остается, для дополненія, сказать еще нѣсколько словъ по поводу стѣнъ городища.

Рис. 46.

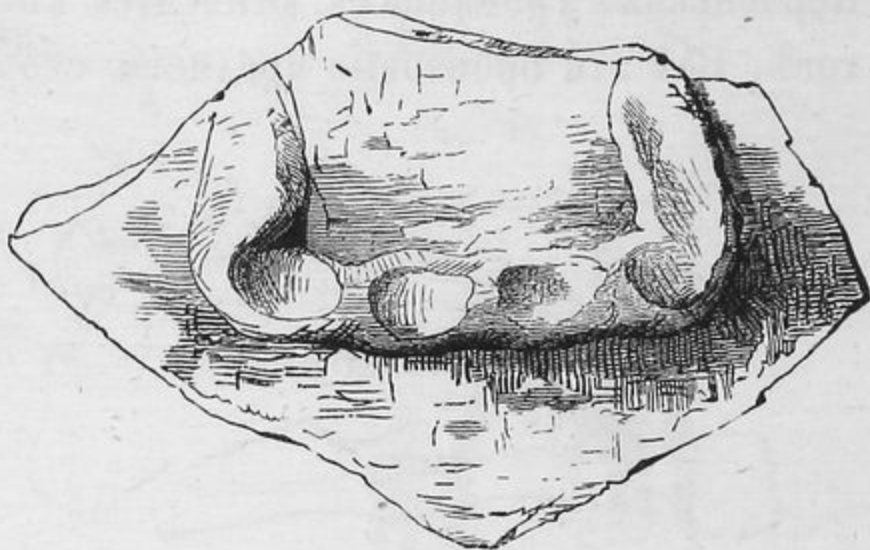

Рис. 47.

На таблицѣ XI, изображающей наружную стѣну открытаго мною зданія, можно замѣтить тонкую квадратную плиту, прислоненную къ углу поперечной стѣны; на фотот. XXIII, ф. 3 изображенъ фрагментъ

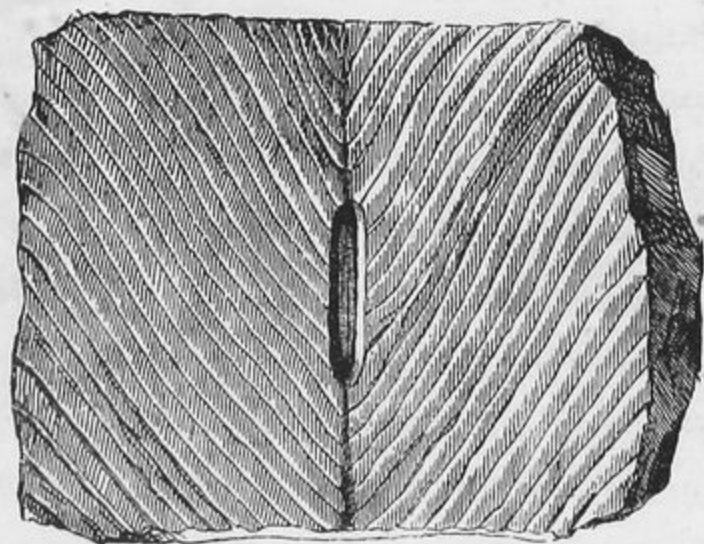

Рис. 48.

отъ подобной же плиты и наконецъ приложенный къ тексту рисунокъ 48 изображаетъ подобную же плиту, найденную мною при раскопкѣ и имѣющую въ срединѣ продолговатое, въ видѣ щели, отверстіе; камень этотъ сзади имѣлъ поперечную углубленную полосу, проходящую чрезъ отверстіе. Рисунокъ этого камня сдѣланъ съ фотографіи. Подобныхъ плитъ, но безъ отверстій, найдено было нѣсколько;

плиты эти составляли, вѣроятно, облицовку стѣнъ, хотя и не сплошную, а вѣроятно, только мѣстами—такъ какъ количество ихъ не велико. Размѣры камней разнообразны: длиной они попадались и болѣе и менѣ аршина, а толщина встрѣчалась отъ 1 вершка до 2-хъ. Всѣ эти плиты сдѣланы изъ одного матеріала—крѣпкаго камня дикаря, имѣющаго бѣлый цвѣтъ съ синеватымъ отливомъ. При большой трудности въ обработкѣ

этого камня, тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе оригинальный и странный орнаментъ, украшающій лицевую сторону каждой плиты: орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ линій, раздѣленныхъ высѣчками или врѣзанными въ глубь чертами; черты эти углубляются весьма немного, такъ что образуютъ довольно слабый рельефъ. Замѣчательно, что эти параллельныя линіи не представляютъ прямыхъ линій, обычныхъ при такомъ рубчатомъ узорѣ, а, напротивъ, онѣ представляются изогнутыми слегка, кривыми, какъ на приложенномъ рисункѣ, или же представляютъ овально концентрическія кривыя, какъ на фотот. XXIII.

Однообразіе и твердость техники въ производствѣ орнамента и его оригинальный характеръ указываетъ на то, что орнаментъ этотъ служитъ характернымъ признакомъ извѣстной культурной эпохи. Его можно отнести къ эпохѣ мегалитической или къ эпохѣ долменовъ: въ С.-Жерменскомъ музеѣ есть много образцовъ поразительно сходныхъ съ орнаментомъ плитъ, найденныхъ въ городищѣ. Изображенія этого орнамента встрѣчаются также въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію этой эпохи.

Относительно происхожденія этого орнамента А. Бертрамъ помѣстилъ интересную статью Abel Maitre'a въ „Revue Archéologique“ за 1885 г., въ этой статьѣ авторъ весьма остроумно, но смѣло объясняетъ этотъ орнаментъ подражаніемъ рисунку, какой замѣчается на эпидермѣ человѣческой ладони и пальцахъ руки.

Каково-бы ни было происхожденіе этого рисунка, но для цѣли отчета важно, что орнаментъ этотъ несомнѣнно характеризуетъ вкусъ извѣстной эпохи.

На планѣ раскопокъ городища (табл. XIII В) противъ угла *h* внѣшняя стѣнка закругляется и это закругленіе изображено на табл. XII, А. Какъ видно на послѣднемъ рисункѣ закругленіе образовано изъ поставленныхъ стоймя большихъ и длинныхъ камней, образующихъ какъ-бы основаніе стѣнки. Такого рода строительные приемы свойственны также той-же мегалитической эпохѣ, хотя и болѣе поздняго періода. Въ сочиненіи Фергюссона—„Rude Stone monuments“ въ мегалитическихъ памятникахъ Мальты (стр. 417) встрѣчается подобнаго рода конструкціи закругленной стѣны, служившей основаніемъ такъ наз. „башни гигантовъ“. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ я и заканчиваю обзоръ археологическаго матеріала, добытаго въ городищѣ.

Изъ представленнаго обзора можно замѣтить, что большую часть вещей нужно было отнести къ примитивной или варварской культурѣ, причемъ для сравненія пришлось искать матеріалъ въ раскопкахъ Трои,

но еще болѣе сходства оказалось вообще съ культурой свайныхъ построекъ и эпохой долменовъ. Однако этимъ сходствомъ нисколько не обозпечивается большая древность городища: общій характеръ находокъ заставляетъ принять другую мѣрку для нихъ чѣмъ та, какая употребительна для подобныхъ памятниковъ запада. Говоря вообще о древности эпохи свайныхъ построекъ, нужно вспомнить, что эта культура дожила до временъ Римской Имперіи, напр., въ кантонѣ Нёвшателѣ *). Въ долменахъ же Кубанской области была найдена золотая монета Босфорскаго царя **). Последняя находка имѣетъ особенную важность и для опредѣленія древности городища — она обозначаетъ точную и позднюю дату существованія мегалитическихъ памятниковъ въ этой части Кавказа.

Сравнивая, напр., археологическій матеріалъ, добытый раскопкою долмена-цисты близъ Геленджика, съ вещами городища нельзя не видѣть, что эти вещи очень далеко ушли впередъ отъ эпохи каменнаго вѣка. Здѣсь не можетъ быть также рѣчи о бронзовомъ вѣкѣ, а, напротивъ, замѣчается полное преобладаніе желѣза, хотя въ желѣзныхъ вещахъ, какъ я уже замѣчалъ, удерживаются формы бронзовыхъ вещей. Но этотъ архаизмъ формъ составляетъ отличительную черту Кавказа и проявляется гораздо позднѣе, чѣмъ на западѣ.

Сходство съ вещами изъ раскопокъ Трои указываетъ только на то, что въ древности извѣстныя формы были общими для побережій Чернаго и Средиземнаго морей, и здѣсь онѣ удержались болѣе продолжительное время.

Разнообразіе въ формахъ сосудовъ само по себѣ говоритъ не въ пользу особенной древности городища. Но среди этого разнообразія чувствуется весьма слабо вліяніе греческой культуры; многія формы скорѣе можно отнести къ позднему римскому вліянію — такъ мало въ нихъ художественной фантазіи, хотя чувствуется правильность линій и техническій навыкъ. Вообще можно предположить по находкамъ нѣкоторыхъ вещей (напр. ручки отъ амфоры съ греческимъ клеймомъ), что городище находилось въ сношеніяхъ съ греческими колоніями, но сношенія эти были весьма слабыя: замѣчательно, что ни одного фрагмента отъ черной поливной греческой посуды не найдено, точно также не найдено

*) Carte archéologique du canton de Berne — 1876 г. Age de fer anté-romaine (p. VIII) par le Baron Bonstetten: «Habitation. On ne connaît que les habitations lacustre de Marin (canton de Neuchâtel), qui subsistait encore dans le premier siècle de notre ère puisqu'on y a trouvé des monnaies romaines dont une de Claude».

**) Е. Д. Фелицинымъ.

ни одного куска мрамора. Отсутствие изображений графических, отсутствие письма и монетъ составляютъ отличительныя черты городища.

Можно смѣло утверждать, что городище никакого торговаго значенія не имѣло, чѣмъ и объясняется отсутствие греческихъ издѣлій, монетъ и т. п.

На основаніи общаго впечатлѣнія отъ этихъ раскопокъ и высказанных мною соображеній древность городища можно опредѣлить, хотя и предположительно, временемъ Рождества Христова и скорѣй можно отнести его къ послѣдующимъ двумъ, тремъ столѣтіямъ, чѣмъ къ предыдущему.

Всѣ эти предположенія, впрочемъ, основываются на раскопкахъ, пространство которыхъ ничтожно въ сравненіи съ пространствомъ городища, оставшимся не изслѣдованнымъ. Оставаясь пока въ убѣжденіи, что городище это не имѣло торговаго значенія, — я тѣмъ болѣе придаю ему значеніе военное, стратетическое. Важность этого значенія основывается не только на его обширности, солидности стѣнъ, наконецъ, на характерѣ занимаемой имъ мѣстности — но также и на видимой связи его съ Анапой: оба входа и внѣшній колодезь его обращены къ сторонѣ Анапы; рѣчка Маскага, впадающая въ анапскій лиманъ могла служить связью крѣпости съ этимъ городомъ; малый входъ изъ городища обращенъ именно въ сторону болѣе покатого берега (на сѣвѣрѣ), гдѣ и могла быть пристань. Если Анапу принять за Горгиппію, то по связи съ Анапой, городище будетъ также принадлежать *синдамъ*. Въ такомъ случаѣ его значеніе опредѣляется какъ значеніе сторожевого сильнаго поста противъ вторженій варваровъ съ юга и съ юго-востока

Прежде чѣмъ закончить эту часть отчета, нужно еще замѣтить, что никакихъ слѣдовъ новыхъ чуждыхъ наслоеній въ городищѣ не замѣтно — оно отличается вполне цѣльнымъ характеромъ, что и придаетъ ему, по моему мнѣнію, особый археологическій интересъ. Притомъ культурный слой указываетъ относительную кратковременность существованія этого городища — сколько мнѣ удалось замѣтить, культурный слой не болѣе аршина глубиной, и по характеру земли и по вещамъ не представляетъ разновременныхъ наслоеній; притомъ, основанія изслѣдованныхъ зданій лежатъ всѣ на чистомъ глинистомъ грунтѣ.

Что касается до предположенія о древнемъ названіи этого городища, то опредѣленіе этого названія представляетъ особую задачу для специалистовъ по древней географіи этого края. Я же съ своей стороны, ограничусь только замѣчаніемъ, что Птоломей упоминаетъ о

„Синдской крѣпости“ послѣ Синскаго порта, а Страбонъ за Горгии-
пией и дворцомъ приморскимъ называетъ еще поселеніе „Аборака“.

Приложены въ концѣ отчета два плана мѣстности вокругъ Раевской
станции знакомятъ съ топографическимъ характеромъ этого края.

Наконецъ сравненіе вещей изъ городища съ вещами изъ большаго
кургана, изображенными на фототипіи XIX указываетъ, по моему мнѣ-
нію, на близкое сродство этихъ двухъ сооружений; то же сродство
чувствуется и въ кладкахъ стѣнъ (ср. таблицы XI, XII съ табл. X).

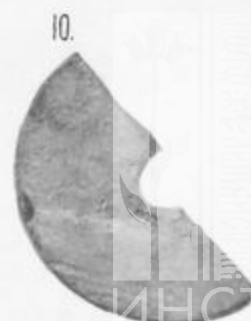
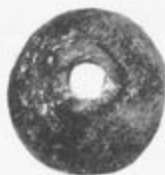

БИБЛИОТЕКА
ГМИ Ии-ты Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИИИИИ
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИИИ-а Кратковременной
и Музейной работы

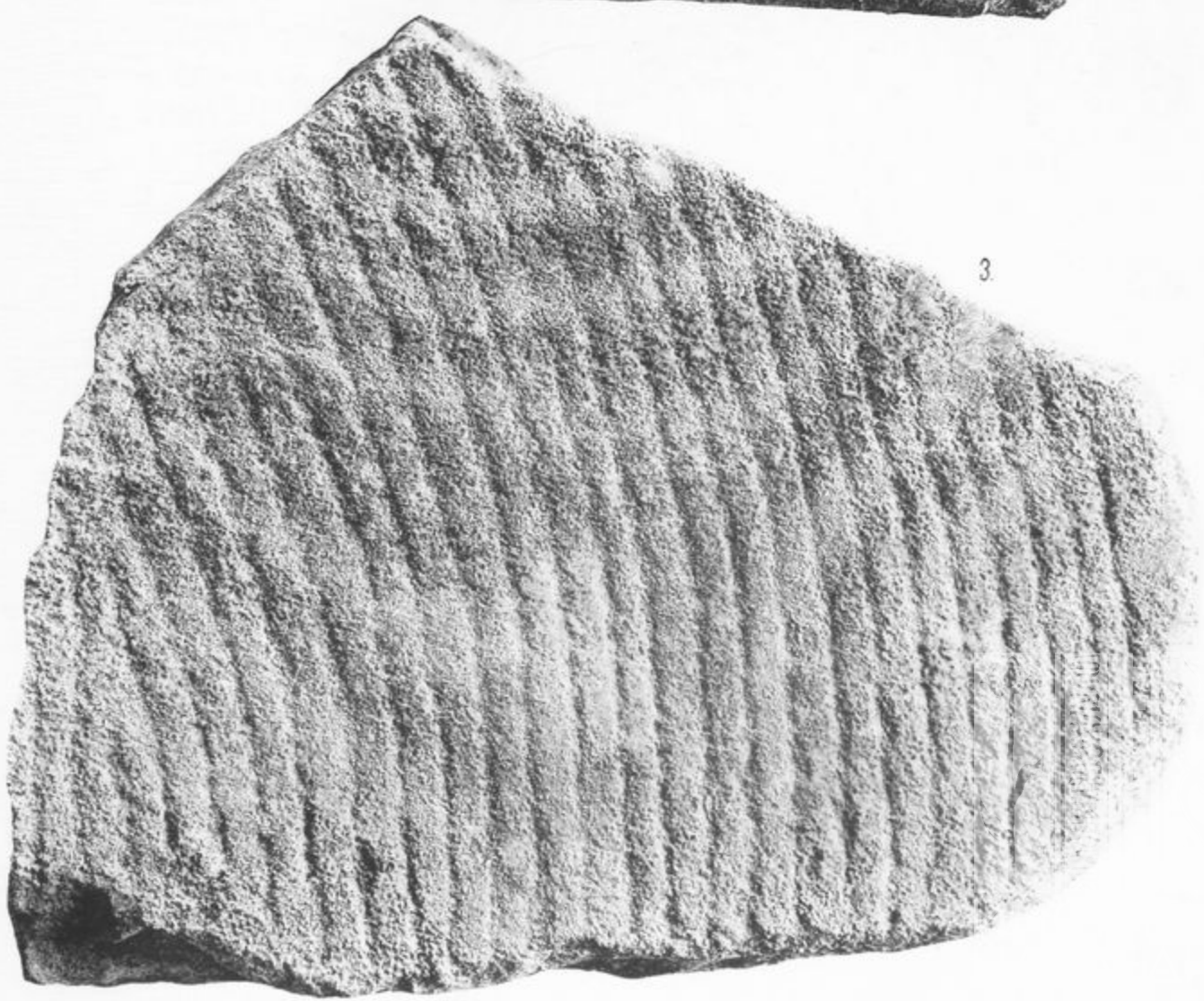
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

1

2

3

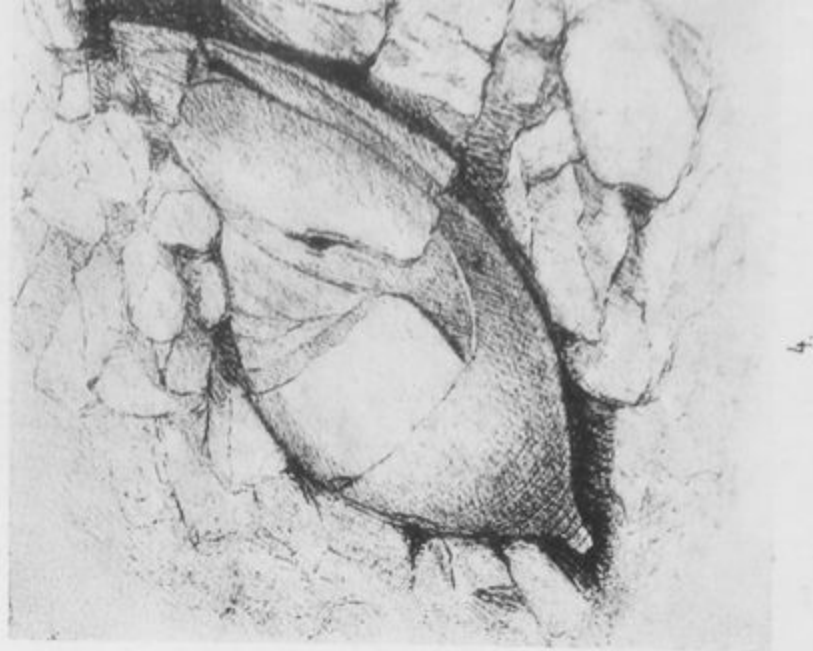
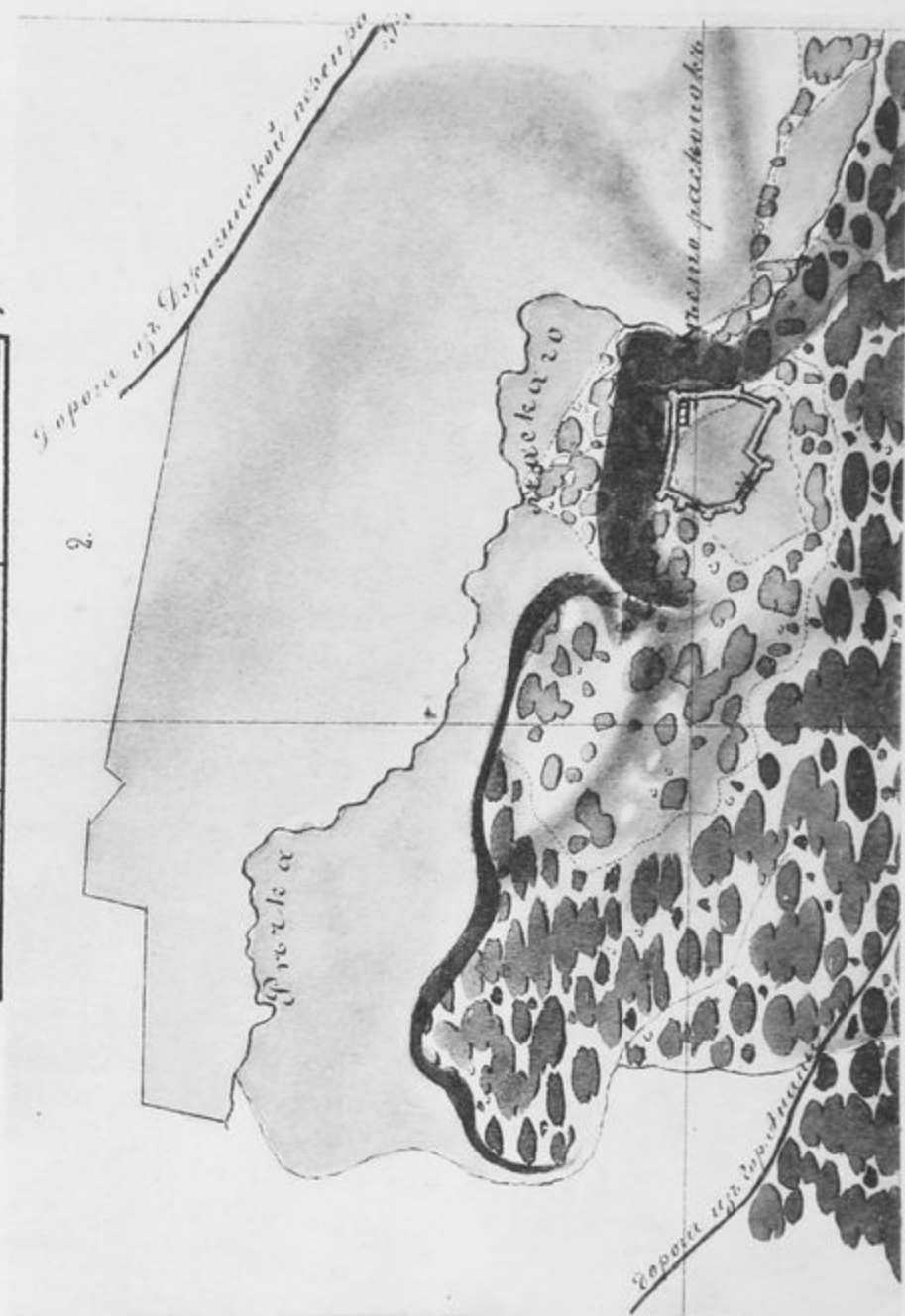
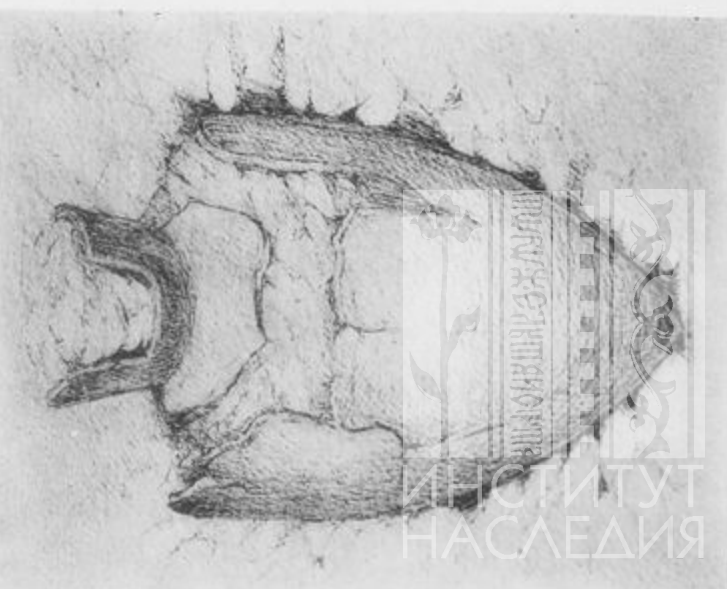
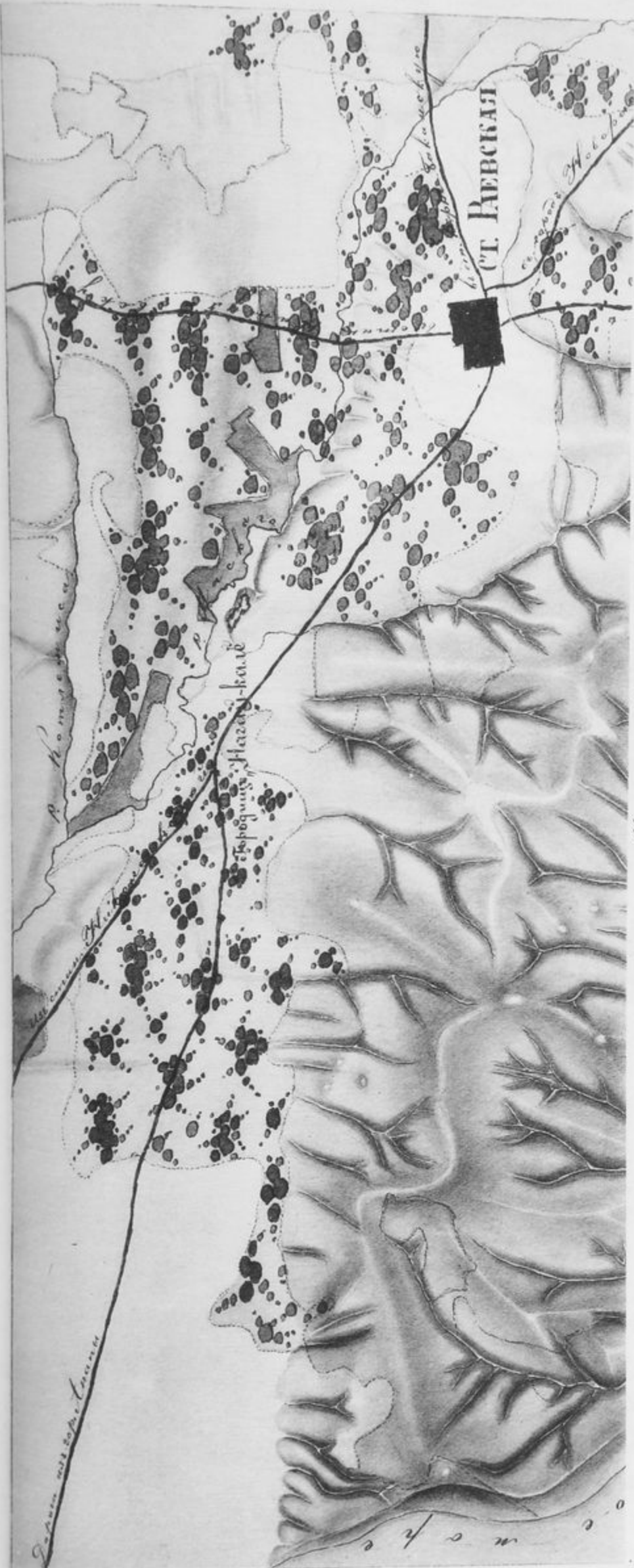
Библиотека
ИИИ Академии художеств
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ии-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

XII.

Обзоръ археологическаго матеріала изъ курганныхъ раскопокъ.

При описаніи раскопокъ кургановъ въ различныхъ могильникахъ изслѣдованнаго побережья — я ограничивался лишь простымъ перечнемъ найденныхъ въ гробницахъ вещей, не останавливаясь на археологическомъ значеніи добытаго раскопками матеріала и на взаимномъ соотношеніи изслѣдованныхъ могильниковъ. Предполагая восполнить этотъ недостатокъ въ настоящей главѣ, я тѣмъ не менѣе, въ виду большаго количества матеріала, долженъ ограничиться обзорѣмъ только тѣхъ наиболѣе выдающихся вещей, въ которыхъ выражается или оригинальный мѣстный вкусъ, или онѣ указываютъ на иноземныя сношенія, либо, наконецъ, эти вещи представляютъ данныя для хронологическихъ предположеній. Съ другой стороны, въ настоящемъ обзорѣ, самая группировка вещей будетъ зависѣть не отъ случайнаго сосѣдства могильниковъ, а археологическій матеріалъ долженъ распредѣлиться въ отдѣльныя группы — по сходству вещей и способовъ погребенія, по предполагаемой, наконецъ, хронологической связи вещей и могильниковъ.

При большомъ количествѣ археологическихъ фактовъ, относящихся вообще къ изслѣдованной мною мѣстности, но при маломъ количествѣ ихъ для каждаго могильника въ отдѣльности, — группировка могильниковъ въ хронологической послѣдовательности при этихъ условіяхъ можетъ выражаться только въ извѣстной степени вѣроятія. Во всякомъ случаѣ, главной точкой опоры для такой классификаціи долженъ слу-

жить могильникъ, имѣющій несомнѣнную хронологическую дату: съ матеріаломъ этого могильника легче уже сравнивать и распредѣлять въ группы остальной археологическій матеріалъ.

Въ настоящемъ случаѣ такою хронологической опредѣленностью отличаются два могильника, описанные мною прежде,—могильникъ на хуторѣ Карпенки (Натухайская стан.) и могильникъ на землѣ Полонскаго (Раевская стан.): въ первомъ найдены монеты золотоордынскія, хановъ Узбека и Джанибека, а во второмъ—Джанибека, а слѣд., могильники эти можно отнести къ XIV или XV ст. Но, прежде чѣмъ заняться обзоромъ этого могильника, я предпочитаю остановиться прежде всего на томъ могильникѣ, который относится къ болѣе новому времени и притомъ по своему характеру выдѣляется рѣзко отъ остальныхъ. Я подразумѣваю здѣсь тотъ могильникъ, который находится у самой Раевской станицы, на пересѣченіи двухъ дорогъ—Новороссійской и Баканской. Остановлю вниманіе только на раскопкѣ большаго, самаго характернаго кургана.

Особеннымъ образомъ устроенный срубъ или гробъ изъ толстыхъ бревенъ, заливка известью поверхности надъ гробомъ—все это указываетъ на какое-то чуждое другимъ могильникамъ погребеніе. Въ данномъ случаѣ занятіе чужой могилы или насыпи является несомнѣннымъ: оно подтверждается существованіемъ въ краю кургана другаго погребенія, относящагося къ бронзовому вѣку, а также нахожденіемъ въ центрѣ кургана, въ другомъ слоѣ, каменной кладки, не имѣющей никакой связи съ деревяннымъ гробомъ; наконецъ, на это же указываютъ наблюденія надъ рыхлостью слоевъ земли, лежащими надъ гробами. Время этого погребенія прекрасно опредѣляютъ сосуды, найденные при покойникѣ и изображенные на фот. XVII.

Двѣ маленькія чашки отличаются формой обычныхъ на Востокѣ *кофейныхъ* чашекъ; одна изъ нихъ, изображенная слѣва, по рисунку и краскамъ принадлежитъ несомнѣнно къ издѣліямъ Персіи (ф. 2); другая расписана одноцвѣтной голубой краской въ китайскомъ вкусѣ и даже имѣетъ на донышкѣ китайское клеймо (ф. 3); но, несмотря на это клеймо, ее смѣло можно отнести также къ персидскимъ издѣліямъ, такъ какъ ея форма и техника скорѣе подходятъ къ издѣліямъ этой страны, причемъ нужно принять во вниманіе также и нахожденіе ея вмѣстѣ съ другой, несомнѣнно персидской чашкой. Ея китайскій вкусъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Персіи, при шахѣ Аббасѣ, въ эпоху особеннаго процвѣтанія керамическаго производства мѣстныя издѣлія въ большемъ количествѣ подражали китайскимъ издѣліямъ или поддѣлывались

совершенно на манеръ китайскій *). Такимъ образомъ, обѣ чашки, по моему мнѣнію, относятся къ XVII ст. Что же касается до кувшина, изображеннаго посреди чашекъ, то онъ, хотя и отличается персидскимъ стилемъ, но скорѣе можетъ быть отнесенъ къ типу родосскихъ сосудовъ: прекрасный синій цвѣтъ, сильная обрисовка чернымъ цвѣтомъ контуровъ, такъ же какъ и самая форма очень роднятъ его съ сосудами Родоса, находящимися въ коллекціяхъ музея Кюни и въ музеѣ Кенсингтонскомъ. Такимъ образомъ, если отнести этотъ сосудъ къ родосскимъ издѣліямъ, представляющимъ особый варіантъ персидскаго стиля, то время его можно также опредѣлить XVII столѣтіемъ, причемъ нужно замѣтить, что степень сохранности и характеръ другихъ предметовъ этой раскопки подходятъ сильно къ этой датѣ.

Нельзя не замѣтить, какъ въ вещахъ, такъ и въ самой конструкціи могилы, совершенно особеннаго характера, не встрѣченнаго въ другихъ могильникахъ, а это обстоятельство даетъ право отнести какъ большой курганъ, такъ и весь могильникъ къ какому-то пришлому народу, появившемуся здѣсь, такъ сказать, эпизодически, случайно.

Уже тотъ фактъ, что черкесы называли изслѣдованное мною городище „Ногайской крѣпостью“ (Ногай-кале) доказываетъ самъ по себѣ, что Ногайцы появлялись и, быть можетъ, пытались утвердиться въ этихъ мѣстахъ. Въ сочиненіи, которое Чертковъ приписываетъ Пейссонелю, „*Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne*“ — на стр. 23 **), авторъ, перечисляя племена Ногайцевъ говоритъ, что эти племена занимаютъ всю долину отъ Лабы до Чернаго моря, вдоль по теченію Кубани. Далѣе авторъ прибавляетъ: „*Ces Nogays se retirèrent dans ce pays lors de la conquête d'Astrakhan*“.

Цитированный уже мною Жанъ де Люкъ (1625), упоминая о томъ, что татары ежегодно, ради рабовъ, дѣлаютъ нападеніе на черкесовъ, добавляетъ также: „И ногайцы часто съ тою же цѣлью производятъ сюда набѣги. Постоянное безпокойство, которое причиняютъ имъ (черкесамъ) татары и ногайцы приучило ихъ къ войнѣ и сдѣлало изъ нихъ лучшихъ наѣздниковъ во всѣхъ этихъ странахъ“.

Приведенныя мною мѣста этихъ двухъ писателей о Кавказѣ уже достаточно объясняютъ возможность появленія Ногайцевъ въ этомъ краѣ. Кромѣ того, если обратить вниманіе на пирамидальную, высокую на-

*) «*Voyages de Monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient*», Amsterdam, 1711, стр. 80—81. «*Persian art*» by Mayor R. Murdoch Smith. Стр. 6—31.

**) Paris, 1797.

сыпку большого кургана, на расплывчатые формы малых, на отсутствие камня въ устройствѣ насыпи изъ чернозема, — то нельзя не предположить въ этихъ курганахъ могильныхъ сооружений степнаго характера, но такого, гдѣ чувствуется привычка пользоваться и лѣсомъ.

Что же касается предположеній о родосскомъ происхожденіи кувшина, то возможность такого факта является неудивительной, если вспомнить связь сѣвернаго Предкавказья съ Крымомъ, а сношенія Крыма съ Родосомъ подтверждаются уже историческими данными: Родосъ между прочимъ былъ мѣстомъ ссылки крымскихъ хановъ, которыми были недовольны турецкіе султаны *).

Связь Ногайцевъ съ Астраханью дѣлаетъ, съ другой стороны, вполне возможнымъ появленіе здѣсь сосудовъ временъ шаха-Аббаса.

Не останавливаясь далѣе на этомъ могильникѣ, по всему вѣроятію, начала XVII вѣка, я перехожу къ обзору вещей могильниковъ, датированныхъ XIV или началомъ XV вѣка.

Изъ числа вещей этихъ двухъ могильниковъ (на землѣ Карпенки и на землѣ Полонскаго) прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на головныя украшенія изъ серебряныхъ пластинокъ. Первое изъ нихъ представлено въ трехъ фрагментахъ, въ натуральную величину (фот. XIII, ф. 1). Рельефъ украшеній выбитъ съ исподней стороны (*geroussé*); сохранилось 3 крупныхъ медаліона съ рельефнымъ изображеніемъ (не очень яснымъ) — фигуры, какъ мнѣ кажется, зайца съ другимъ какимъ-то звѣремъ. Фонъ изображенія сохранилъ слѣды позолоты. Эти слитныя изображенія животныхъ, обыкновенно въ борьбѣ, встрѣчаются въ скиѣскихъ могилахъ, въ Сибири, въ Средней Азій, въ искусствѣ Сассанидовъ и Арабовъ. Медаліоны эти отдѣляются другъ отъ друга четырьмя полушариками, расположенными крестообразно.

Сравненіе этой діадимы съ другой, найденной въ могильникѣ Полонскаго (фот. XV, фиг. 1), можетъ указать и на общее ихъ сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыя отличія: первая діадима сдѣлана изъ хорошаго серебра, сохранившаго слѣды позолоты, по звѣринымъ изображеніямъ сохраняетъ черты архаичности и отличается вообще прекрасной техникой. Вторая діадима, напротивъ, довольно грубой техники и сдѣлана изъ плохаго серебра. Общее ихъ сходство выражается, главнымъ образомъ, въ выпуклыхъ полушарикахъ, расположенныхъ крестообразно и въ бордюрѣ по краямъ, образованномъ изъ ряда мел-

*) «Въ 1088 г. (гедры) Селимъ-Гирей-Ханъ былъ низложенъ за приписанную ему неудачу Чигиринской экспедиціи и въ слѣдующемъ году посланъ на житье въ Родосъ». (Извлеченіе изъ турецкой рукописи, записки Одесск. Общ. Ист. древн., томъ I, 1844 г.).

кихъ полушариковъ. Такого рода выпуклый орнаментъ относится къ весьма примитивной техники обработки металловъ и является въ эпоху господства бронзоваго вѣка и въ слѣдующія за нимъ эпохи; такъ между прочимъ въ Историческомъ музеѣ хранится коллекція Н. И. Булычева изъ раскопокъ городища въ Калужской губ., Мосальскаго уѣзда; среди вещей этой коллекціи, украшенныхъ эмалью, такъ наз. „меровингскаго стиля“, обращаютъ на себя вниманіе діади́мы изъ бронзовыхъ пластинокъ, украшенныя орнаментомъ изъ выбитыхъ полушариковъ. Этотъ орнаментъ весьма сходенъ, какъ и самыя бронзовыя пластинчатыя діади́мы, съ найденными мною подобными украшеніями. Въ данномъ случаѣ архаичность орнамента указываетъ на древность употребленія подобнаго рода головныхъ украшеній, найденныхъ при томъ въ двухъ могильникахъ.

Что же касается различія техники, то это различіе замѣчается вообще въ разнаго рода найденныхъ серебряныхъ украшеніяхъ: такъ напр. на фот. XIII, фиг. 2, представленъ фрагментъ украшенія въ формѣ лунницы изъ серебряной пластинки, обведенной по краямъ сканной веревочкой и въ срединѣ образующей трилистникъ.

Работа этой лунницы очень тонкая; поле листочковъ сохранило ясныя слѣды позолоты. Близко подходитъ къ этой работѣ и большая дутая пронизка или, скорѣе, пуговица изъ серебра, формой напоминающая оливу (фиг. 3); она украшена на поверхности лунницами изъ сканной веревочки, а посрединѣ пояскомъ изъ скани съ рядомъ отверстій. Одна верхушка ея отломана и представлена отдѣльно (фиг. 4). Всѣ эти вещи можно отнести къ хорошимъ арабскимъ издѣліямъ. Другимъ характеромъ техники отличается талисманъ ромбической формы съ тремя серебряными грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ (фиг. 6). Съ другой стороны ромба вставлены двѣ стеклянныя ромбическія пластинки, между которыми сохранился еще какой-то бурый порошокъ. Скань, которою украшены привѣски, отличается болѣе грубой работой, сравнительно со сканью прежде упомянутыхъ вещей. Такой же сравнительно грубой техникой отличается и колечко съ тремя привѣсками (фиг. 7). Привѣски эти, а также и серебряныя пуговицы, представленные на фототипіи очень напоминаютъ такого же рода предметы, открытые проф. Самоквасовымъ въ курганахъ близъ Пятигорска (Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ). Вообще эти вещи скорѣе можно отнести къ издѣліямъ среднеазиатскимъ чѣмъ арабскимъ.

Разсказъ Ибнбатуты о Маджарахъ, о Сараѣ, объ Астрахани указываетъ на возможность вліянія среднеазиатскихъ вкусовъ на жителей

сѣвернаго Кавказа, въ эпоху могущества Золотой Орды. Притомъ же въ самихъ Маджарахъ живутъ факиры изъ Аравіи, Евреи изъ Андалузіи, а изъ Бухары являются даже проповѣдники *).

Серьга № 16 напоминаетъ нѣсколько серьги, находимыя въ курганахъ центральной Россіи, но техника ея гораздо грубѣе, а вставленная бирюза указываетъ скорѣй всего на привозъ ея также изъ Средней Азіи. Формы серегъ (№ 17 и № 20), отличаясь также грубостью техники, представляютъ собою весьма древнія восточныя формы, ведущія свое начало отъ временъ финикійскихъ **). Вторая серьга, украшенная серебрянымъ конусомъ (другой половинки не сохранилось) представляется характерной для этой мѣстности — форма эта встрѣчается часто въ курганахъ Цемесской долины. Вообще многія формы серегъ, изображенныхъ на обоихъ фототипіяхъ, отличаются архаическимъ вкусомъ передней Азіи.

Дѣтская маленькая серьга изъ золотой проволоки съ жемчужиной по простотѣ своей техники и узелку можетъ быть отнесена также къ древнимъ типамъ — она встрѣчается также въ византійскихъ могилахъ VIII—IX в. приблизительно ***). Спиральное кольцо, изображаемое на той же фототипіи (фиг. 22 и 23), а также на фототипіи XIV (фиг. 14), относясь къ наиболѣе характернымъ предметамъ могильниковъ этой мѣстности, сохраняетъ архаическую форму, принадлежащую первымъ временамъ обработки металловъ; но, сохраняя свою древнюю форму, кольцо въ техническомъ отношеніи отличается новыми приѣмами: она состоитъ изъ серебра съ небольшою примѣсью олова и покрыта позолотой или цѣлой тонкой пластинкой золота; концы обрублены, но размѣръ колецъ одинаковъ.

Вѣроятно первоначально эти кольца дѣлались изъ толстой золотой проволоки: такъ въ сочиненіи Монтеліуса — „La Suède préhistorique“ на стр. 112 помѣщено изображеніе подобнаго же совершенно кольца, но сдѣланнаго изъ золота; кольцо это отнесено къ эпохѣ „Le moyen âge du fer“ и на основаніи обрубленныхъ концовъ авторъ объясняетъ его назначеніе тѣмъ, что оно могло служить вмѣсто денегъ для расплаты посредствомъ отрубанія частей. Между тѣмъ Шлиманнъ, нашедшій въ своихъ раскопкахъ подобнаго типа золотыя кольца, считаетъ, что они

*) Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, томъ I, стр. 287. Бкр. В. Г. Тизенгаузена. 1884 г. С.-Петербургъ.

**) «Les bijoux»—Fontenay.

***) Коллекція Историческаго Музея—изъ раскопокъ въ Оріандѣ, Великаго Князя Сергія Александровича.

употреблялись для поддерживанія локоновъ волосъ и для подтвержденія своего мнѣнія приводитъ стихъ изъ Иліады (Шюс, стр. 553). Въ Босфорскихъ древностяхъ подобной формы кольца являются украшенными пирамидками изъ шариковъ по концамъ. Въ Кобанскомъ могильникѣ спираль съ завитками на концахъ и болѣе плосковатой формы, если и отличается совершенно инымъ характеромъ стили, но какъ спираль могла имѣть служебное назначеніе, подобно нашимъ кольцамъ.

Во всякомъ случаѣ объясненіе Монтеліуса нельзя считать вѣроятнымъ, уже и потому, что самая спиральная форма вовсе неудобна для отрубанія частей. Всѣ эти различія въ техникѣ, не затрогивающія формы, указываютъ, по моему мнѣнію, съ одной стороны, на различіе въ средствахъ собственниковъ этихъ колецъ, а съ другой — на распространенность этой архаической формы украшенія. Нужно также замѣтить, что, по раскопкамъ, эти кольца можно причислить къ женскому наряду, причемъ они могли служить аграфомъ, въ который продѣвались концы легкой ткани покрывала или фаты или какой-либо подобной одежды. Кольцо этихъ въ трехъ могильникахъ (Карпенки, Ткачева и Полонскаго) найдено до 8 экземпляровъ.

Наборъ серебряный отъ пояса, изображенный на той же таблицѣ (№№ отъ 27—33), судя по формамъ бляхъ, выражаетъ восточный вкусъ; что же касается орнамента, то подобные мотивы завитковъ встрѣчаются и въ византійскомъ искусствѣ, напр., у Лабарта *).

Серебряный перстень, найденный козакомъ въ томъ же могильникѣ, изображенъ подъ № 35, а сдѣланный оттискъ на гипсовой пластинкѣ со щитка изображенъ подъ № 36; № 37 — представляетъ гипсовый оттискъ съ боковаго украшенія перстня. Изображенный на щиткѣ крестъ съ двумя звѣздочками, а внизу латинская надпись, но готическими буквами „In nomine Dei“ — указываетъ такъ же какъ и орнаментъ но генуэзское или вообще италіанское происхожденіе этой вещи, а по времени можетъ относиться къ XIV и не позже XV вѣка. Нельзя не вспомнить при этомъ, что невдалекѣ отъ мѣстности этого могильника находится небольшая бухта Сукко (Golfo di Zusso), которая, вѣроятно, была въ средніе вѣка генуэзской факторіей. Нахожденіе этого кольца въ языческомъ могильникѣ представляется фактомъ случайнымъ и нисколько не указываетъ на погребеніе тамъ христіанина — по крайней мѣрѣ, ни вещи, найденныя съ кольцомъ, ни другіе признаки погребенія нисколько не указываютъ на христіанство.

*) Ср. Couverture d'un manuscrit grec de la bibliothèque de Sienne («Histoire des arts industriels au moyen âge»).

Наконецъ, изъ вещей, помѣщенныхъ на фот. XV, мнѣ остается упомянуть о бронзовомъ наперсткѣ.

Кромѣ могильника г. Полонскаго подобные наперстки найдены еще въ могильникѣ Карпенки — всего до шести экземпляровъ. Совершенно сходные наперстки мнѣ пришлось встрѣтить въ Сень-Жерменскомъ музеѣ *).

Такъ же часто, какъ и наперстки, въ могильникахъ этого рода встрѣчаются желѣзные ножницы. Кромѣ могильника Карпенки и Полонскаго ножницы найдены мною въ могильникѣ близъ селенія Береговаго. Проф. Самоквасовымъ подобныя ножницы были найдены, при его раскопкахъ, въ курганахъ Пятигорскаго округа **). Вообще ножницы очень часто встрѣчаются въ курганахъ Кавказа.

Какъ наперстки, такъ и ножницы должны быть отнесены къ предметамъ женскаго рукодѣлія. Къ такого же рода предметамъ относятся и кабаньи клыки, встрѣчающіеся также часто въ подобнаго рода могилахъ; эти клыки служили, по всему вѣроятію, для разглаживанія позументовъ и тому подобныхъ украшеній, вообще замѣняли до нѣкоторой степени нашъ утюгъ: подобная служебная роль клыковъ сохранялась до послѣдняго времени у черкесовъ. Изображенія этихъ наперстковъ находятся на фототипіяхъ XIV (№ 12 и 13) и XV (№ 34). Изображенія ножницъ находятся на фот. XIV (17). Къ женскому туалету должно отнести и тѣ пять зеркалъ, которыя мною найдены въ двухъ вышеупомянутыхъ могильникахъ. Зеркала эти очень однообразны: отлитыя изъ особеннаго металлическаго сплава, имѣютъ форму диска, полированнаго съ одной стороны и безъ всякихъ орнаментовъ съ другой. Вообще, они весьма характерны для XIV — XV столѣтій и, вѣроятно, относятся къ привознымъ вещамъ изъ средней Азіи (фот. XIV, 18).

Что касается до бусъ, найденныхъ мною въ упомянутыхъ могильникахъ, я останавливаю вниманіе на многогранной бусѣ изъ бѣлаго стекла (фот. XIV, 1). Подобныя стеклянныя бусы встрѣчаются въ коллекціяхъ вещей изъ раскопокъ г. Ивановскаго (С.-Петербургской губ.), но тамъ онѣ гораздо меньшаго размѣра. Буса подъ № 2 на той же фот. представляетъ глиняную массу, формы оливки, украшенную по поверхности поливнымъ узоромъ. Какъ техника у этой бусы, такъ и цвѣта поливы — свѣтло-желтый, черный и коричневый — позволяютъ сбли-

*) Salle de comparaison (vitrine 56); objets en bronze de la forêt de Compiègne.

**) Труды 5-го Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

зять эту бусу съ поливными фрагментами, найденными мною близъ Сухума.

По сходству вещей и по характеру погребенія къ описаннымъ двумъ могильникамъ ближе всего подходятъ: могильникъ близъ хутора Ткачева (стан. Раевская), могильникъ въ Цемесской долині и могильникъ въ селеніи Кабардинскомъ. Сходство всѣхъ этихъ могильниковъ выражается, главнымъ образомъ, не только въ устройствѣ гробницъ и нѣкоторыхъ общихъ чертахъ погребенія, но и въ совершенномъ подобіи нѣкоторыхъ характерныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, типъ серебряной серьги (фот. XIII, 20) встрѣчается нерѣдко въ гробницахъ Цемесской долины, точно также, какъ и типъ другой серьги, (фот. XV, 14). Украшенія на платьѣ въ формѣ плетеныхъ жгутиковъ, найденныя мною въ могильникѣ Карпенки (фот. XIII, 11), попадаются и въ могильникѣ Цемесской долины. Кромѣ того, въ Цемесской же долині, одна раскопанная мною могила, кромѣ другихъ вещей, дала еще слѣдующія желѣзные вещи (фот. XII): нѣсколько стрѣлъ, нѣсколько ножей и три пилы. Одна изъ нихъ представляетъ узкую длинную пластинку, зубчатую съ одной стороны и съ загнутыми въ разныя стороны концами (фиг. 9). Другая—съ широкимъ и короткимъ лезвіемъ, закругленнымъ съ одной стороны, съ другой сохранила желѣзную петлю и слѣды дерева отъ рукоятки *) (фиг. 10). Фиг. 11 той-же фототипіи представляетъ кривой ножикъ съ зубчатымъ лезвіемъ.

Къ столярнымъ же инструментамъ можно отнести и фрагментъ ножа съ выгнутымъ на концѣ лезвіемъ (фиг. 12). Такого рода инструментъ могъ служить для выстругиванія дерева вглубь, наприм., при обработкѣ ложки.

Курганъ того же могильника, описанный мной на стр. 78—79, считаю болѣе правдоподобнымъ отнести къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ предшествовавшіе курганы: могила, высѣченная въ скалѣ, примитивное устройство склепа и безпорядочная засыпка щебнемъ—все это признаки, представляющіе въ большей свѣжести архаическія черты погребенія, и дающіе право выдѣлить эту могилу среди другихъ, описанныхъ выше.

Нѣсколько большею древностью также отличается, по моему мнѣнію, и гробница Мысхако, въ которой найдено мною два скелета. Эти скелеты лежали въ порядкѣ, сравнительно съ скелетами, напримѣръ,

*) Подобная пила встрѣчается въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, см. въ сочиненіи Дезора.

могильника Карпенки: оба лежали въ извѣстномъ направленіи, головами въ одну сторону. Что же касается найденныхъ тутъ же вещей, то изъ нихъ я считаю наиболѣе интересными фрагменты костяныхъ пластинокъ, покрытыхъ рѣзбой и служившихъ украшеніемъ деревяннаго колчана. Фрагменты эти изображены на фот. X. Одни фрагменты повторяютъ на рубчатомъ фонѣ, сдѣланное контуромъ вглубь, изображеніе козла или, быть можетъ, другаго подобнаго звѣря. Изображеніе это очень стильно, потому что характерныя формы звѣря передаются прямыми линіями (1—5). № 12 и 13 представляютъ фрагменты съ орнаментомъ изъ смѣлыхъ завитковъ, доказывающихъ, что рука художника была опытна въ изгибахъ кривыхъ линій, когда эти линіи касались орнамента, но тотъ же художникъ боязливо избѣгалъ кривыхъ линій въ изображеніяхъ животныхъ. Потому-то эти костяныя пластинки прежде всего можно отнести къ издѣліямъ мусульманскимъ.

Отечество художника, по моему мнѣнію, выясняется слѣдующими фактами: въ 1887 году г. Нефедовъ производилъ раскопки по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Тургайской области, гдѣ, между прочимъ, въ одномъ изъ кургановъ нашелъ подобныя же пластинки отъ колчана. Рѣзныя украшенія этихъ пластинокъ поразительно сходны съ найденнымъ мною въ гробницѣ Мысхако: тотъ же зубчатый поясокъ, того же стиля завитки и также черной массой заполнены углубленія контуровъ. Можно думать, что рука одного и того-же художника украшала эти колчаны, найденные въ двухъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга могилахъ. Настоящимъ лѣтомъ А. Н. Харузинъ, производившій раскопки въ степяхъ Букеевской Орды, также нашелъ украшенія, вѣроятно, отъ колчана, хотя и сдѣланные изъ бересты, но сходныя по стилю съ только что описанными *).

Рис. 49.

На той-же фототипіи подъ № 11 изображенъ орнаментъ, состоящій изъ зубчатыхъ заостренныхъ завитковъ, обращенныхъ въ противоположныя стороны. Подобный мотивъ орнамента встрѣчается въ извѣстномъ изданіи Симакова „Искусство Средней Азіи“. Прилагаемый здѣсь для сравненія рисунокъ взятъ изъ этого изданія (рис. 49). Кромѣ того, въ томъ же изданіи помѣщены рисунки тканей, украшенныхъ изображеніями верблюдовъ; контуры этихъ животныхъ обозначены также прямыми линіями. И въ этомъ отношеніи, эта манера

*) Коллекція г. Харузина передана въ Историческій Музей.

изображенія животныхъ совершенно сходствуетъ съ рисунками животныхъ на найденныхъ мною пластинкахъ. Въ изображеніи верблюдовъ подобнаго рода прямолинейность контуровъ могла зависѣть отъ требованій ткацкой техники *).

Такимъ образомъ, выяснивъ родство найденныхъ мною вещей съ издѣліями Средней Азіи, я считаю возможнымъ предположить, что найденный мною колчанъ относится не къ мѣстному издѣлію, а къ предметамъ привознымъ. Время привоза можно, съ вѣроятіемъ, отнести ко времени процвѣтанія Золотой Орды, при посредствѣ которой сношенія средне-азіатскихъ степей съ Кавказомъ отличались особымъ оживленіемъ.

Что же касается до наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ вмѣстѣ съ остатками колчана, то они, отличаясь листовидной формой и снабженные стержнемъ, а не трубкой, относятся по типу къ такъ называемымъ „площикамъ“ **). Фиг. 21 изображаетъ наконечникъ стрѣлы съ расширеннымъ концомъ, который могъ употребляться для охоты и который можетъ быть отнесенъ къ разряду стрѣлъ „срѣзней“.

Предполагаемая мною бѣльшая древность этой могилы не можетъ имѣть большой разницы въ датахъ сравнительно съ вышеописанными, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ древность предметовъ связывается съ эпохой Золотой Орды.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить того факта, что наконечники стрѣлъ, подобные описаннымъ мною, только и встрѣтились еще разъ въ могильникѣ Карпенки, и то въ количествѣ двухъ экземпляровъ (фот. XIV, 19 — 20). Въ могилахъ же Цемесской долины и въ лѣсномъ могильникѣ близъ Геленджика найденныя мною стрѣлы отличаются отчетливой ромбической формой и также снабжены стержнями.

Къ той-же категоріи описанныхъ мною могильниковъ мнѣ кажется возможнымъ отнести и могильникъ на сѣверномъ берегу Гелинджикской бухты. Что-же касается до могильника, лежащаго на востокъ отъ бухты въ лѣсу, то его можно выдѣлить въ особую группу по формамъ погребенія и по особенному характеру найденныхъ въ немъ вещей. Изъ послѣднихъ особое вниманіе на себя обращаютъ сравнительно большое количество предметовъ, относящихся къ оружію: такъ, въ двухъ могилахъ найдено восемь наконечниковъ ромбическихъ желѣзныхъ стрѣлъ,

*) Въ Историческомъ Музеѣ находятся бронзовыя грушевидныя привѣски къ серьгамъ, украшенные такимъ же орнаментомъ—онѣ происходятъ изъ Афросіабы.

**) См. статью Анучина: Въ Трудахъ Одесскаго съѣзда — «О древнемъ луиѣ и стрѣлахъ».

длинный наконечникъ копья, лезвіе широкаго кинжала или меча, особой формы сѣкира съ удлинненнымъ нижнимъ концомъ лезвія (рис 50). Это послѣднее оружіе можно считать особенно рѣдкимъ, такъ какъ всего одинъ разъ и встрѣтилось въ моихъ раскопкахъ; по своей формѣ оно врядъ-ли можетъ относиться къ предметамъ туземнаго вооруженія.

Рис. 50.

Къ сожалѣнію, въ этомъ могильникѣ мнѣ не удалось напасть на женское погребеніе, которое, по всему вѣроятію, доставило-бы больше фактовъ для характеристики этого интереснаго могильника.

Раскопанная мною женская могила въ большомъ могильникѣ, близъ Новороссійска, по дорогѣ въ Мысхако, можетъ быть, по всему вѣроятію, отнесена приблизительно къ XII вѣку, какъ какъ въ числѣ найденныхъ мною нѣсколькихъ бусъ находятся двѣ бусы изъ египетской пасты бирюзоваго цвѣта. Подобныя бусы въ значительномъ количествѣ встрѣчаются въ раскопкахъ г. Ивановскаго (С.-Петербургской губ.), гдѣ онѣ безъ сомнѣнія представляютъ предметъ привозный съ востока и могутъ быть съ достовѣрностью отнесены, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣку.

Кстати здѣсь же мнѣ слѣдуетъ упомянуть о вещахъ, найденныхъ въ Мысхако, на хуторѣ г. Пенчула, изображенныхъ на таблицѣ № 6 и на фототипіи № 11. По характеру своему эти вещи относятся къ совершенно различнымъ эпохамъ, иногда раздѣленнымъ между собою большими промежутками времени. Къ предметамъ болѣе древнимъ можно отнести слѣдующіе: алавастръ (рис. 13), выдѣланный изъ стекляннаго сплава разныхъ цвѣтовъ — темнаго, бѣлаго и желтаго. Какъ по технике, такъ и по формѣ сосудикъ этотъ относится ко временамъ античной древности, представляя собою издѣліе либо финикійской фабрики, либо предметъ греко-римской эпохи. Замѣчу, впрочемъ, что производство финикійскихъ стеклянныхъ издѣлій продолжалось и въ средніе вѣка, какъ свидѣтельствуется объ этомъ Бенжаменъ Тудельскій *).

Большимъ характеромъ древности, по моему мнѣнію, отличается и нитка бусъ (фиг. 4), составленная изъ маленькихъ каменныхъ цилиндриковъ и круглыхъ сердоликовыхъ бусъ. Онѣ напоминаютъ бусы изъ раскопокъ г. Цилоссани въ Дилижанскомъ ущельѣ (Рѣдинъ лагерь). Сюда же относится круглое тонкое зеркало изъ бронзы, также древ-

*) Бенжаменъ Тудельскій говоритъ, что число евреевъ въ Тирѣ доходитъ до 500. Многие имѣютъ корабли для торговли; d'autres y font le beau verre de Tyr — le plus curieux et le plus estimé du monde.

ного типа (фиг. 12). Подобныя зеркала найдены мною въ большомъ курганѣ, въ станицѣ Натухайской и въ городищѣ „Ногай-Кале“, близъ станицы Раевской. Къ тому же времени приблизительно можно отнести и глиняную урну и наконечникъ желѣзнаго копья (таб. 6, фиг. 3—4). Глиняная урна представляетъ собою обычную античную форму этихъ сосудовъ, а листовидная форма копья съ стержнемъ вдоль лезвія напоминаетъ технику бронзовыхъ орудій этого рода.

Къ болѣе позднему времени можно отнести бронзовую фибулу (фот. XI, 11), по формѣ своей относящуюся къ началу среднихъ вѣковъ, приблизительно IV — V вѣкѣ. Подобная фибула находится въ Британскомъ музеѣ, въ числѣ керченскихъ находокъ. Въ болѣе украшенномъ и осложненномъ видѣ фибула эта встрѣчается въ южной Россіи и въ западной Европѣ.

Безспорно къ X вѣку относится серебряный арабскій диргемъ *). Крестикъ-тѣльникъ изъ спруда (14) можетъ быть отнесенъ къ XI—XII вѣку, такъ какъ подобнаго типа крестики встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи и изображены въ изданіи Прохорова—„Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“.

На фототипіи XXVI представлены четыре стеклянныхъ сосуда въ формѣ мензурокъ, встрѣчающихся довольно часто въ могильникахъ кавказскаго побережья. Изъ нихъ фиг. 3 изображаетъ сосудъ, найденный въ Мысхако. На немъ болѣе ясно сохранился орнаментъ, въ сравненіи съ сосудами фиг. 1 и 2. Орнаментъ этотъ представляется весьма характернымъ, а потому можетъ удобно служить къ опредѣленію стиля и времени этого сосуда. Сосудъ на внѣшней поверхности своей украшенъ двумя поясками. Пояски эти состоятъ изъ сплошнаго узора, сдѣланнаго отъ руки, тонкими линіями краснаго цвѣта, напоминающими совершенно арабскія надписи. Ниже этихъ двухъ поясковъ сосудъ былъ украшенъ рядомъ птицъ, бойко нарисованныхъ тѣмъ же краснымъ контуромъ. Сосудъ фиг. 4 украшенъ широкимъ пояскомъ, на которомъ, вслѣдствіе плохой сохранности стекла, съ трудомъ можно отличить крупную арабскую надпись на золотомъ фонѣ. Поясокъ, кромѣ того, украшенъ круглыми медаліонами съ голубымъ фономъ. Въ Британскомъ музеѣ (Glas und mayolica room) сохраняется богатая коллекція стеклянныхъ арабскихъ сосудовъ, относимыхъ къ XIII столѣтію. Въ числѣ этой коллекціи находится сосудъ, совершенно подобный найденному въ Мысхако. На немъ также узорные пояски, сдѣланы крас-

*) Диргемъ г. Трутовскій относитъ къ X вѣку.

нымъ контуромъ и напоминаютъ арабскую надпись. Но вмѣсто птицъ тамъ изображены рыбы. Стилъ этихъ изображеній такъ сходенъ со стилемъ изображеній птицъ, что можно было бы оба рисунка приписать одной и той же смѣлой и опытной рукѣ. Въ той же коллекціи находится древняя стеклянная, богато украшенная орнаментомъ, лампада, изображеніе которой можно найти въ описательномъ каталогѣ Кенсингтонскаго музея *).

Роскошные орнаменты этой лампы представляютъ полное сходство по краскамъ, по технику и по стилю съ нашимъ сосудомъ № 4. Это сходство даетъ полное право предположить, что найденные мною стеклянные сосуды относятся къ XIII — XIV стол. и представляютъ собою предметы арабской индустріи. Припоминая мѣста находокъ стеклянныхъ издѣлій, районъ которыхъ заключается отъ Сухума до Анапы, можно смѣло высказать мнѣніе, что все это побережье, въ упомянутую мною эпоху, находилось въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами Египта. На это, между прочимъ, можно найти указаніе въ „Сборникѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды“ (изд. бар. Тизенгаузена) и въ сочиненіи „Geschichte des Levantehandels im Mittelalter“ von Heyd.

Другія же вещи изъ числа найденныхъ въ Мысхако, какъ-то: стрелы, копья, сабли относятся, по всему вѣроятію, къ болѣе позднему времени.

Вообще уже одно хронологическое различіе упомянутыхъ мною вещей можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, что вокругъ небольшой бухточки Мысхако, у подножія выдающейся въ море горы, со временъ античной древности жило значительное населеніе, и мѣстность эта была оживлена разнообразными торговыми сношеніями. До послѣдняго времени у черкесовъ сохранялась память о томъ, что мѣстность эта служила нейтральнымъ пунктомъ для торговыхъ иноземныхъ судовъ; указаніемъ этой мѣстности съ моря служили отдѣльно стоящія на высокомъ берегу деревья особой формы **).

По моему мнѣнію, на древность населенія въ Мысхако указываютъ, изслѣдованныя мною въ той же мѣстности, могилы съ сожженіемъ. Такого рода погребеніе относится, безъ всякаго сомнѣнія, къ болѣе древ-

*) A descriptive catalogue of the glass vessels—of Nesbitt.

Лабартъ въ своемъ сочиненіи «Les Arts industriels» представляетъ рисунокъ, весьма сходнаго по орнаментамъ и технику съ лампадой, сосуда съ узкимъ горлышкомъ и относитъ этотъ сосудъ къ издѣліямъ византійскимъ. Нельзя не замѣтить поразительнаго сходства этого сосуда съ упомянутой лампадой, которая безспорно относится къ издѣліямъ Каира.

**) Разсказъ Пенчула, владѣльца этой мѣстности.

нимъ временамъ, чѣмъ погребеніе въ описанныхъ мною гробницахъ въ той же мѣстности. Изъ вещей, найденныхъ мной въ двухъ погребальныхъ урнахъ, я напому о прямомъ массивномъ клинкѣ меча, типъ котораго въ другихъ позднѣйшихъ могилахъ не встрѣчается; о короткой листовидной стрѣлкѣ, несходной съ типами другихъ стрѣлокъ, хотя и листовидныхъ. Найденные тутъ же куски кольчуги также выдѣляютъ это погребеніе отъ другихъ могилъ этого края. Хотя, съ другой стороны, фактъ нахожденія фрагментовъ кольчуги удаляетъ это погребеніе отъ античной древности и скорѣе даетъ поводъ его отнести ближе къ 10 вѣку.

Изъ вещей, найденныхъ въ подобномъ же могильникѣ съ сожженіемъ у Геленджикской бухты я напому о двухъ глиняныхъ черепкахъ, округленной формы, со сверлиной посреди, о кускахъ обожженного огнемъ коралла *), о пронизкѣ изъ халцедона. Подобные предметы въ другихъ могильникахъ не встрѣчались, точно такъ же, какъ и найденная здѣсь глиняная пряслица.

Что касается формы самихъ погребальныхъ урнъ, то въ большинствѣ случаевъ эти формы имитируютъ греческую остроконечную амфору, хотя на стр. 66 моего отчета, на рис. 16, изображенная погребальная урна отличается совершенно другой, грушевидной формой. Подобной формы сосудъ найденъ мною въ раскопкахъ городища близъ Цымлян-ской станицы, на Дону. Оба сосуда указываютъ на восточный вкусъ **).

Вообще, сравнивая глиняныя издѣлія, добытыя въ могилахъ съ сожженіемъ, и не только урны, но и черепки съ сверлиной, съ сосудами, найденными мною во многихъ могилахъ съ каменными гробницами, нельзя не замѣтить въ техникѣ большой разницы: послѣдніе сосуды отличаются большимъ однообразіемъ формъ, плохой обжогою, иногда сдѣланной безъ гончарнаго круга (сел. Береговая), толстыми грубыми стѣнками, тогда какъ глиняныя издѣлія изъ жженныхъ гробницъ сохраняютъ въ большей или меньшей степени, какъ по формѣ, такъ и по техникѣ, традиціи временъ античныхъ. На эти же традиціи, по моему мнѣнію, указываетъ и самый способъ погребенія — сожженіе, которое безъ сомнѣнія на этихъ берегахъ Кавказа ведетъ свое начало отъ временъ греко-римскихъ и о которомъ у современныхъ черкесовъ не сохранилось никакихъ преданій.

*) Соломонъ Рейнахъ считаетъ украшенія изъ коралловъ характерными для галло-римской эпохи (каталогъ С. Жерменскаго музея).

**) На стр. 101 отчета, рис. 22 изображаетъ также урну; найденную съ жженными костями, которую, мнѣ кажется, можно отнести къ римской эпохѣ.

Наконецъ, мнѣ остается перейти къ могильникамъ, которые выдѣляются отъ всѣхъ прочихъ своимъ особымъ характеромъ погребенія. Могильники эти, уже описанные мною, находятся близъ городища Ногай-Кале и на хуторѣ казака Кобзы. Прежде всего напомнимъ о томъ, что въ этихъ могильникахъ погребеніе совершалось въ деревянной колодѣ, и рядомъ съ покойникомъ погребалась его осѣдланная лошадь. Изъ характерныхъ вещей этихъ могильниковъ можно указать прежде всего на желѣзные шлемы, полушарообразной формы, сплоченные изъ четырехъ частей. По формѣ своей они отличаются отъ шлемовъ восточныхъ и скорѣе напоминаютъ тѣ шлемы, которые встрѣчаются, напр., на изображеніи воина на стѣнахъ керченской катакомбы Антесерія. Кромѣ того, изъ числа 22-хъ каменныхъ бабъ, находящихся въ Историческомъ музеѣ, привезенныхъ изъ Екатеринославской губ. и Земли Войска Донскаго, — одна доставлена съ Кавказа. Эта послѣдняя не отличается большимъ размѣромъ, сравнительно съ другими. Это каменное изваяніе, безъ всякаго сомнѣнія, изображаетъ воина, съ весьма слабо обозначенными руками, въ гладкомъ панцырѣ, вѣроятно кожаномъ, съ двойной шейной гривной, впрочемъ, весьма легко обозначенной; такъ что эта гривна можетъ относиться къ верхней оторочкѣ самого панцыря или, вообще, одежды. На спинѣ ясно обозначены обычныя двѣ косы.

Если въ одеждѣ нельзя найти опредѣленныхъ очертаній, то форма шапки, напротивъ, передана чрезвычайно ясно: она совершенно напоминаетъ найденные мною шлемы полушарообразной формы и точно также раздѣляется на четыре равныя части, причемъ нѣсколько возвышенныя ребра, раздѣляющія эти части, указываютъ своими возвышеніями на замѣченную мною въ желѣзныхъ шлемахъ технику соединенія желѣзныхъ частей. Обозначеніе этихъ соединеній на каменной бабѣ чрезвычайно рѣзко отличается отъ тѣхъ врѣзанныхъ чертъ, которыми обозначаются швы на ермолкахъ, обычныхъ на другихъ изваяніяхъ этого рода.

Длинные сабли, неизмѣнно вложенныя въ руки покойниковъ, своею длиною и изгибомъ напоминаютъ саблю, изображенную у главнаго всадника на той же катакомбѣ Антесерія. Сабли эти встрѣчаются, впрочемъ, какъ извѣстно, въ большомъ изобиліи въ могильникахъ этой части Кавказа *), причемъ обыкновенно онѣ въ длинѣ уступаютъ только что упомянутымъ и имѣютъ, большею частью, поперечный крыжъ у

*) Абинъ. Раскопки бар. Тисенгаузена (коллекція въ Историческомъ музеѣ).

рукоятки. Безъ этого крыжа онъ служить какъ бы прототипомъ общераспространенной черкесской шашки. Найденная тутъ же кольчуга представляетъ рѣдкую находку въ могилахъ Кавказа. Какъ извѣстно, и кольчуги и сабли этой формы сохранились въ употребленіи у черкесовъ до послѣдняго времени. По рассказамъ черкеса Кадрикова, кольчуга считалась у натухайцевъ почетнымъ и священнымъ вооруженіемъ. Притомъ, вмѣстѣ съ кольчугой непременно надѣвалась и сабля; и эти двѣ вещи бытовали всегда въ неразрывной связи.

Въ томъ же могильникѣ, въ третьемъ разрытомъ мною курганѣ, положеніе покойника было обратное, сравнительно съ двумя предшествовавшими, и найденная при немъ сабля была короче первыхъ двухъ. Лежавшій у ногъ стеклянный сосудъ (фот. XXVI, фиг. 5) относится, безъ сомнѣнія, къ арабскимъ издѣліямъ, приблизительно XIII вѣка. Такимъ образомъ, если считать, на основаніи указанныхъ отличій, эту могилу болѣе новой сравнительно съ двумя первыми, предполагая, напр., что болѣе длинная сабля можетъ быть отнесена къ болѣе древнему времени, такъ какъ въ могилахъ XIV вѣка встрѣчаются обыкновенно болѣе короткія сабли, то первыя два погребенія могутъ быть отнесены приблизительно къ предшествовавшему столѣтію. Во всякомъ случаѣ, по обряду погребенія, могильникъ этотъ рѣзко отличается отъ прежде изслѣдованныхъ мною обычныхъ погребеній въ каменныхъ гробницахъ, и это отличіе можетъ зависѣть не столько отъ хронологической даты, сколько отъ обычаевъ другой народности. Къ той же народности можно приписать и другой могильникъ, отстоящій отъ перваго верстахъ въ четырехъ. Въ одномъ изслѣдованномъ мною курганѣ того могильника скелетъ оказался лежащимъ хотя и не въ деревянной колодѣ, но рядомъ со скелетомъ лошади *). Желѣзные кольца удила по своимъ размѣрамъ и формѣ удержали архаическій характеръ удила, встрѣчающихся въ періодѣ такъ называемомъ „La-tène“. Очень загадочнымъ предметомъ является въ этой могилѣ выгнутая фаянсовая пластинка, прикрѣпленная мѣднымъ штифтикомъ къ правой сторонѣ уздечки (Отчетъ, стр. 101, рис. 23). По формѣ своей она напоминаетъ ближе всего, по моему мнѣнію, тѣ предохранительныя дощечки, которыя употреблялись и употребляются до сихъ поръ нѣкоторыми народами при стрѣльбѣ изъ лука **). Но если придать вѣроятіе этому предположенію, то придется высказать еще и другое, вытекающее какъ слѣдствіе изъ

*) У хутора казака Кобзы.

**) Анучинъ. «Лукъ и Стрѣлы».

перваго—что пластинка эта могла служить для защиты морды лошади отъ тетивы при стрѣльбѣ изъ лука, и въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что лукъ всадника опирался въ правую щеку лошади. Но подтвердить эту догадку могутъ только новые болѣе ясные факты, тѣмъ болѣе, что изготовленіе такихъ фаянсовыхъ пластинокъ, очевидно, съ специальнымъ служебнымъ назначеніемъ, не могло производиться въ этой мѣстности.

Сходство этихъ двухъ могильниковъ, кромѣ указанныхъ мною сходныхъ чертъ въ обстановкѣ погребенія, главнымъ образомъ, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ фактѣ, что всѣ изслѣдованныя мною могилы были устроены въ чужихъ курганахъ. А это обстоятельство указываетъ уже само по себѣ на пришлый характеръ тѣхъ людей, которые воспользовались уже готовыми курганами болѣе древняго туземнаго населенія.

Такимъ образомъ, изслѣдованныя могилы на основаніи добытыхъ мною вещей можно распредѣлить по времени отъ XVII до IX столѣтія приблизительно, причемъ къ болѣе древнему времени должно причислить могилы съ трупосожженіемъ *). Что же касается до сравненія устройства гробницъ и обрядовъ погребенія, то группировку археологическихъ данныхъ по этимъ вопросамъ я оставляю до слѣдующей главы.

*) Последнія могутъ относиться и къ болѣе древнему времени.

1

2.

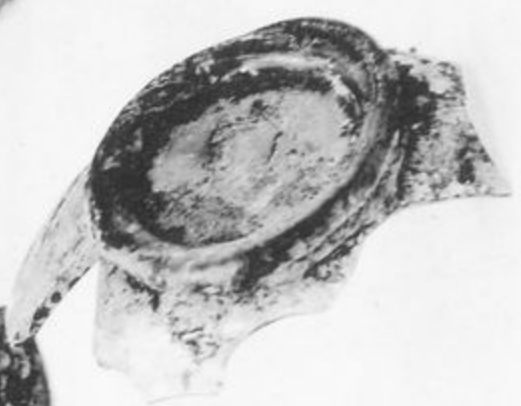

5.

3.

4.

XIII.

Общія черты погребенія въ курганахъ и характеръ устройства гробницъ.

Желая высказать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно устройства гробницъ и характера погребенія во встрѣченныхъ мною могильныхъ насыпяхъ кавказскаго побережья, я прежде всего обращаю вниманіе на положеніе скелетовъ, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ устройствѣ гробницъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ объ ориентированіи скелетовъ относительно странъ свѣта можетъ имѣть важное этническое значеніе, если онъ выражается только въ ясной формѣ закона. При маломъ количествѣ фактовъ выводить подобнаго рода законы бываетъ весьма затруднительно и рискованно. Но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ сгруппировать однородные факты и тѣмъ дать возможность, при накопленіи новыхъ фактовъ, произвести впослѣдствіи провѣрку хотя и обобщеній, но пока высказаннымъ лишь въ формѣ предположеній. Можно сказать, на основаніи матеріала, уже изложеннаго въ отчетѣ, что въ мѣстности отъ Геленджика до Цемесской долины включительно ориентированіе скелета преимущественно встрѣчается отъ сѣвера къ югу, но иногда съ уклоненіями до 45° , приблизительно, въ ту или другую сторону отъ этой линіи. Такъ, начиная обзоръ съ юга — у Береговой (раскопанъ одинъ курганъ) положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Геленджикѣ, въ могильникѣ у бухты, не считая кургановъ съ сожженіемъ, былъ раскопанъ также одинъ курганъ съ двумя скелетами, въ которомъ положеніе скелетовъ было отъ сѣвера къ югу. У того же поселенія, въ могильникѣ въ лѣсу поло-

женіе скелетовъ въ трехъ раскопанныхъ курганахъ было также отъ сѣвера къ югу. Въ Мысхако положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Цемесской долині въ одномъ курганѣ положеніе гробницы опредѣлялось отъ сѣверо-запада къ югу-востоку (кости же нѣсколькихъ скелетовъ въ этой гробницѣ находились въ безпорядкѣ). Въ другомъ же, гдѣ могила была высѣчена въ скалѣ, положеніе скелета различалось отъ предшествовавшаго положенія гробницы тѣмъ, что скелетъ лежалъ почти съ сѣвера на югъ.

Переходя къ Натухайской станицѣ опредѣленное положеніе скелета можно найти только въ одномъ курганѣ, гдѣ сбоку нашлась всего одна могила, въ которой кости хотя и находились въ безпорядкѣ, но самое положеніе гробницы съ сѣвера на югъ опредѣляетъ возможное положеніе скелетовъ. Въ остальныхъ курганахъ этого могильника никакого опредѣленнаго положенія скелетовъ или гробницъ замѣтить нельзя, такъ какъ каждый курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько гробницъ въ разныхъ направленіяхъ, причемъ, очевидно, то или другое направленіе гробницы зависѣло единственно отъ свободной стороны кургана *). Наконецъ, въ могильникѣ на хуторѣ Кобзы, гдѣ погребеніе отличалось своеобразнымъ характеромъ (всадникъ съ лошадыю) положеніе скелета было съ сѣвера на югъ. Въ Раевской станицѣ скелетъ, погребеніе котораго я отношу къ бронзовому вѣку и который найденъ былъ въ глинистомъ краѣ большаго кургана, лежалъ также съ сѣвера на югъ.

Но въ томъ же самомъ курганѣ скелетъ, положенный въ деревянномъ срубѣ, лежалъ перпендикулярно къ этому направленію, т. е. съ востока на западъ.

Вообще же положеніе скелетовъ съ востока на западъ пршлось наблюдать въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, а именно, кромѣ вышеупомянутаго случая, въ селеніи Кабардинскомъ въ двухъ разрытыхъ курганахъ оба скелета лежали съ востока на западъ. По дорогѣ въ Мысхако, близъ Новороссійска, въ единственномъ разрытомъ курганѣ положеніе скелета опредѣлялось тѣмъ же направленіемъ. У трехъ скелетовъ не-большаго могильника близъ Ногай-Кале положеніе было также съ востока на западъ. Но въ одномъ курганѣ, какъ я уже упоминалъ въ отчетѣ, кромѣ двухъ скелетовъ, похороненныхъ въ двухъ деревянныхъ колодахъ, находился въ сторонѣ третій скелетъ, погребенный подъ рядомъ камней. Его положеніе опредѣлялось съ сѣверо-запада на юго-

*) Квадратъ изъ камней въ такихъ курганахъ со многими гробницами представлялъ своими внутренними сторонами тѣ линіи, по которымъ гробницы ориентировались. Діагонали квадрата совпадали съ линіями съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ.

востокъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи онъ сближался съ выше-описанными скелетами того же направленія.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, считаю возможнымъ высказать предположеніе, что обычное положеніе скелетовъ въ этой мѣстности было съ сѣвера на югъ, и что это положеніе, кромѣ того, можно считать традиціоннымъ погребальнымъ обрядомъ изслѣдованнаго края. Такъ, на древность этого обряда указываютъ, между прочимъ, уже упомянутый мною не разъ фактъ погребенія бронзоваго вѣка и только что упомянутое погребеніе подъ камнями въ одномъ изъ кургановъ у городища Ногай-Кале. Этотъ обрядъ связываетъ нѣкоторыя изъ могилъ, которыя можно съ вѣроятностью отнести къ XIV-му столѣтію, съ вышеупомянутыми фактами древняго погребенія въ этомъ краѣ.

Съ другой стороны, положеніе скелета съ востока на западъ преимущественно встрѣчено мною въ тѣхъ могилахъ, которыя смѣло можно отнести къ какому-то пришлому населенію (какъ на исключеніе можно указать только на могильникъ сел. Кабардинскаго). Въ данномъ случаѣ различіе положенія скелета совершенно совпадаетъ съ различіемъ вообще всей погребальной обстановки. Кромѣ того, можно замѣтить, что районъ той мѣстности, гдѣ обозначилось традиціонное для этого края погребеніе (положеніе скелета съ сѣвера на югъ) занимаетъ большую часть изслѣдованнаго мной пространства, и только на сѣверъ, близъ станицы Раевской, ближе къ Анапѣ, встрѣчаются факты другаго положенія скелетовъ.

Чтобы этотъ признакъ погребальнаго обряда привести въ связь съ другими характерными чертами погребенія, для этого нужно перейти къ описанію устройства гробницъ и самыхъ обрядовъ погребенія.

Каменная гробница представляется самымъ характернымъ способомъ погребенія въ изслѣдованной мною мѣстности Кавказа. Обыкновенно гробница здѣсь имѣетъ форму ящика, длиной, приблизительно, въ ростъ человѣка, и дѣлается или изъ камня-дикаря, получающаго посредствомъ обработки форму правильной плиты, причемъ каждая сторона гробницы состоитъ изъ такой отдѣльной плиты, а крышка представляетъ собою рядъ поперечно положенныхъ плитъ, а иногда одну цѣльную, которая и покрываетъ собою всю гробницу; или же встрѣчаются гробницы изъ мѣстнаго камня—трескуна, и въ такомъ случаѣ, ужъ по свойству самаго камня, плиты не отличаются правильностью формъ. Очень часто плиты на двухъ концахъ гробницы возвышаются надъ уровнемъ боковыхъ плитъ и при этомъ верхушки ихъ обыкновенно имѣютъ неправильную форму. Эти верхушки почти всегда и виднѣются надъ по-

верхностью вершины кургана, указывая ясно направление самой гробницы *). Иногда же вмѣсто двухъ верхушекъ виднѣется тодько одна, стало быть, болѣе высокая, чѣмъ противоположная. Приложенный къ тексту рисунокъ (рис. 51) взятъ изъ изданія Варинга и изображаетъ могильникъ въ Индіи съ оградой изъ камней и съ торчащимъ наверху камнемъ. По внѣшнему виду могильникъ этотъ представляетъ поразительное сходство съ кавказскими.

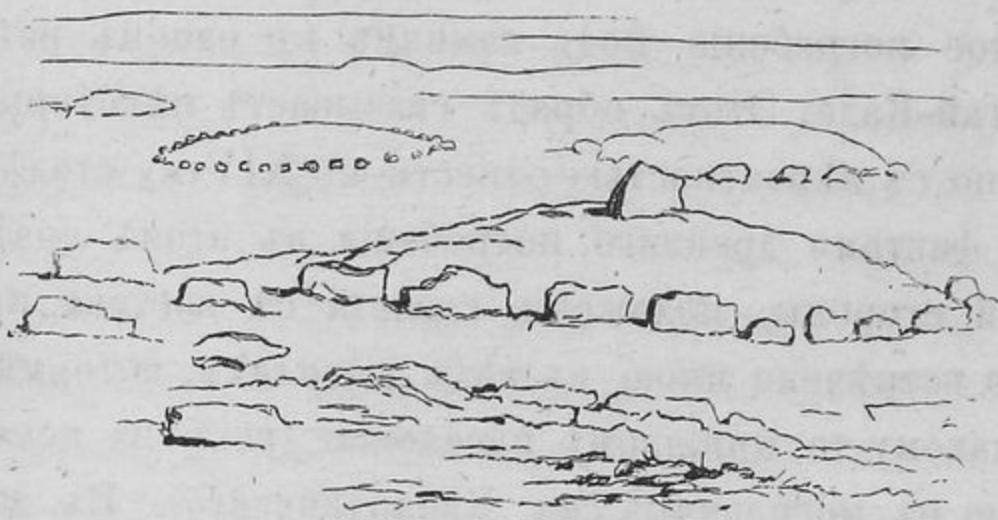

Рис. 51.

Подобнаго рода гробницы помѣщаются всегда на поверхности земли, причемъ эта поверхность, какъ-бы помостомъ, выкладывается камнемъ неправильной формы. По краю этого помоста, и, стало быть, по краю курганной насыпи, идетъ рядъ поставленныхъ стоймя камней, съ уклономъ ко внѣшней сторонѣ. Камни эти находятся либо на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, либо представляютъ сплошную стѣнку.

Кромѣ того, иногда изъ этого ряда окружныхъ камней одинъ или два выдѣляются особенно своей высотой до такой степени, что совершенно напоминаютъ менгиры. Такъ, наприм., изображенный на табл. IX, рис. 1, столбообразной формы камень указываетъ направление гробницы и издали обращаетъ на себя вниманіе. Въ другомъ случаѣ, подобные большіе камни возвышаются съ двухъ сторонъ насыпи, соответственно концамъ гробницы (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

Уже представленный мною въ общихъ чертахъ характеръ каменной гробницы даетъ чувствовать въ устройствѣ ея традиціи эпохи мегалитической **).

*) Бываютъ случаи, когда продольныя стѣнки гробницы также виднѣются надъ поверхностью кургана, если эти стѣнки поставлены другъ къ другу въ наклонномъ положеніи (гробница по дорогѣ въ Мысхако).

**) Шантръ въ своемъ сочиненіи о Кавказѣ уже указываетъ на это сходство, замѣченное также и граф. Уваровой во время ея путешествія по Кавказу.

Въ самомъ дѣлѣ черты этого сходства проявляются во многихъ случаяхъ:

а) Самая гробница представляетъ собою удлиненный долмень-цисту, иногда даже состоящей изъ пяти обычныхъ плитъ и даже, въ иныхъ случаяхъ, плиты конечныя, а иногда и продольныя, возвышаются надъ уровнемъ земли. Подобнаго рода долмень-циста представленъ у Варинга (табл. 64, фиг. 6. Индія *).

б) Круги камней, расположенные по краю кургановъ, напоминаютъ „кромлехи“ и вообще служатъ характернымъ указаніемъ мегалитической эпохи и мегалитическихъ гробницъ. Такъ, напр., въ Нортумберландѣ подобныя ограды окружаютъ могильную насыпь, заключающую въ себѣ урну съ костями (Варингъ, табл. 62, фиг. 3 и 4).

в) Камни въ формѣ менгировъ указываютъ также на привычку къ мегалитическимъ сооруженіямъ. Для примѣра можно указать на изданіе того-же автора (табл. 49, фиг. 7 и 8).

г) Мощеніе поверхности вокругъ гробницы неправильной формы плитками связываетъ самую гробницу съ каменной оградой и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы намекаетъ на то, что насыпка земли не имѣетъ органической связи съ устройствомъ гробницы.

е) Особенно характернымъ признакомъ древности можно считать часто замѣченный мною способъ утвержденія большихъ камней въ вертикальномъ положеніи. Такіе камни, обыкновенно, подпираются съ одной стороны двумя параллельными, поставленными на ребра, плитками, большею частью треугольной формы — формы клина. Но совершенно тотъ-же способъ утвержденія камней встрѣчается въ изслѣдованныхъ мною долменахъ-цистахъ. При многочисленныхъ и ясно выраженныхъ случаяхъ этихъ укрѣпленій камней, нельзя не видѣть въ нихъ уже обычнаго приѣма, бытующаго здѣсь съ глубокой древности и представляющаго традиціонную связь долмена-цисты съ новой гробницей.

ф) Насыпка земли является разнообразной въ смыслѣ высоты кургана, и эта измѣнчивость высоты представляется характернымъ явленіемъ для упомянутыхъ кургановъ. Она указываетъ на тотъ фактъ, что насыпка земли надъ курганомъ не была исконнымъ и опредѣлившимся надолго обычаемъ; такъ насыпка земли на долмень-цисту встрѣчается, напр., въ Швеціи, и указываетъ на болѣе позднюю эпоху этихъ сооруженій; въ статьѣ графа Уварова — „Мегалитическіе памятники въ Россіи“

*) Подобныя ограды встрѣчаются въ такъ называемыхъ «чудскихъ» могилахъ въ Сибири. Въ данномъ случаѣ весьма интересна недавно привезенная коллекція рисунковъ подобныхъ могилъ г. Ядринцевымъ.

(Древн., т. VII, вып. 3), говорится съ ссылкой на Монтелиуса, послѣ описанія долменовъ, не покрытыхъ землей: „Между тѣмъ, когда даже простые долмены, затѣмъ долмены съ галлереями и, наконецъ, каменные ящики бываютъ покрыты насыпью изъ земли или щебня, тогда могилы эти въ Швеціи содержатъ всегда металлическіе предметы“.

Вообще, во всемъ погребальномъ устройствѣ и въ системѣ насыпки земли замѣтно стремленіе не скрывать гробницу, а только прикрыть ее землей. Такая система была практически удобной, если въ гробницу клали кости покойниковъ, умершихъ въ разное время. Въ такомъ случаѣ необходимо было вновь открывать гробницу и всыпать туда кости.

Доступъ къ костямъ нельзя предположить особенно затруднительнымъ, такъ какъ на мѣстонахожденіе гробницы указывали и каменные менгиры, и вершины конечныхъ плитъ гробницы, и мощеная дорога отъ самого края кургана (въ курганѣ Мысхако). Самыя высокія кур-

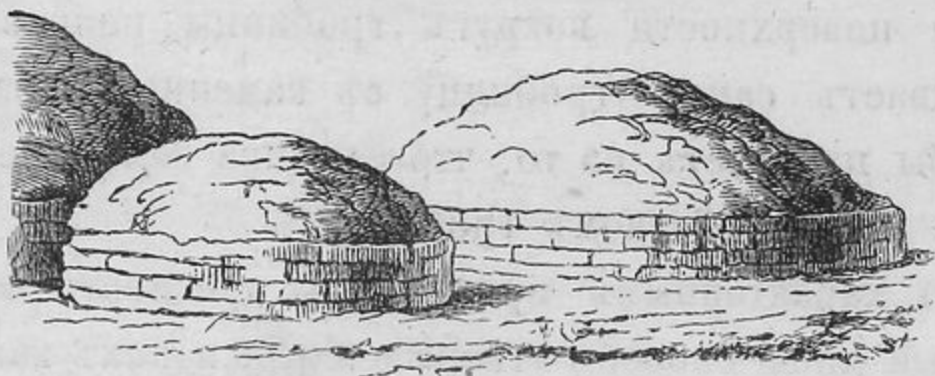

Рис. 52.

ганные насыпи встрѣтились въ томъ могильникѣ, гдѣ гробницы располагались у края кургана, а потому, въ данномъ случаѣ, надъ гробницами приходилась небольшой высоты насыпь. Самой низкой насыпью можно считать насыпи въ могилахъ съ двумя менгирами (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

г) Кромѣ того, въ могильникѣ Цемесской долины приходилось встрѣчать земляныя насыпи кургановъ, утвержденныя на постаментѣ, сложенномъ изъ каменныхъ, довольно неправильныхъ, плитокъ или изъ длинныхъ осколковъ камня трескуна. Въ общемъ курганы эти довольно сходны по внѣшнему виду съ древними могилами въ Этруріи. Для сравненія прилагаю рисунокъ (рис. 52), изъ издан. Варинга, представляющій некрополь въ Церахъ.

h) Говоря о болѣе обычномъ погребеніи въ каменныхъ гробницахъ въ изслѣдованномъ краѣ, нельзя не упомянуть также и объ исключеніяхъ, т. е. о такихъ фактахъ погребенія, когда скелетъ помещался не въ гробницѣ, а просто въ земляной насыпи: въ такомъ случаѣ

онъ лежалъ какъ-бы на помостѣ изъ неправильныхъ плитокъ и сверху прикрывался такими же плитками: какъ я уже упоминалъ, такого рода погребеніе встрѣтилось въ курганѣ близъ сел. Береговой (XIII—XIV в.). Къ болѣе древнимъ типамъ этого-же обряда можно причислить скелеть, погребенный подъ рядами камней въ боку кургана, въ которомъ были найдены ниже и въ срединѣ скелеты воиновъ съ лошадьми (м. у Ногай-Кале). Но особенно яркій фактъ этого рода погребенія мнѣ пришлось встрѣтить въ курганѣ въ самой станицы Раевской: тамъ, въ большомъ курганѣ, въ самомъ центрѣ его, непосредственно надъ скелетомъ, было возведено сооруженіе изъ камней, очень старательно сложенныхъ и представлявшихъ форму выпуклаго кверху овала. Слѣды подобнаго сооруженія изъ рядовъ камней были замѣчены мною и въ центрѣ кургана, занятаго впослѣдствіи (въ XVII в.) другимъ покойникомъ (ст. Раевская). Такого рода погребеніе носить, безъ сомнѣнія, слѣды глубокаго архаизма и представляетъ не менѣе древній погребальный обрядъ, но только другаго типа. По моимъ наблюденіямъ, онъ относится къ древнему погребенію въ сѣверной части изслѣдованной мною области.

Такимъ образомъ, всѣ представленные мною частные случаи сходства сравнительно позднихъ погребальныхъ сооружений изслѣдованной мѣстности съ памятниками мегалитической эпохи приводятъ къ убѣжденію, что вообще позднія погребальныя сооруженія устраивались здѣсь подъ вліяніемъ древнихъ традицій; но живучесть этихъ традицій объясняется только преемственностью вообще древнихъ обычаевъ среди одной и той же народности, занимавшей испоконъ вѣка одну мѣстность.

Въ данномъ случаѣ архаичность въ устройствѣ гробницъ и вообще обрядовъ погребенія, не доказывая древности этихъ сооружений, — тѣмъ не менѣе связываетъ родствомъ болѣе новыхъ обитателей съ древними, заселявшими этотъ край въ эпоху господства здѣсь мегалитической культуры.

Въ изслѣдованныхъ могильникахъ мнѣ приходилось встрѣчать, какъ было уже описано, курганы съ сложнымъ погребеніемъ, т. е. — въ курганѣ находилась гробница иногда съ пятью скелетами, или же встрѣчались курганы, въ которыхъ было нѣсколько гробницъ и въ каждой нѣсколько скелетовъ. Можно ясно было замѣтить, что кости клались сюда безъ мясныхъ частей и въ разное время. Такого рода фактъ объясняется существовавшимъ въ этихъ мѣстахъ обычаемъ — трупы умершихъ людей привѣшивать на деревья, откуда ужъ черезъ нѣсколько лѣтъ

кости высыпались въ родственныя могилы. Обрядъ этотъ, о которомъ, между прочимъ, упоминають и древніе писатели *), сохранился до поздняго времени: такъ, атаманъ Раевской станицы былъ свидѣтелемъ въ 60-хъ годахъ, какъ нутхайцы похоронили такимъ способомъ своего собрата, убитаго громомъ. Черкесь Кадриковъ точно также утверждалъ, что черкесы вѣшали на деревья трупы убитыхъ громомъ. Такой обычай нельзя не считать уцѣлѣвшимъ древнимъ погребальнымъ обрядомъ, который не потонулъ въ мусульманскихъ вѣрованіяхъ, и въ которомъ еще чувствуются слѣды почитанія бога-громовника.

Съ другой стороны, не смотря на свидѣтельства древнихъ авторовъ, случаи подобнаго погребенія встрѣчались въ моихъ изслѣдованіяхъ исключительно въ могилахъ довольно поздняго типа, такъ отъ XV до XVII в. Напротивъ, въ могилахъ, въ которыхъ только можно было предположить древнее погребеніе, гробницы заключали отъ 2 до 1 скелета, положенныхъ въ совершенномъ порядкѣ. Такого рода несогласіе съ древними писателями можетъ навести на соображеніе, что древніе авторы этихъ извѣстій не имѣли въ виду изслѣдованной мною мѣстности, а писали о другихъ племенахъ Кавказа, обобщая чрезмѣрно встрѣченные ими факты. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что XIII и XIV вв. для сѣвернаго Кавказа были эпохой большихъ передвиженій мѣстныхъ племенъ вслѣдствіе появленія монголовъ въ сосѣднихъ степяхъ.

Почитаніе какого-то божества-громовника черкесами этой мѣстности подтверждается и Беллемъ, который въ своемъ дневникѣ (стр. 77, т. II), рассказываетъ довольно подробно о праздникѣ въ честь „Чибли“ („Tchiblé“) — божества грома. Въ другомъ мѣстѣ своего дневника тотъ же авторъ рассказываетъ (стр. 63, т. II), о религіозной церемоніи, происшедшей по случаю убитой громомъ козы. „...Мы скоро подъѣхали къ высокой жерди, утвержденной крѣпко въ землю; на верхушкѣ этой жерди была укрѣплена голова козы, а кожа ея, растянутая на перекладинѣ, колыхалась отъ вѣтра какъ хоругвь. Вблизи находилось что-то въ родѣ плоскаго навѣса, плотно сплетеннаго изъ вѣтокъ и листьевъ, подпертаго четырьмя кольями и окруженнаго крѣпкимъ плетнемъ. Это было священное мѣсто, на которомъ коза, пораженная молніей, удостоилась благодатной смерти. Ея останки, за исключеніемъ вышеупомянутой головы и кожи, были положены подъ навѣсъ. На большомъ разстояніи вокругъ этихъ трофеевъ, помятая и вытопанная трава указывала на

*) Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ — Ганъ.

мѣсто, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней плясали окрестные жители, мужчины и женщины, въ память той чести, которую оказалъ этой долигѣ Чиблѣ, божество грома.

Такимъ образомъ можно считать положительнымъ фактомъ, что почитаніе бога-громовника сохранялось у Черкесовъ до послѣдняго времени, какъ остатокъ ихъ древнихъ вѣрованій. Ни предполагаемое вліяніе христіанства, ни позднѣйшая мусульманская религія не могли вырвать изъ жизни этого почитанія страшной силы громовника. Проявленіе силы этого божества въ особенности чувствовалось въ томъ случаѣ, когда громовникъ (Чиблѣ) поражалъ на смерть человѣка или животное, такая смерть почиталась благодатной, и человѣка или животное *погребали съ особыми обрядами*, не имѣющими ничего общаго съ господствующимъ мусульманствомъ. Если въ почитаніи Чиблѣ можно видѣть остатокъ древнихъ вѣрованій, то и обрядамъ, связаннымъ съ этими вѣрованіями, нельзя не придавать такой-же древности, хотя, быть можетъ, эти обряды и не сохранились въ первоначальной чистотѣ. Но въ данномъ случаѣ я не имѣю въ виду обращать вниманіе на подробности обрядовъ, предполагая, что съ теченіемъ времени эти подробности могли легко измѣниться, подъ вліяніемъ ли новыхъ вѣроученій, подъ вліяніемъ ли времени. Во всякомъ случаѣ, обряды должны были сохранить въ существѣ своемъ основу какихъ-то древнихъ религіозныхъ вѣрованій. Оставляя въ сторонѣ частности обряда, о которыхъ и нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, можно однако смѣло предположить, что въ древности языческой такой способъ погребенія былъ *обычнымъ*. Такъ какъ въ открытыхъ мною гробницахъ XIV—XV столѣтія съ нахожденіемъ многихъ скелетовъ въ одной гробницѣ — невозможно предположить никакой связи съ мусульманствомъ или христіанствомъ, то невольно является мысль о связи погребальнаго обряда въ вышеупомянутыхъ гробницахъ съ обрядомъ выставленія тѣла на деревѣ — обряда, сохранившагося до поздняго времени въ исключительныхъ случаяхъ бытующаго какого-то языческаго культа. Ключомъ для пониманія этой связи можетъ служить, по моему мнѣнію, статья гр. Уварова „О курганахъ съ расчлененіемъ“, помѣщенная въ „Трудахъ Тифлискаго Археологическаго Съѣзда“. Въ этой статьѣ, какъ извѣстно, покойный графъ старался объяснить фактъ погребенія скелетовъ, раздѣленныхъ на части — вѣрованіемъ маздаизма. Для подтвержденія своей идеи онъ и приводитъ цитаты изъ Вендидада, въ которой и нашлись данныя для объясненія правилъ погребенія почитателей Заратхустры. Пользуясь этой статьей, я и напому слѣдующія основы погребенія по правиламъ Вендидада.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ, что для почитателей ученія Зоратхустры „погребеніе труповъ“ считалось гнуснымъ преступленіемъ и оскверненіемъ земли. Для избѣжанія этого оскверненія не допускали соприкосновенія труповъ съ священной для нихъ землей, и для этой цѣли строили особыя башни „дакхма“, въ которыхъ трупы выставлялись на *съѣденіе птицамъ*. При этомъ клали покойника, по замѣчанію шестаго фаргарда на такую высоту, до которой не могли доставать ни собаки, ни барсы, ни волки“. (стр. 65).

Далѣе на слѣдующей страницѣ тотъ же авторъ говоритъ: „Возвращаясь къ самому обряду похоронному, надо замѣтить, что когда всѣ мягкія и другія части трупа были съѣдены птицами и, сверхъ того, когда кости окончательно очищены дождевой *водой*, которою ихъ омывалъ Ахура-Мазда, тогда только *очищенные кости* могли быть погребены въ землю въ нарочно заготовленныхъ могилахъ, называемыхъ „каты“.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ „дакхму“ или башню прекрасно замѣняетъ высокое дерево, на вершины котораго могутъ свободно прилетать плотоядныя птицы, но нѣтъ доступа звѣрямъ.

Годъ спустя послѣ *выставленія* тѣла на деревѣ, когда Ахура-Мазда омоетъ кости обильными дождями—ихъ складываютъ въ особую гробницу, сложенную плотно изъ каменныхъ плитъ, а широкая плита или нѣсколько поперечныхъ закрываютъ гробницу сверху. Такимъ образомъ, изслѣдованныя мною гробницы въ двухъ—трехъ могильникахъ вполне соотвѣтствуютъ „катамъ“ — кости въ эти гробницы, безъ всякаго сомнѣнія, высыпались *расчлененными* — это можно замѣтить и на рисункѣ, зарисованномъ мною съ натуры. Если предположить, какъ предполагалъ и гр. Уваровъ, что для погребенія членовъ одной семьи заготавливались заранѣе гробницы или „каты“, то будетъ понятно, почему въ одной гробницѣ складывались кости нѣсколькихъ скелетовъ, а такъ же и устройство въ одномъ курганѣ многихъ гробницъ, съ костями нѣсколькихъ скелетовъ въ каждой. Такимъ предположеніемъ объясняется и тотъ фактъ, что въ курганахъ съ нѣсколькими гробницами нѣкоторыя изъ гробницъ оказывались пустыми, но никакъ не разграбленными, такъ какъ ни малѣйшихъ слѣдовъ костей или какихъ-либо вещей въ нихъ не оказалось: очевидно, эти гробницы были *заготовлены* для умершихъ членовъ семьи, но по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ кости въ нихъ не положены. Со времени смерти непосредственно скоро могли изготовить „кату“ или гробницу, но въ теченіе года могло произойти много перемѣнъ въ судьбѣ цѣлаго племени въ тѣ воинственные времена.

На это обстоятельство, между прочимъ, намекаетъ и тотъ фактъ, что подобныхъ каменныхъ гробницъ позднѣе XIV и начала XV вѣка уже не встрѣчается; такъ что на этихъ датахъ описанныя мною погребальныя формы какъ бы замираютъ. Слѣдовательно, позднѣйшей датой для кургановъ съ каменными гробницами можно считать для этой мѣстности—XV вѣкъ; и потому время, приблизительно, съ конца XV до конца XVI или начала XVII вѣка можно считать или временемъ передвиженій какихъ-то, обитавшихъ здѣсь, племенъ или перемѣны вообще въ погребальныхъ обрядахъ подъ вліяніемъ какихъ-либо новыхъ вѣрованій.

Такъ какъ мною было выше высказано убѣжденіе, что могильники на хуторѣ Карпенки, на хуторѣ Ткачева, на землѣ Полонскаго, въ Цемесской долинѣ, сохранили въ своемъ погребальномъ устройствѣ ясныя слѣды *маздаизма*, то я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ утверждать, на основаніи пока добытыхъ только мною фактовъ, что этими могильниками и обозначается граница господства иранскихъ погребальныхъ обрядовъ; т. е., другими словами — мѣстность эта отъ Цемесской долины идетъ на сѣверъ и верстъ 15 не доходитъ до Анапы.

При констатированіи этого факта, невольно приходится ставить вопросъ: погребеніе по обрядамъ *маздаизма* было ли исконнымъ обычаемъ жителей этой мѣстности?

На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, можно отвѣчать только отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, могильники съ признаками иранскаго погребенія имѣютъ опредѣленную дату, благодаря найденнымъ въ нихъ золото-ордынскимъ монетамъ, а могильникъ въ Цемесской долинѣ, въ тѣхъ гробницахъ, которыя сходны по вещамъ и устройству своему съ датированными, связывается по обрядамъ погребенія съ почитаніемъ Ахура-Мазды. Въ томъ же могильникѣ могила, высѣченная въ скалѣ и закрытая крупнымъ и мелкимъ щебнемъ, по вещамъ возбуждая подозрѣніе въ бѣльшей сравнительно древности, заключаетъ въ себѣ одинъ скелетъ правильно положенный и не представляетъ никакихъ слѣдовъ иранскаго погребенія. Не буду перечислять другихъ примѣровъ — они находятся въ моемъ отчетѣ, но вообще замѣчу, что, на основаніи моихъ изслѣдованій, древнѣе XIV вѣка, въ опредѣленной уже мною мѣстности, слѣдовъ вліянія *маздаизма* не замѣчается. Это обстоятельство уже даетъ право предположить, что *маздаизмъ* былъ заноснымъ вѣрованіемъ въ этомъ краю и заносъ его относится къ сравнительно короткому и опредѣленному времени — немного ранѣе и немного позднѣе царствованія хановъ Узбека и Джанибека. Притомъ онъ занесенъ ка-

кимъ-нибудь пришлымъ племенемъ. Въ этомъ убѣждаетъ связь могильниковъ съ монетами золото-ордынскихъ хановъ, притомъ, и что весьма важно — сплошные и большіе могильники съ одинаковымъ погребеніемъ у хутора Карпенки и на землѣ Полонскаго.

Если заносъ маздаизма возможно приписать какому-нибудь прошлому черкесскому племени, то приходъ этого племени могъ совершиться никакъ не съ юга, такъ какъ Цемесская долина, или точнѣе Новороссійская бухта, представляетъ южную границу этого рода погребенія, и далѣе, на югъ, до самой бухты Береговой (или устья рѣки Пшадъ) слѣдовъ иранскаго погребенія мнѣ не удалось замѣтить.

Скорѣе всего можно предположить передвиженіе племени съ иранскимъ погребеніемъ съ сѣверо-востока, черезъ Баканскую станицу, откуда уже это племя могло спуститься въ долину между Натухайской и Раевской станицами и изъ этой долины черезъ поперечный хребетъ (прорѣзанный теперь туннелемъ желѣзной дороги) перейти въ долину Цемесскую.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ перейти въ эти мѣста, племя это, по всему вѣроятію, должно было обитать гдѣ-нибудь на сѣверномъ Предкавказьѣ, ближе къ Каспійскому морю, откуда движеніе монголовъ въ XIII столѣтіи могло быть причиной его дальнѣйшихъ передвиженій въ западномъ направленіи.

Можно предположить, что на сѣверномъ Кавказѣ вліяніе маздаизма, гдѣ оно только замѣчалось, скорѣе всего началомъ своимъ обязано эпохѣ сассанидовъ *). Что же касается южнаго побережья Чернаго моря, то, кромѣ древнихъ писателей, которые говорятъ о погребеніи на деревьяхъ **), — о томъ же самомъ обрядѣ упоминаютъ и новѣйшіе писатели.

Такъ относительно Абхазіи монахъ Жанъ де Люкъ (1625 г.) говоритъ слѣдующее:

„Покойниковъ кладутъ въ выдолбленные пни деревъ, служащіе для нихъ гробомъ, и потомъ, привязавъ ихъ (отъ шакаловъ) къ четыремъ столбамъ, держатъ ихъ какъ-бы висящими на воздухѣ“.

О погребальныхъ обычаяхъ въ той же странѣ говоритъ и патеръ Ламберти (въ томъ же столѣтіи):

„Между прочими обычаями этого народа замѣчательно то, что они

*) На вліяніе этой эпохи намекаетъ, между прочимъ, головной уборъ, украшенный золочеными выпуклыми изображеніями (фототипія XIII, рис. 1).

**) Эліанъ: «Колхи кладутъ мертвыхъ въ кожи, зашиваютъ ихъ и вѣшаютъ на деревьяхъ». (Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. — Гант, стр. 162).

ни погребаютъ, ни жгутъ тѣло покойника, а кладутъ трупъ въ выдолбленный стволъ дерева, который служитъ гробомъ. Послѣдній съ молитвой привязываютъ виноградной лозой къ высочайшей вѣтви какого-нибудь большаго дерева. Они привѣшиваютъ также оружіе и одежду усопшаго и, чтобы послать на тотъ свѣтъ коня, гоняютъ его во всю прыть отъ этого дерева до тѣхъ поръ, пока тотъ не околѣетъ“... „Я ничего не скажу, добавляетъ авторъ, объ Аланахъ и Зихахъ по той причинѣ, что по образу жизни они похожи отчасти на Сванетовъ и Абхазцевъ“.

Наконецъ царевичъ Вахушта въ своей „Географіи“ говоритъ о томъ же абхазскомъ народѣ: „...au lieu d'enterrer leurs morts, ils les revêtent de leurs habits et de leurs armes, les enferment dans des boites et les exposent sur les arbres“.

Эти указанія древнихъ и новыхъ писателей даютъ полное право предполагать, что вліяніе иранской религіи въ этой части Кавказа съ глубокой древности оставило сильныя слѣды. Что же касается до той части кавказскаго побережья, въ которой мною были изслѣдованы могильники, то, какъ я уже упоминалъ, замѣченные мною слѣды маздаизма относятся къ сравнительно поздней эпохѣ и захватываютъ только опредѣленную часть пространства.

Прослѣдить же по сѣверному Кавказу слѣды этого маздаизма въ погребальныхъ обрядахъ той мѣстности и связать ихъ со встрѣченными мною фактами—я считаю въ данномъ случаѣ задачей настолько сложной, что одно собраніе фактовъ вывело бы меня изъ рамокъ моего отчета, а потому въ настоящемъ случаѣ я ограничусь пока только высказанными предположеніями.

Но мнѣ предстоитъ еще на основаніи моихъ археологическихъ изслѣдованій въ этой мѣстности опредѣлить связь описанныхъ мною могильниковъ съ тѣмъ населеніемъ черкесовъ, которое недавно только переселилось въ Турцію, при чемъ мои замѣчанія будутъ касаться только натухайцевъ, такъ какъ собранныя мною этнографическія свѣдѣнія касаются только этого племени. Свѣдѣнія эти получены мною отъ упомянутаго уже натухайца Кадрикова и проверены въ станицѣ Суворовской, у живущихъ тамъ черкесовъ. Какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, но все-таки онѣ, быть можетъ, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на рѣшеніе поставленнаго мною вопроса и во всякомъ случаѣ интересны въ томъ отношеніи, что, относясь къ изслѣдованной мною мѣстности, служатъ дополненіемъ самаго отчета.

Однѣ изъ этихъ преданій относятся къ извѣстнымъ мѣстамъ и уро-

чищамъ; другія рассказываютъ о нартахъ или богатыряхъ, связывая ихъ память съ какой-либо мѣстностью.

Мѣстность Раевской и Натухайской станицъ, заселенная прежде натухайскимъ племенемъ, отдѣляется хребтомъ горъ—продолженіемъ Варадахскаго хребта — отъ бассейна рѣки Кубани. Тамъ, гдѣ находится Баканская станица и гдѣ теперь станція Перевальная, существуетъ естественный перевалъ въ область Кубани *). Далѣе, на сѣверъ, гдѣ хребетъ понижается, приближаясь къ самой р. Кубани, открывается другой проходъ въ область этой рѣки. Отъ станицы Натухайской, въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ, по направленію къ станицѣ Гостагаевской, на высокомъ холмѣ, находятся развалины древней крѣпости или замка. Мнѣ не удалось доѣхать до этого замка: сильный ливень заставилъ меня вернуться назадъ, а въ другой разъ, къ большому сожалѣнію, не удалось выбрать времени для новой поѣздки. Замокъ этотъ, по словамъ Кадрикова, назывался у Черкесовъ— „Гуденъ-Кале“, причемъ Кадриковъ пояснилъ мнѣ, что слово „Гуденъ“ означаетъ очень древній народъ, который построилъ этотъ замокъ (Готы?) и жилъ въ этомъ краю до Черкесовъ, притомъ народъ этотъ не черкесскій. Тѣмъ не менѣе, у Черкесовъ съ этимъ замкомъ связано слѣдующее преданіе о *нартахъ*: въ крѣпости Гуденъ-Кале (или Гуда-Кале), рассказывалъ Кадриковъ, жили нарти и они владѣли чудесной *плетью* и *башлыкомъ-скороходомъ*: стоило только ударить плетью о землю, и тотчасъ явится все, чего не пожелаешь, а башлыкъ скороходъ быстро переносилъ человека въ далекое мѣсто **). Другимъ нартамъ, жившимъ внѣ крѣпости, захотѣлось завладѣть этими двумя чудесными вещами, и они подъ начальствомъ своего царя осадили эту крѣпость. Осада длилась долго, но проникнуть въ крѣпость осаждающимъ не удавалось; тогда одинъ *слабый* нартъ, но *хитрецъ* общалъ царю достать чудесныя вещи изъ крѣпости, если только царь, посредствомъ выстрѣла изъ пушки, переброситъ его въ крѣпость. Царь согласился, и хитреца-нарта посредствомъ выстрѣла изъ пушки перебросили въ крѣпость. Нартъ-хитрецъ, очутившись въ крѣпости, дѣйствительно захватилъ обѣ чудесныя вещи, но однако царю ихъ не отдалъ, а съ этими вещами и самъ скрылся.

Такимъ образомъ, въ фантазіи Натухайцевъ, крѣпость Гуденъ-Кале имѣетъ свою маленькую исторію: основаніе крѣпости приписывается очень древнему иноплеменному народу (Готамъ—по объясненію Кадри-

*) Настоящая желѣзная дорога и проведена именно этимъ путемъ.

**) Нашъ коверъ-самолѣтъ.

кова), въ ней живутъ нарты, обладающіе чудесными предметами и, когда они утрачиваютъ эти чудесныя вещи вслѣдствіе хитрости слабаго нарта, народная фантазія забываетъ о дальнѣйшей судьбѣ этой крѣпости, и забываетъ, послѣ того, когда физически слабый, но хитроумный нартъ беретъ перевѣсъ надъ нартами-богатырями. Но съ этими *хитроумными*, новой породы, нартами мы встрѣтимся еще въ преданіяхъ натухайцевъ.

Какъ-бы ни казалось новымъ это преданіе по своимъ подробностямъ, въ основѣ его все-таки слышится столкновеніе двухъ культурныхъ слоевъ и сознательное отношеніе къ превосходству умственной силы надъ физической. Какія-то *древнія* столкновенія съ чужой культурой должны были поколебать обычную вѣру грубаго народа въ физическую силу.

Совсѣмъ другимъ характеромъ, чуждымъ всякаго эпическаго творчества, отличаются отношеніе Натухайцевъ къ другой крѣпости—„Ногай-Кале“. Никакихъ преданій объ этой крѣпости не существуетъ, а построеніе ея приписывается—*ногайцамъ*. Въ этой кличкѣ слышится только реальный историческій фактъ—господство Ногайцевъ въ этихъ мѣстахъ, оставившее по себѣ твердую память въ сосѣднихъ черкесскихъ племенахъ. О господствѣ Ногайцевъ говорятъ и путешественники, а время этого господства можно отнести къ XVI—XVII вѣкамъ. Не ранѣе этого періода у Черкесовъ должно было сложиться представленіе объ этой древней крѣпости, какъ о крѣпости *ногайской*. Произведенныя мною раскопки этой крѣпости показали, что никакихъ слѣдовъ *ногайства* въ ней не существовало, а стало-быть названіе *ногайской*, быть можетъ, дано послѣ ухода Ногайцевъ изъ этихъ мѣстъ и послѣ занятія означенной мѣстности Натухайцами. Въ данномъ случаѣ неизвѣстное для народа древнее сооруженіе приурочено къ послѣдней исторической борьбѣ, оставившей въ памяти народной еще свѣжіе слѣды. Такъ часто бываетъ съ археологическими памятниками и въ другихъ мѣстахъ и у другихъ народовъ: „Мамаево поле“, „Мамаевъ курганъ“ очень часто встрѣчаются на Дону; въ Смоленской губерніи древніе курганы, по убѣжденію крестьянъ, насыпаны французами въ 1812 году.

Но возвращаюсь къ преданіямъ Натухайцевъ.

Перевальная гора, на которой расположены двѣ станицы Старо-Баканская и Ново-Баканская, называется — „Чугуледжъ“ (бѣлая лошадь). По словамъ Кадрикова у Натухайцевъ сохранились преданія объ уходѣ народа съ этой горы. На дорогѣ, пересѣкающей эту гору, находится, по словамъ Кадрикова, большой курганъ, который прозванъ черкесами—„Забвеніемъ“, и прозвали его такъ по слѣдующему поводу:

одинъ черкесь долженъ былъ ради кровавой мести убить другаго; съ этой цѣлью онъ поѣхалъ по Баканской дорогѣ, зная, что нѣдругъ его поѣдетъ по той-же дорогѣ на встрѣчу; но встрѣтились они у самаго кургана и другъ друга не замѣтили, потому что одинъ объѣзжалъ курганъ съ одной стороны, а другой съ противоположной. Такъ курганъ загородилъ соперниковъ, и они разъѣхались, и мести не было.

Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, преданіе подчеркиваетъ значеніе этой Баканской дороги, соединяющей двѣ важныхъ мѣстности—бассейнъ Кубани съ страной приморской: Баканская дорога, такимъ образомъ, служитъ связующимъ звеномъ между сѣтями дорогъ въ каждой изъ этихъ мѣстностей—на ней можно встрѣтиться, но, разъѣхавшись, трудно уже ожидать встрѣчи. Что-же касается до названія „Чугуледжъ“, то врядъ-ли его нельзя приурочить къ тому-же кургану, такъ какъ у Черкесовъ „бѣлая лошадь“ появляется иногда надъ курганомъ.

Какъ преданіе о Гуденъ-Кале, такъ и преданіе о Баканской дорогѣ относятся къ путямъ передвиженія изъ области Кубани въ приморскую.

Собственно къ приморской или Натухайской области относится одно, уже рассказанное мною выше, преданіе о св. Георгіи (Газыръ-Тали), разсѣкшемъ камень, находящійся недалеко отъ Раевской станицы. Вспоминая это преданіе и сравнивая его, напр., съ преданіемъ о Гуденъ-Кале, можно замѣтить въ основѣ полное отсутствіе родства между ними. Такъ, преданіе о Гуденъ-Кале выставляетъ на видъ хитроумность и плутоватость героя преданія. Св. Георгій, въ другомъ преданіи, проклиная за воровство—„Вы всегда будете воры“. Здѣсь уже слышится христіанская мораль, связанная съ именемъ того святаго, котораго искони почитали на черноморскихъ берегахъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ могли говорить пророки, а въ новыя времена—проповѣдники-моралисты. Мнѣ кажется, что вообще такого рода преданіе не могло образоваться въ средѣ Натухайскаго народа—оно относится къ чужой народности, потому что только чужакъ могъ заклясть ихъ на вѣчное воровство.

Въ Имеретіи приходилось слышать о мингрельцахъ, что они украли калабаны (башмаки) даже у Апостола Андрея Первозваннаго. Невозможно думать, чтобы сами мингрельцы были авторами этого обиднаго для нихъ измышленія. Но, чтобы ближе познакомиться съ характеромъ натухайскихъ преданій, мнѣ остается передать рассказы о нартахъ, неприуроченные уже къ извѣстной мѣстности.

Жили были четыре брата—нарта; узнали они, что по близости отъ нихъ живетъ *сильный нартъ* и рѣшили тогда погубить своего сильного сосѣда, для чего и пригласили его къ себѣ на пиръ. Когда приѣ-

халъ сильный нартъ къ четыремъ братьямъ въ гости, то на столъ подали большой сосудъ, наполненный *брагой*, но въ сосудѣ была также и змѣя. Тогда старшій изъ братьевъ сказалъ, что пить брагу прежде всѣхъ долженъ гость молодой, который въ первый разъ пріѣхалъ въ гости (хозяинъ не зналъ, что пріѣхавшій былъ его сынъ). Гость дѣйствительно сталъ пить брагу и зубами раздавилъ змѣю. Выпивши всю брагу, онъ пустой сосудъ съ раздавленной змѣей показалъ хозяевамъ и этимъ обличилъ ихъ коварство. Потомъ въ гнѣвѣ онъ выгналъ всѣхъ хозяевъ за дверь. Испуганные братья рѣшились разойтись въ разные стороны, подалше отъ такого опаснаго сосѣда.

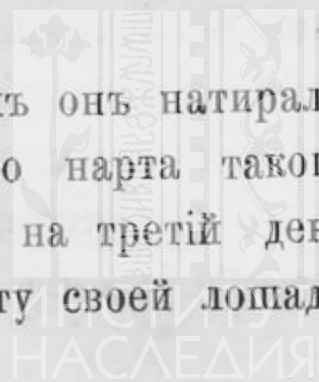
Нельзя не замѣтить здѣсь, что въ этомъ разсказѣ слышится основной мотивъ расселенія племенъ.

Слѣдующее преданіе о другомъ молодомъ нартѣ не только разсказывается, но и поется въ пѣснѣ.

Жили два нарта; одинъ изъ нихъ убилъ другаго. У убитаго остался маленькій сынъ, незнавшій ничего о судьбѣ своего отца. Играя часто съ „простыми“ дѣтьми, онъ сталъ обижать ихъ, потому что былъ сильнѣе всѣхъ. Однажды одинъ изъ старшихъ по возрасту мальчиковъ сказалъ маленькому нарту: „Что ты все насъ обижаешь! лучше бы ты отомстилъ за смерть своего отца“. Тогда только мальчикъ-нартъ узналъ, что его отецъ кѣмъ-то убитъ, и мальчикъ отъ этой новости очень огорчился. Онъ пришелъ домой и просилъ у матери дать ему поѣсть; мать подала ему горячій кисель на сковородѣ, сдѣланный изъ овсяной муки. Мальчикъ схватилъ руку матери и хотѣлъ опустить эту руку въ горячій кисель... „Что ты дѣлаешь? закричала мать, вѣдь ты обожжешь мнѣ руку!“ — Да, я обожгу ее, если ты мнѣ не скажешь, кто убилъ моего отца—я хочу отомстить!“ Мать тогда открыла сыну, что убійца его отца—старый и сильный нартъ. Сынъ взялъ тогда вооруженіе отца и поѣхалъ отыскивать этого стараго нарта. И вотъ въ то же время старый одноглазый нартъ сталъ во снѣ вздрагивать и пугаться. „Чего ты пугаешься?“ спрашивала стараго нарта его жена.—Я убилъ одного нарта—своего врага—отвѣчалъ тотъ,—у него остался маленький сынъ и однако я чувствую что онъ вѣрно и идетъ на меня!“

Оба нарта, старый и молодой, сошлись въ степи и три дня пускали другъ въ друга стрѣлы—тогда ружей не было.

У стараго нарта былъ чудесный камень, которымъ онъ натиралъ свои раны—и раны тотчасъ заживали. У маленькаго нарта такого камня не было, оттого онъ отъ полученныхъ ранъ на третій день изнемогъ. Тогда старый нартъ привязалъ его къ хвосту своей лошади

и такимъ образомъ приволокъ его домой, гдѣ и бросилъ его въ своемъ дворѣ съ тѣмъ, чтобы плѣнника растерзали собаки. Когда старый нартъ вошелъ въ свою саклю, то жена спросила у него, кого онъ привезъ. — „Собаку, и отдалъ собакамъ!“ отвѣчалъ тотъ. Когда мужъ заснулъ, жена тайкомъ отправилась во дворъ и увидала тамъ израненнаго молодаго нарта. — „Знать онъ сильный нартъ, если мой мужъ бился съ нимъ“ подумала она. Ей стало жалко молодаго нарта, и она тайно принесла ему тотъ чудесный камень, которымъ мужъ исцѣлялъ свои раны. Благодаря тому камню, мальчикъ скоро выздоровѣлъ, а она тайкомъ держала его въ ясляхъ. Между тѣмъ мужъ опять сталъ во снѣ просыпаться и вскрикивать. „Что ты вскрикиваешь?“, успокоивала его жена, „вѣдь молодаго нарта съѣли собаки“. „Я чувствую, что на меня идетъ врагъ“, говорилъ мужъ. Когда старый нартъ заснулъ, молодой нартъ вошелъ въ спальню, схватилъ мечъ и стрѣлы хозяина и убилъ его.

Чудесный камень, который имѣетъ свойство исцѣлять раны, относится къ характернымъ преданіямъ востока, гдѣ съ глубокой древности замѣчается вѣра въ силу разныхъ чудесныхъ камней.

Въ преданіяхъ натухайцевъ, кромѣ нартвъ-богатырей, представителей физической силы, существовали хитрецы—Савъ-Сераки. Къ такимъ типамъ хитроумныхъ Савъ-Сераковъ относится и хитрый герой разсказаннаго уже мною преданія о крѣпости Гуденъ-Кале. Но между Савъ-Сераками въ особенности славился хитроумный Асереджъ. Про него преданіе разсказываетъ слѣдующее.

Жили вмѣстѣ три—четыре Савъ-Серака, и вотъ узнали они, что противъ нихъ идетъ сильный нартъ, съ которымъ имъ, пожалуй, и не справиться. Тогда они обратились къ хитроумному Асереджу, прося избавить ихъ отъ предстоящей бѣды. Асереджъ обѣщался исполнить ихъ просьбу и самъ отправился на встрѣчу къ враждебному богатырю—нарту. Встрѣтивъ на дорогѣ этого нарта, Асереджъ сталъ его увѣрять, что безумно идти ему противъ Савъ-Сераковъ, а лучше прежде испробовать свою силу. — „Какъ же испробовать?“ спросилъ довѣрчивый богатырь Асереджа. „Наноси соломы въ рѣку столько“, продолжалъ Асереджъ, „чтобы этой соломы хватило до верху воды, а самъ стань тогда въ воду по шею и напусти туда такого холода, чтобы вся вода замерзла. Если тогда сможешь вылѣзти изъ рѣки, то, значитъ, ты можешь смѣло совладать съ Савъ-Сераками.“ Богатырь - нартъ исполнилъ все, что совѣтовалъ Асереджъ, но когда напустилъ холода, то самъ примерзъ въ этой водѣ по шею. Тогда Асереджъ сказалъ братьямъ о положеніи нарта, и тѣ тотчасъ прибѣжали и отрубили нарту голову.

Какъ въ первомъ преданіи, такъ и въ этомъ слышится сочувствіе не къ физической силѣ нарта, а къ хитроумію вѣщаго Асереджа. Вообще, сознаніе превосходства умственной силы надъ физической выражается въ обоихъ преданіяхъ.

Нужно замѣтить при этомъ, что Асереджъ пользуется до сихъ поръ особой любовью черкесовъ. Когда въ станицѣ Суворовской, желая провѣрить рассказы Кадрикова, я спросилъ собравшихся черкесовъ объ Асереджѣ, то они наперерывъ и съ восторгомъ торопились рассказать мнѣ о его подвигахъ.

Предоставляя специалистамъ сдѣлать подробную оцѣнку собраннаго мною матеріала о нартахъ, я считаю уместнымъ въ заключеніе отчета упомянуть еще о нѣкоторыхъ памятникахъ, которыхъ мнѣ хотя и не удалось изслѣдовать, но съ которыми все-таки пришлось познакомиться.

Возлѣ Натухайской ст., по направленію къ юговостоку, въ болотистой равнинѣ, поросшей густымъ кустарникомъ, замѣчено мною сооруженіе, напоминающее основаніе конуса, составленное изъ весьма большихъ призматической формы камней, положенныхъ уступами и имѣвшихъ форму лѣстницы.

Памятникъ этотъ потерпѣлъ большое разрушеніе.

Подобнаго рода сооруженіе, но болѣе значительной высоты, я встрѣтилъ также на горной верховой дорогѣ, ведущей изъ Натухайской ст. въ область р. Кубани. Этотъ уступчатый курганъ находился на краю обрыва; многіе камни не находились на своихъ мѣстахъ. Курганъ сильно поросъ лѣсомъ, такъ что его невозможно было измѣрить. Я могъ сдѣлать только наскоро схематическій рисунокъ этого сооруженія въ свою записную книжку.

Рис. 53.

Этотъ рисунокъ (фиг. 53), прилагаемый здѣсь къ тексту, можетъ познакомить только съ формой кургана и системой укладки камней.

Недалеко отъ Раевской станицы, къ западу, у прекраснаго источника находятся также остатки подобнаго сооруженія на возвышенной мѣстности.

Въ другую сторону отъ Раевской станицы, по направленію къ Анапѣ, верстахъ въ 7 отъ станицы, на крутомъ косогорѣ, находится такой же памятникъ. У подошвы его сохранился колодезь съ хорошей водой.

Наконецъ, основаніе подобнаго сооруженія сохранилось верстахъ въ трехъ отъ Раевской стяницы по направленію къ югу. Эта также уступчатая каменная постройка, отъ которой, впрочемъ, сохранились только нижніе ряды камней, находится на краю равнины, надъ ключемъ превосходной воды. По другую сторону равнины холмистая мѣстность осѣняется густой рощей. По рассказамъ Кадрикова, въ этой рощѣ черкесы хоронили умершихъ отъ оспы. Что касается ключа, Кадриковъ мнѣ сообщалъ, что черкесы находили здѣсь вымываемые откуда-то ключемъ золотыя вещи, какъ напр. кольца.

У самаго ключа мнѣ пришлось замѣтить хорошо-отесанную известковую плиту съ выдающимся карнизикомъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, самая равнина, на которой находится упомянутая постройка изъ камней, покрыта глубокимъ культурнымъ слоемъ чернозема, среди котораго попадаетъ много черепковъ и большіе камни-известняки довольно правильной формы. Вообще мѣстность эта представляется мнѣ интересной для археологическихъ изслѣдованій, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности посвятить на это свое время.

Характернымъ признакомъ всѣхъ этихъ сооружений можно считать то обстоятельство, что около нихъ находится всегда либо ключъ, либо колодезь, и обыкновенно эти постройки помѣщаются на видныхъ мѣстахъ. Мнѣ кажется возможнымъ признать ихъ за сооружения, относящіяся къ металитической эпохѣ. Въ сочиненіяхъ Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ построекъ. По всему вѣроятію, постройки эти одновременны съ болѣе поздними долменами и съ городищемъ Ногай-Кале. Рисунки упомянутыхъ авторовъ представляютъ эти сооружения, увѣнчанныя долменами, состоящими, впрочемъ, только изъ трехъ плитъ. Изъ числа видѣнныхъ мною этого рода построекъ, верхушки не сохранились въ цѣлости. Въ остальномъ же онѣ представляютъ такое сходство съ рисунками двухъ названныхъ авторовъ, что, пользуясь этимъ сходствомъ, для ознакомленія съ формой этихъ памятниковъ я помѣщаю (для сравненія) рисунки изъ названныхъ изданій.

Рис. 54.

Такъ рисунокъ 54 изображаетъ подобное сооруженіе въ Алжирѣ (Фергюссонъ, стр. 400, фиг. 169). Крімъ того авторъ даетъ еще рисунки подобныхъ же сооружений во Франціи (Saucières, Dolmen de Bousquet à Aveyron). Прилагаемый мною къ тексту рисунокъ втораго памятника (рис. 55) (Aveyron) взятъ изъ изданія Варинга

(Stone monuments tumuli and ornament of remote ages—Waring, Лондонъ, 1870 г.).

Фергюссонъ не рѣшается эти сооруженія признать за погребальныя. Не входя въ подробное обсужденіе этого вопроса, требующаго для рѣшенія обстоятельныхъ изслѣдованій, я скажу только, что замѣченное мною сосѣдство источника или колодца возлѣ такихъ сооруженій служить фактомъ, говорящимъ никакъ не въ пользу ихъ погребальнаго значенія.

Наконецъ, подобнаго рода памятникъ встрѣтился мнѣ по дорогѣ изъ Раевской станицы въ бухту Сукко, отстоящую отъ станицы въ 18 верстахъ. Дорога идетъ сначала на сѣверъ, по направленію къ Анапѣ, и послѣ нѣсколькихъ верстъ круто поворачиваетъ на западъ, къ морю. При самомъ поворотѣ въ обширномъ полѣ замѣчается большой могиль-

Рис. 55.

никъ, состоящій изъ множества невысокихъ кургановъ. Далѣе дорога идетъ по ущелью, вдоль по теченію рѣчки Сукко. На крутомъ берегу этой рѣчки находится большой курганъ, также составленный изъ камней, уложенныхъ уступами. По слухамъ, бывшій управляющій сосѣдняго имѣнія сдѣлалъ раскопку этого кургана и будто-бы нашелъ въ немъ какое-то оружіе. При осмотрѣ мною этого почти сплошнаго каменнаго сооруженія трудно было дать себѣ ясный отчетъ о его внутреннемъ устройствѣ, до такой степени раскопанныя части были завалены грудой камней. Въ одномъ только мѣстѣ мнѣ удалось замѣтить слой красноватой обожженной глины, происхожденіе которой можетъ возбуждать сомнѣніе относительно ея древности. Провѣрить слухи было невозможно, такъ какъ управляющій давно переѣхалъ куда-то изъ этихъ мѣстъ. Вообще, осмотръ раскопки не даетъ мнѣ основанія высказать какое-либо опредѣленное положеніе.

Рѣчка Сукко, впадая въ море изъ ущелья, образуетъ при устьѣ небольшую долину, на которой расположены постройки владѣльца этой

мѣстности (покойнаго гр. Лорисъ-Меликова). Задачей моей было обойти берегъ этой едва замѣтной бухты, чтобы посмотрѣть нѣтъ-ли какихъ-либо признаковъ древняго поселенія въ этой долинѣ. Осмотръ мѣстности, къ моему удивленію, убѣдилъ меня въ отсутствіи какихъ-бы то ни было слѣдовъ древнихъ поселеній. Въ долинѣ, между тѣмъ, копали ямы для фундамента какого-то зданія. Изъ осмотра этихъ ямъ я убѣдился, что вся поверхность этой долины представляетъ новое наслоеніе, образованное изъ постоянно заносимыхъ сюда рѣкой круглыхъ валуновъ. Наслоеніе это, какъ замѣтно въ разрѣзѣ ямъ, имѣетъ въ глубину около сажени. Прибрежныя скалы, состоя изъ обожженныхъ сланцевыхъ породъ, поверхность которыхъ не связана растительностью, весьма часто осыпаются и измѣняютъ тѣмъ контуры прежнихъ береговыхъ линій.

По словамъ управляющаго еще недавно, въ послѣднюю зиму, жившіе здѣсь были напуганы обваломъ огромной прибрежной скалы. Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, съ одной стороны рѣка, приносящая

періодически массу валуновъ, а съ другой — постоянная осыпка горъ настойчиво скрываютъ отъ вниманія археолога слѣды древней жизни. Уже вечеромъ, возвращаясь обратно, проѣхавши около двухъ верстъ отъ устья, я узналъ отъ рабочихъ, что въ полѣ, возлѣ рѣчки, лежитъ каменный крестъ. Еще до наступленія темноты я успѣлъ осмотрѣть и срисовать его: онъ небольшихъ размѣровъ *), высѣченъ изъ желтоватаго мягкаго известняка и отъ времени мѣстами вывѣтрился и, такимъ образомъ, утратилъ правильность очертаній. Нижняя часть креста

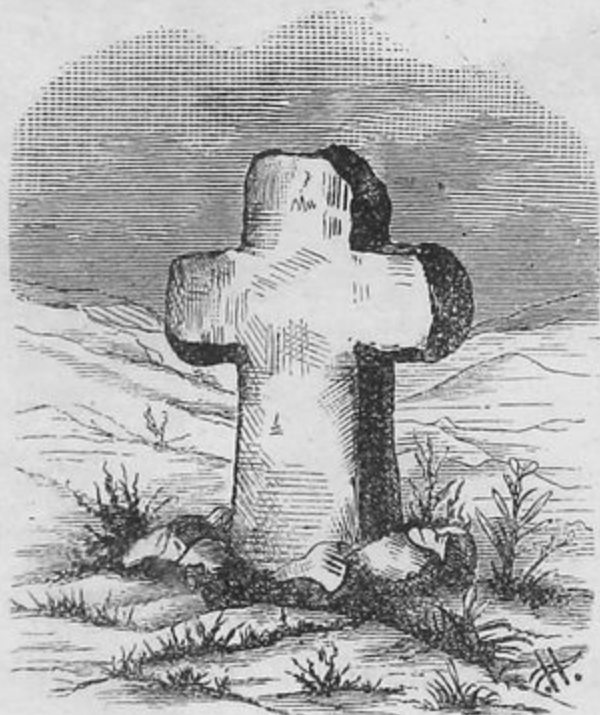

Рис. 56.

расширяется къ основанію. Повидимому, крестъ еще недавно стоялъ стоймя, обложенный рядами камней (рис. 56).

Другой крестъ большаго размѣра, по рассказамъ рабочихъ, находился по другую сторону рѣки, въ лѣсу. Но солнце уже зашло, и быстро наступившая темнота помѣшала мнѣ осмотрѣть другой крестъ.

Помимо возможности существованія христіанскаго населенія въ этихъ мѣстахъ, крестъ пользовался почитаніемъ до позднѣйшаго времени у самихъ черкесовъ, какъ не разъ рассказываетъ объ этомъ и Белль,

*) Длина креста 5 четв., толщина 1 четв., а ширина или длина перекрестія 3 четверти.

но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно трудно утверждать, что этотъ крестъ относится къ памятникамъ христіанства. Въ изд. Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ же крестовъ, относящихся къ разряду мегалитическихъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ я не берусь рѣшать этого вопроса,

Оканчивая свой отчетъ объ изслѣдованіи кавказскаго побережья Чернаго моря, я долженъ замѣтить, что добытый мною археологическій матеріалъ не даетъ мнѣ никакого основанія предположить какую-либо тѣсную культурную связь изслѣдованной мною мѣстности съ областями Кубанской и Терской. Если и можно замѣтить какое-либо сходство въ вещахъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ погребенія, то это сходство относится сравнительно къ поздней эпохѣ, опредѣляемой монетами хановъ Джанибека и Абдаллы (Раскопки г. Беренштама, а также г. Антоновича—Труды предварительн. Комитетовъ Тифлисскаго археологическаго Съѣзда). Напротивъ того, болѣе древняя эпоха могильника Кобани въ Осетіи, чрезвычайно оригинальная своимъ бронзовымъ производствомъ, является совершенно какъ-бы изолированной отъ изслѣдованной мною мѣстности; найденный мною наконечникъ бронзовой стрѣлки относится все-таки къ болѣе примитивному періоду бронзовой культуры, чѣмъ вещи изъ могильника Кобани *). Вообще, можно замѣтить, что характерныя формы бронзовой культуры Осетіи *кобанскаго типа* не проникали въ приморскую область. Въ эпоху могильника Комунты и другихъ подобныхъ въ вещахъ иногда можно замѣтить нѣкоторое сходство, какъ, напр., въ серьгахъ, но вообще и это сходство выражается въ слабой степени.

Эти факты могутъ привести къ заключенію, что приморская область, изслѣдованная мною, жила въ древности своей особенной жизнью, отдѣленная горами отъ сѣверо-восточныхъ областей Кавказа и, находясь близко моря, подчинялась вліянію другихъ народностей.

*) Во время печатанія отчета былъ сдѣланъ химическій анализъ этой стрѣлки г. лаборантомъ Московскаго Университета кн. Волконскимъ, и этотъ анализъ показалъ, согласно моему предположенію, что стрѣлка сдѣлана изъ чистой мѣди и никакой примѣси другаго металла въ ней не оказалось.

ОБЪЯСНЕНІЕ ФОТОТИПІЙ *).

Фототипія ІХ.

Вещи изъ домена-цисты, близъ Геленжика.

1. Молотъ изъ оленьяго рога съ частью отверстія для насадки на палку
2. Костяное четырехгранное острие.
- 3, 5, 7. Фрагменты отъ ручекъ сосудовъ изъ черной глины.
- 4, 6, 8, 9, 10. Фрагменты отъ сосудовъ.
11. Кабаній клыкъ.
12. Полированный клинъ или привѣска изъ темнаго камня.
13. Челюсть собаки.

Фототипія Х.

Вещи изъ гробницы въ Мысхако.

1—5. Фрагменты костяныхъ пластинокъ отъ колчана, съ изображеніемъ звѣрей.

6, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 17, 18, 19. Фрагменты отъ того-же колчана, украшенныя коемками.

11, 12, 13, 14, 20. Фрагменты, украшенные орнаментами съ того-же колчана.

21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28. Желѣзные наконечники стрѣлъ.

Фототипія ХІ.

Вещи, найденныя въ Мысхако (хуторъ Пенчула).

1. Привѣска изъ лаписъ-лазури.
2. Пронизка изъ сѣроватаго халцедона.
3. Привѣска изъ янтаря.
4. Низка бусъ сердоликовыхъ и бѣлыхъ, цилиндрическихъ.

*) Объясненіе первыхъ восьми фототипій помѣщено въ концѣ III-й главы.

5. Пуговица бронзовая, въ формѣ бубенчика.
6. Половинка подобной пуговицы.
7. Пуговица бронзовая, дутая.
8. Подобная.
9. Бляшка бронзовая отъ пояса.
10. Колечко бронзовое.
11. Фибула бронзовая (часть отломана).
12. Бронзовое тонкое зеркало.
13. Флаконъ (алавастръ) изъ разноцвѣтнаго стекла.
14. Крестъ-тѣльникъ изъ бѣловатаго металлическаго сплава (нижній конецъ отломанъ).

Фототипія XII.

Вещи изъ гробницы въ Цемесской долины.

- 1—5. Желѣзные наконечники стрѣлъ
- 6—8. Желѣзные ножи.
- 9—11. Пилы желѣзныя разныхъ формъ.
12. Ножъ столярный (съ загибомъ).

Фототипія XIII.

Вещи изъ могильника на хуторѣ Карпенки (Натухайская станица).

1. Серебряная пластинка отъ головного убора съ обронными украшеніями.
2. Серебряное украшеніе, въ формѣ лунницы, украшенной листиками изъ сканныхъ веревочекъ.
3. Серебряная дутая привѣска, украшенная сканнымъ узоромъ.
4. Серебряная розетка отъ верхней части привѣски.
5. Серебряный ажурный наконечникъ отъ нижней части привѣски.
6. Серебряной ромбической формы медаліонъ съ тремя серебр. грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ.
7. Колечко серебр. съ тремя грушевидными привѣсками на цѣпочкахъ.
- 8, 9, 10. Серебряные пугови, разныхъ размѣровъ.
- 12, 13, 14. Серебряные дутыя пуговицы, украшенныя пирамидками изъ шариковъ и сканной веревочкой.
11. Плетешекъ изъ шнура—украшеніе отъ одежды.
15. Серебряная дутая привѣска отъ серьги.
16. Серебряная серьга, украшенная серебр. ажурными шариками и бирюзой.
17. Серьга изъ металл. колечка съ пирамидкой изъ серебр. шариковъ.
18. Серьга изъ тонкой серебр. проволоки съ утолщеннымъ къ низу стержнемъ.
19. Серьга, въ видѣ колечка, изъ серебр. проволоки.
20. Серьга изъ серебр. колечка съ половинкой сер. пластинчатой привѣски.

Фототипія XIV.

Вещи изъ того же могильника.

1. Стеклянная прозрачная буса, многогранная.
2. Буса изъ глиняной массы съ поливнымъ узоромъ.
3. Привѣска изъ гагата или гешира.
4. Пронизка костяная.
5. Раковина, служившая привѣской.
6. Тройная стеклянная буса желтоватаго цвѣта.
7. Пронизка изъ сердолика.
8. Пронизка изъ кости.
- 9, 10, 11. Уховертка и два острія изъ бронзы (были соединены на одномъ колечкѣ).
- 12, 13. Бронзовые наперстки.
14. Кольцо спиральное изъ серебра.
15. Фрагментъ отъ бронзоваго перстня.
16. Желѣзное огниво.
17. Желѣзные ножницы.
18. Литое изъ металлическаго сплава зеркало.
- 19, 20. Желѣзные наконечники стрѣлъ.

Фототипія XV.

Вещи изъ могильника на землѣ Полонскаго (станція Раевская).

1. Головной уборъ изъ серебр. пластинки съ обронными украшеніями.
2. Дѣтская серьга изъ золотой проволоки съ жемчужиной.
3. Фрагментъ отъ привѣски изъ лаписъ-лазури.
4. Прозрачная стеклянная буса.
- 5, 6, 7, 8, 9, 11. Бусы изъ каменной массы и стекла.
10. Фрагментъ отъ привѣски.
12. Привѣска въ видѣ пирамидки.
13. Фрагментъ.
14. Серьга изъ серебр. проволоки съ привѣснымъ серебр. золоченымъ шарикомъ.
15. Подобная привѣска отъ серьги.
- 16, 17, 18, 19, 20, 21. Колечки и фрагменты отъ колечекъ — изъ серебр. проволоки.
- 22, 23. Серебр. спиральныя кольца, покрытыя золотой пластинкой.
24. Фрагментъ отъ серебр. колечка.
25. Фрагментъ отъ бронзовой цѣпочки.
26. Бронзовое кольцо съ узелкомъ изъ ремня.
- 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33. Серебряный наборъ отъ пояса (со слѣдами позолоты).

34. Бронзовый наперстокъ.

35, 36, 37. Серебряный перстень и два гипсовыхъ слѣпка съ изображеній на немъ.

Фототипія XVI.

Вещи изъ края большаго кургана, близъ станицы Раевской.

1. Фрагментъ берцовой кости.

2. Мѣдный наконечникъ стрѣлки.

3, 4, 5, 6, 7, 8. Фрагменты сосуда изъ глины свѣтло-краснаго цвѣта.

Фототипія XVII.

Вещи изъ центральной могилы того же большаго кургана.

1. Фаянсовый кувшинъ; окраска фона ярко-синяя; цвѣты красные и зеленые.

2. Чашка фаянсовая—по бѣлому фону, цвѣты зеленые, фіолетовые.

3. Подобная чашка—по бѣлому фону, цвѣты голубые.

Фототипія XVIII.

Изображеніе мраморной плиты изъ станицы Натухайской.

Фототипія XIX.

Вещи изъ большаго кургана близъ станицы Натухайской.

1. Фрагментъ отъ терракоттовой статуэткы, съ сохранившейся ступней ножки.

2. Фрагментъ отъ терракоттовой статуэткы.

3. Браслетъ бронзовый.

4. Двѣ бусы изъ стеклянной массы.

5. Фрагментъ отъ сосуда съ ручкой (поверхность красная, глянцевитая).

6. Фрагментъ отъ сосуда подобной глины.

7, 8, 9. Фрагменты отъ сосудовъ сѣровой глины.

10. Отвѣсъ или гири изъ красной глины.

11. Бронзовое тонкое зеркало.

12. Остріе изъ кости.

13. Обточенный черепокъ изъ красной глины.

14. Фрагментъ съ бронзоваго колечка.

15, 16, 17, 18, 19. Пряслицы изъ сѣрой и красной глины.

Фототипія XX.

Вещи изъ городища „Ногай-Кале“ и окрестностей станицы Раевской.

1. Бронзовая статуэтка Меркурія. Найдена въ полѣ близъ ст. Раевской.

2. Бубеньчикъ бронзовый.

3. Бронзовый крученый стержень.

4. Бронзовые кольца.

} Найдены въ урнѣ вмѣстѣ съ жжеными костями (хуторъ казака Кобзы).

5. Кольцо или втулка изъ бронзы.
6. Чашечка литая изъ бронзы, съ рубчатой поверхностью.
7. Остріе изъ кости.
- 8, 9. Тонкія бронзовыя зеркала.
10. Обточенный фрагментъ отъ сосуда красной глины.
- 11, 12. Клинья или топоры изъ свѣтло-зеленаго камня.
13. Бусы изъ стекла и каменной массы съ черными глазками.

Вещи изъ
городища
„Ногай-Кале“.

Фототипія XXI.

Вещи изъ городища „Ногай-Кале“ (ст. Раевская).

1. Фрагментъ отъ большаго сосуда съ красной глянцевитой поверхностью и *очковымъ* орнаментомъ.
- 2—6. Ручки отъ большихъ сосудовъ красноватой и сѣровой глины.
- 7—10. Пряслицы или пронизки изъ глины красноватой и сѣровой.

Фототипія XXII.

Вещи изъ того же городища.

1. Ручка отъ амфоры съ греческимъ клеймомъ.
2. Двойная ручка отъ большой амфоры.
3. Фрагментъ ручки отъ большаго сосуда.
- 4, 5, 7, 8, 10. Ручки отъ сосудовъ, небольшихъ размѣровъ.
6. Пряслица изъ глины.
- 9, 16. Два маленькихъ сосудика сѣровой глины.

Фототипія XXIII.

Вещи изъ того же городища.

1. Фрагментъ черепицы красной глины.
2. Фрагментъ черепицы подобной глины.
3. Фрагментъ каменной плиты съ рубчатымъ орнаментомъ.

Фототипія XXIV.

Вещи изъ того же городища.

1. Желѣзный мечъ.
- 2, 3, 4. Желѣзные наконечники копій.
- 6, 8. Фрагменты желѣзныхъ наконечниковъ отъ копій.
5. Желѣзное остріе въ формѣ долота.
7. Желѣзное остріе.
9. Желѣзный крючокъ.

Фототипія XXV.

1. Планъ окрестностей ст. Раевской и гор. Ногай-Кале (копія съ плапа въ Кубанской межевой канцеляріи).
2. Планъ городища Ногай-Кале и окрестностей (копія съ плана ст. топографа Махмета).
- 3, 4. Большія амфоры изъ городища Ногай-Кале.

Фототипія XXVI.

Вещи изъ разныхъ кургановъ.

1. Стекланный сосудъ.
- 2—3. Подобной формы стекланные сосуды съ слѣдами контурныхъ орнаментовъ краснаго цвѣта.
4. Подобный сосудъ украшенъ пояскомъ изъ арабской золоченой надписи и круглыхъ медаліоновъ голубаго цвѣта.
5. Фрагментъ отъ сосуда зеленоваго стекла.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЛИТОГРАФИРОВАННЫХЪ ТАБЛИЦЪ.

Таблица I.

Рис. 1, А. Боковой видъ долмена въ с. Джубѣ.

В. Планъ того-же долмена.

Рис. 2. Развалины Старого Сухума.

Таблица II.

Рис. 1, А. Планъ крѣпости „Мамай-Кале“ близъ Сочи.

В. Кладка стѣны у входа въ башню той-же крѣпости.

В. Часть стѣны съ нишей въ той-же крѣпости.

Рис. 2. Планъ г. Сухума (А—раскопки на Ольгинской улицѣ; В—у казармъ; С—замокъ Баграта.

Рис. 3, А. Лицевая сторона медаліона изъ олова.

В. Обратная сторона того-же медаліона.

Рис. 4, А. Изображеніе съ лицевой стороны бронзовой фигуры.

В. Обратная сторона той-же фигуры.

С. Профиль той-же фигуры.

Таблица III.

Рис. 1, А. Видъ долмена близъ ст. Натухайской.

В. Планъ раскопки того-же долмена.

Рис. 2, А. Видъ долмена близъ Геленджика.

В. Планъ того же долмена.

Таблица IV.

Рис. 1. Видъ гробницы близъ Новороссійска по дорогѣ въ Мысхако

Рис. 2. Разрѣзъ той-же гробницы.

Таблица V.

Рис. 1. Видъ могильника у м. Мысхако.

Рис. 2. Разрѣзъ курганчика съ урной, прикрытой камнями

Рис. 3, А. Нижняя часть погребальной урны.

В. Реставрированная форма урны.

С. Положеніе урны въ курганчикѣ.

Таблица VI.

- Рис. 1. Гробница изъ каменныхъ плитъ въ курганѣ м. Мысхако.
Рис. 2. Два желѣзныхъ наконечника копій (хут. г. Пенчула въ Мысхако).
Рис. 3. Фрагменты желѣзнаго свѣтца (изъ той-же мѣстности).
Рис. 4. Небольшая амфора красной глины (изъ той-же мѣстности).

Таблица VII.

- Рис. 1. Вертикальный разрѣзъ кургана (Цемесская долина).
Рис. 2, А, В, С—наружныя формы кургановъ той-же мѣстности.
Рис. 3. Гробница изъ каменныхъ плитъ, очищенная отъ земляной насыпи—той-же мѣстности.

Таблица VIII.

- Рис. 1. Гробница изъ каменныхъ плитъ въ краю кургана (хуторъ Карпенки, близъ ст. Натухайской).
Рис. 2, А. Положеніе сосуда и черепа въ углу гробницы того-же могильника.
В. Положеніе костей въ одной изъ гробницъ того-же могильника.
С. Положеніе костей въ другой гробницѣ того-же могильника.
Рис. 3, А. Вертикальный разрѣзъ кургана того-же могильника.
В. Планъ кургана съ пятью гробницами—того-же могильника.

Таблица IX.

- Рис. 1. Видъ могильника съ менгиромъ у края кургана (хут. Ткачева, близъ кт. Раевской).
Рис. 2. Вертикальный разрѣзъ кургана съ менгиромъ.

Таблица X.

- А, В. Кладка изъ камня внутри насыпей большого кургана у ст. Натухайской.

Таблица XI.

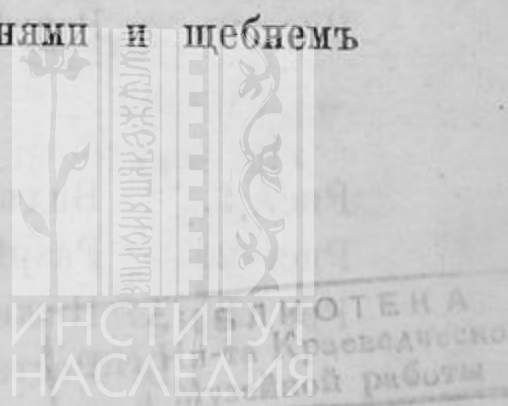
- Видъ раскопки городища „Ногай-Кале“, близъ ст. Раевской.

Таблица XII.

- А, В. Кладка стѣнъ въ городищѣ „Ногай-Кале“.

Таблица XIII.

- А. Внутренность комнаты съ амфорами, засыпанной камнями и щебнемъ (Ногай-Кале).
В. Планъ всей раскопки въ томъ-же городищѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Отъ Новороссійска до Сухума	1— 8
II. Сухумъ. Знакомство съ окрестностями. Сталактитовая пещера. Остатки древностей въ городѣ. Раскопки на Ольгинской улицѣ. Раскопки у казармъ. Результаты раскопокъ.	9— 39
III. Бухта Скурча и мысъ Искурій. Развалины стараго Сухума. Значеніе моихъ раскопокъ по отношенію къ исторіи этой мѣстности. Описаніе фототипическихъ таблицъ	40— 55
IV. Отъ Новороссійска до Геленджика. Долмены-цисты по дорогѣ въ Геленджикъ и въ станицѣ Натухайской. Могильники въ Геленджикѣ. Могильникъ въ с. Кабардинскомъ	56— 70
V. Раскопки по дорогѣ къ могильнику въ Мысхако. Могильникъ въ Мысхако. Раскопки въ Цемесской долині.	71— 80
VI. Натухайская станица. Могильникъ у хутора казака Карпенки.	81— 86
VII. Раевская станица. Могильникъ у хутора Ткачева. Могильникъ на землѣ Полонскаго. Камень св. Георгія и сосѣдніе могильники	87— 92
VIII. Раевская станица. Раскопки въ могильникахъ вблизи станицы.	93—102
IX. Натухайская станица. Раскопка большаго кургана.	103—110
X. Станица Раевская. Раскопки въ городищѣ „Ногай-Кале“.	111—117
XI. Обзоръ археологическаго матеріала изъ раскопокъ въ Раевскомъ городищѣ	118—132
XII. Обзоръ археологическаго матеріала изъ курганныхъ раскопокъ.	133—150
XIII. Общія черты погребенія въ курганахъ и характеръ устройства гробницъ.	151—173
Объясненіе фототипій.	175—180
Объясненіе литографированныхъ таблицъ	181—182